

Инна Семенюк

РЕСИМВОЛИЗАЦИЯ САМОСТИ

Герменевтика
Таро
и человеческое
развитие

ИННА СЕМЕЦКИ

РЕСИМВОЛИЗАЦИЯ
САМОСТИ:

ГЕРМЕНЕВТИКА ТАРО
И ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

Москва
2017

Карты Таро давно перестали быть простым инструментом предсказания. Они всё чаще используются во время психологической консультации, наряду с методом свободных ассоциаций и другими техниками. Именно такому использованию Таро посвящена данная книга. Автор излагает подробный теоретический материал, основанный на исследованиях психологов и терапевтов, позволяющий посмотреть на Таро с научной точки зрения. В книге так же представлены примеры толкования таро-раскладов в психологическом и событийном аспектах, которые могут пригодиться в качестве методического материала как для таролога, так и для психолога.

Инна Семецки

**РЕСИМВОЛИЗАЦИЯ САМОСТИ: ГЕРМЕНЕВТИКА ТАРО
И ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ**

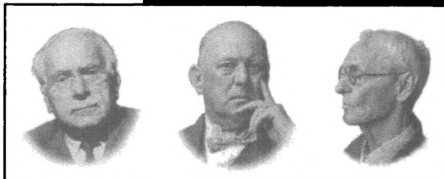
М.: Клуб Касталия. 2017. — 266 с.

Перевод: Иван СОРОКОВ

Редактор: Катерина САФОНОВА

Компьютерная верстка: Ольга ИВАНОВА

Обложка: Ольга ИВАНОВА

ПРОЕКТ КАСТАЛИЯ —
уникальный проект,
объединяющий
представителей самых
разных мировоззрений,
начиная от язычества

CASTALIA

и заканчивая гностическими и герметическими традициями. Три объединяющих принципа Касталии — это **Юнгианство, Оккультизм и Нонконформизм**. Быть Юнгианцем — значит иметь мужество познанию своиз самых потаённых глубин. Быть Оккультистом — искать то, что раз и навсегда пресуществит твой дух в тигле трансмутации, быть Нонконформистом — просто быть собой, вне следования каким-либо нормам или обычаям.

НАШ ПРОЕКТ ИМЕЕТ МНОЖЕСТВО ГРАНЕЙ.

Это и ежемесячно обновляемый эксклюзивными переводами сайт www.castalia.ru, над обновлением которого работает целая группа добровольцев. Это и каждую неделю собирающийся в Реале **клуб Касталия**, где члены клуба могут услышать лекции о самых разных эзотерических и психологических традициях. Это и **школа Касталия**, своего рода внешнее представительство клуба, регулярно проводящая открытые обучающие лекции и семинары. Для переводчиков Касталии — бесплатные, для всех остальных — недорогие. Это и уникальный **интернет-магазин** эзотерической и психологической литературы по доступным ценам. Переводчики имеют скидки. И, прежде всего — это интегральное мировоззрение, основанное на поиске соединения трёх слагаемых Касталии и стремящееся к оккультному Ренессансу.

**КАСТАЛИЯ ПРИГЛАШАЕТ К СОТРУДНИЧЕСТВУ
АВТОРОВ, ПЕРЕВОДЧИКОВ, А ТАКЖЕ
ОРГАНИЗАЦИИ ДЛЯ ПРОВЕДЕНИЯ
СОВМЕСТНЫХ ПРОЕКТОВ**

Содержание

Глава 1. Зачем нужна эта книга.....	5
Глава 2. Создание бриколажа	19
Глава 3. Мифы и реальность.....	37
Глава 4. Человеческие переживания в символах Таро	52
Глава 5. Личность и сознание.....	75
Глава 6. Жиль Делез: Учиться у бессознательного.....	92
Глава 7. Таро и проективная гипотеза	110
Глава 8. Живые истории.....	128
Майкл.....	131
Лола.....	138
Омар.....	144
Сэм.....	149
Лина	155
Марина	159
Рената.....	166
Пэм.....	171
Росс	176
Донна.....	181
Тесс	187
Кэти.....	192
Родни.....	197
Гордана.....	204
Анита.....	211
Глава 9. Культурная педагогика Таро.....	216
Глава 10. Таро и новая наука.....	233
Приложение. Анкета (опросник).....	252

Глава 1

ЗАЧЕМ НУЖНА ЭТА КНИГА?

Эта книга начиналась с проекта, проводимого между 1992 и 1994 под эгидой Калифорнийского Центра Бихевиоральных Исследований в то время, когда я была аспирантом, участвовавшим в магистерской программе в области консультаций по вопросам брака, семьи и развития человека при колледже Пасифик Оукс в Пасадене. Тогда я еще не знала, что это исследование было подобно тем, которые более, чем десятилетием позже последователь Юнга, Роберт Романишин назовет «исследованиями, затрагивающими душу» (Romanishin, 2007). Но в 1992 эти десять лет отделяли меня не только от моей будущей докторской в области философии образования и культурных исследований — тогда я даже не определилась с темой своей диссертации, которая в итоге получила заголовок «Внедрение чтения Таро в клиническую психотерапию: натуралистическое исследование». Интересно, что вновь, согласно *имагинальному* методу Романишина, тема готова была выбрать меня, а никак не наоборот! Говоря *имагинальный*, Романишин выделяет роль «третьего» измерения между чувствами и разумом в качестве способа воплощения в мире, позволяющего разуму прикоснуться к целостности природы. В свою очередь, Генри Корбин ввел понятие *Воображаемого Мира* — *Mundus Imaginalis* или *Mundus Archetipus*, архетипического мира как особого способа организации реальности, связанного с особым же способом восприятия, в противовес *воображаемому* как исключительно нереальному, утопическому. Однако, именно познавательная функция, обогащенная воображением, открывает доступ к воображаемому миру через отдельный вид знания выделяемый как знание по аналогии.

Метод аналогий, практиковавшийся мистиками всего мира веками отрицает исключительность, придаваемую наделенному

сознанием субъекту, наблюдающему окружающий его мир объектов — от которого он всегда отделяется — холодным, «научным» взглядом независимого наблюдателя, чтобы получить не подлежащие сомнению знания, *эпистему*.

Мистики и поэты (которых Платон не наделял ученым статусом) исторически включались в общую всеобъемлющую сеть взаимоотношений, связанную с миром в целостной структуре взаимозависимых элементов и, таким образом, преодолевали границы между субъектом и объектом. Дух дуализма преследовал нас со времен Декарта, вовлекая нас в определенное Корбеном как «банальный дуализм» противостояние духа и материи. Что касается «социализации» сознания, она якобы разрешает дилемму, совершая, согласно Корбену, *фатальный* выбор: либо миф, либо историческая реальность. Факты или вымысел! Эта книга, однако, избегает двойственной фатальности этих «или-или». Как будет показано в третьей главе, Таро раскрывает себя и в мифических, и в культурных, исторических плоскостях.

Здесь важно и социологическое измерение: Филип Векслер (Wexler, 1996, 2000, 2008), указывая на актуальность религий и духовности для социокультурной жизни, приписывал статус такого символического движения социологии образования, ставящей своей целью внести духовную компоненту в секуляризованные, свободные от иллюзий и отчужденные контексты, чтобы удовлетворить их жажду осмысления. Векслер подходит к этому из древней традиции и фокусируется конкретно на мистическом иудаизме. Он призывает к «широкомасштабной ревитализации <...> современной культуры, реартикуляции древних религиозных традиций и <...> обращению к анти-институциональным, но религиозно-ориентированным движениям повседневной жизни, часто называемых вестниками и образцами *ню-эйджа*» (Wexler, 2008, с.9).

Я разделяю убежденность Векслера в том, что нынешняя эпоха постмодерна требует пересмотра традиций теории, интерпретации и понимания премодерна, особенно в ключе следования «традиции *ню-эйджа* [путем] открытия резервуара культурных ресурсов традиционного, религиозного осмысления <...> в мистическом, экспериментальном и духовном аспектах: тантры от Индуизма, суфизма от Ислама, мистицизма от Христианства, а от Иудаизма — каббалы и хасидизма» (Wexler, 2008, с.10).

Эта книга не только добавляет Таро как духовную, метафизическую и вместе с тем практическую, систему в список мультикультурных традиций Векслера, но также фокусируется конкретно на герменевтике Таро, искусстве, выражаясь терминами популярной культуры, на чтении Таро. Этимологически греческие слова *hermeneuein* и *hermeneia*, означающие интерпретацию как понятие и процесс, связаны с богом Гермесом, посланником и посредником между богами и смертными, преодолевающим рубежи и переходящим границы благодаря тому, что он способен понимать и разговаривать на обоих «языках», божественном и человеческом, несмотря на их чуждость друг другу. В качестве практического метода, герменевтика Таро позволяет устанавливать связи с чем-то в сущности своей *иным*, но тем не менее доступным пониманию, познанию и, в конечном счете, уже известным. Отношения, установленные таким образом между «Собой» и «Иным» в реальной, практической жизни также значительны и подвержены эпистемологическим и онтологическим импликациям.

Со всей серьезностью следует отнестись к этическому изменению, с учетом того, что для нашего времени характерны мультикультурализм и глобализация, когда различные ценности представляются несоизмеримыми и находятся в состоянии соперничества, конфликта, столкновения!

Когда глобальный климат пропитан различными верованиями, несопоставимыми ценностями и культурными конфликтами, понимание себя и окружающих и умение разделять чужие ценности является парадигмой выживания нашего вида. Это требует расширения сознания всеми доступными способами, включая использование символического языка изображений Таро, которые, как гласит поговорка, дороже тысячи слов. Иван Тургенев отмечал, что один взгляд на изображение покажет нечто, для выражения чего потребовались бы десятки страниц. Без грандиозных метафизических притязаний относительно Таро, эта книга сосредоточится на практической стороне, затрагиваемой моими выводами, полученными эмпирически. Однако, важные теоретические основания будут изложены с первой по седьмую главы, чтобы обосновать эмпирические сведения, представленные в деталях в Главе 8. Она содержит пятнадцать чтений Таро, имевших место в моей практике и зафиксированных

как основная содержательная часть моего исследования, все они публикуются с письменного согласия участников.

Итак, возвращаясь в 1992, я вспоминаю тот день, когда я достала из своего почтового ящика выпуск *The California Therapist* за ноябрь-декабрь. Мое внимание привлекло опубликованное письмо в редакцию, где автор интересуется опытом других специалистов, сталкивавшихся в своей практике с людьми, более заинтересованными в своих предыдущих жизнях и, как выразился автор, вопросах паранормального, нежели обсуждении родителей и проблем детства. Автор выразил мнение, что ему и другим терапевтам, работающим с «нью-эйдж» клиентами, требуется более широкое освещение. Когда я прочитала это письмо, составленное квалифицированным специалистом в области психического здоровья, опубликованное в авторитетном специальном издании, первое, что я испытала было чувство причастности. Надо же! Я не одинока в своих стремлениях! В ту пору, являясь выпускником, я не упоминала в своих публикациях того, что являюсь тарологом. Однако, сам факт этого сподвиг меня стать профессионалом в этой области, вложить свое время, силы, средства и душу в углубленное исследование. Результатом всего этого стала книга, которую вы читаете. Много лет назад, готовая прислушаться к любому, кто мог бы указать мне путь в, как тогда казалось, порочном круге жизненных трудностей и проблем, я обратилась к читающим Таро. Ничто не помогало, и в итоге я металась от кризиса к кризису, теряя последние нити, связывающие меня не только с окружающим миром, но и с самой собой. Бродя из кабинета в кабинет, я нигде не находила понимания, и все больше сомнений в собственной целостности плодилось в моей голове, углубляя разрыв и истончая связи, позволяющие понять себя.

Вспомните древнюю максиму «Познай Себя», высеченную на входе в храм Аполлона в Дельфах. Нэл Ноддингс (Noddings, 2006), философ образования напоминает нам, что самопознание остается необходимой, пусть и часто отрицаемой, целью образования. Это тот поиск смысла и мерил жизненного опыта — познанной и непознанной жизни — к которым призывал Сократ.

Ноддингс непреклонна в вопросе самопознания как изначального ядра образования: «когда мы стремимся образовывать, следует воспринимать Сократа со всей серьезностью.

Неосознанные жизни могут стоить того, чтобы их прожить и могут даже иметь некоторую ценность, однако *образование*, не поощряющее исследования жизни не достойно называться образованием» (Noddings, 2006, с.10, курсив по оригиналу). Однако, чаще образование приравнивается к обучению (для детей) и передаче профессиональных навыков (для взрослых), таким образом *априори* маргинализируя область человеческого развития на протяжении всей жизни и эмпирического опыта, извлекаемого из жизненных ситуаций. Для меня такое неформальное или, скорее пост-формальное (Steinberg, Kincheloe, McKey, 1999) образование, основанное на существующей культурной практике, началось, когда я обнаружила себя сидящей напротив человека, по-настоящему читавшего язык Таро. Его толкование расклада предшествовало катарсису: то, что я подсознательно не желала принять, подавленное и спрятанное в глубинах подсознания, а значит не решенное, было представлено мне, а затем разобрано между мной и читающим, таким образом становясь в процессе осмысленной реальностью.

Я покинула сеанс в полном осознании того, что мне предстоит принять эту новую информацию, поскольку новое знание было мной, моей самостью, до сего момента отрицаемой, замещаемой и вытесняемой. Сам процесс такого неформального наставления методами чтения Таро, выходящий за границы образования и терапии, облегчил процесс развития и личностного преобразования. И этот процесс, одновременно обучения и исцеления, продолжается до сих пор, и этот путь я прохожу рука об руку с удивительным миром Таро: я стала, выражаясь терминами популярной культуры, читающей. Или, с точки зрения академического дискурса, «двуязычным переводчиком», способным переводить с «языка» подсознания, выраженного в ряду образов Таро (см. гл.7) на язык слов; по-моему, это один из богатейших и дающих наибольшую свободу опытов в человеческой жизни.

На английском *образование* — *education*, восходит к латинскому *educare*, одновременно означающему «вести» и в то же время «выносить наружу». Слово *терапия* восходит к греческому *therapeia* в смысле «посильной помощи нуждающимся». Образование и консультирование подразумевают, прямо или косвенно, исследование сущности человеческого Я и взаимоотношений с окружающими. Кэрол Визерелл отмечает, что в идеале,

любая профессиональная деятельность «расширяет возможности поиска целостности и смысла» (Witherell, 1991, с.84) пережитого опыта. Важно подчеркнуть, что обе практики «созданы для изменения и придания направления человеческой жизни» (Witherell, 1991, с.84).

В сфере человеческого развития, которую затрагивает эта книга, жесткие границы между этими практиками размыкаются, в контексте современности сами понятия образования и терапии достаточно размыты: обе нацелены на сотворение смысла наших переживаний, в том числе касающихся неизвестного и неосознаваемого. Роль бессознательного обучения систематически выделялась старшим преподавателем Австралийского Католического Университета, Мариан де Суза (de Souza, 2008, 2009), особенно в вопросах эмоционального и духовного интеллекта, основанных на «процессах чувствования и интуитивного познания» (de Souza, 2009, с. 681) в контексте образования и душевного здоровья.

Герменевтика Таро открывает нетрадиционный эпистемический подход к области бессознательных аналогий и аналитической или глубинной психологии Карла Густава Юнга, о чем будет сказано во второй главе, где эффекты динамики архетипов, входящие в поле коллективного бессознательного — теоретического конструкта, введенного Юнгом — проверяются на практике.

Биограф Юнга, Лоренс ван дер Пост, в своем введении к книге Салли Николз «Юнг и Таро: архетипическое путешествие» отмечает ее вклад в аналитическую психологию через «глубокое исследование Таро и просвещенную экзегезу его закономерностей в действенной попытке расширения возможностей человеческого восприятия» (см. Nichols, 1980, с.15).

Современный исследователь-постъюнгианец Эндрю Сэмюэлз упоминал «системы, такие, как И-Цзин, Таро и астрологию» (Samuels, 1985, с. 123) в качестве допустимых, пусть и спорных инструментов аналитической психологии и цитировал Юнга, в 1945 написавшего: «Я нахожу И-Цзин крайне интересной... Я не пользовался ей вот уже два года, чувствуя, что следует учиться ходить в темноте, или посмотреть (как делают, учась плавать), удержусь ли я на воде» (с. 123). Ирэн Гэд связывала изображения Таро со стадиями развития человека в контексте учения Каббалы, параллельно юнгианскому

процессу индивидуации с целью становления подлинным собой. Она считала архетипические образы «побуждающими символами, возникающими и исчезающими на протяжении истории в тяжелые, переходные времена» (1994, с. 34). Это историческое и социокультурное значение герменевтики Таро будет рассмотрено в девятой главе.

Эта книга продемонстрирует, что Таро в существующих, пусть маргинальных, культурных практиках, традиционно помещаемое на «нижней» оконечности популярной культуры, играет значительную роль в процессе самоформирования или выстраивания человеческой субъективности, становясь методом ресимволизации Самости. Филип Векслер ввел понятие «ресимволизации» как сосредоточенный на «коллективной символической, либо культурной деятельности» созидательный процесс культурных и общественных изменений через реинтерпретацию человеческой субъективности, основанный на «интерактивной динамике реляционности» (Wexler, 1996, с. 115), особенно когда это касается иудейских мистических учений, Каббалы, что буквально переводится как Традиция. Именно *реляция* как онтологический базис (в противовес изолированному и эгоцентричному моральному агенту) находится в центре образовательной этики Нэл Ноддингс. Хасидский философ Мартин Бубер, чьим понятийным аппаратом пользовалась Ноддингс, ссылаясь на «невыразимые глубины переживания неразделимого единения» (1971, с. 24) между двумя людьми на душевном уровне в форме известной схемы *Я-Ты*. Эти глубины наполнены не словами, но образами, и задача этой книги прояснить эти образы, выразить их, понять их роль в ресимволизации *реляционной* Самости на индивидуальном и коллективном уровнях.

По Буберу, именно в мире зарождается личность конкретного индивидуума. Мир сочетает в себе все окружающее, природное и социальное, «„образовывающее“ человека: он высвобождает его силы и заставляет человека принять и преодолеть его возражения» (Buber, 1971, р. 89). Бубер намеренно ставит кавычки, чтобы отделить свой новый метод реляционного, общего, эротического образовательного опыта от старой односторонней модели, основанной на воле к власти и авторитете, отрицающей «опыт другой стороны» (с. 96).

Интегративная динамика между собой и другим, между сознательным и бессознательным, между Я и Ты, создающая элемент включения в образование, где учитель «поставлен в центр процесса» (с. 103).

Реляционный и интегративный подход также «в духе времени» в другой ориентированной на человека профессии, в психотерапии (Corey, 1991). В начале 90-х Кори выступал за интегративный подход, основываясь на готовности терапевта выйти за границы собственной точки зрения и возможности расширения ряда техник для наиболее широкого соответствия разнообразию пациентов. В том числе практики сближения, конвергенции и интеграции. В своем подходе, Кори предугадал, что нынешний «Zeitgeist продолжит тенденцию к конвергенции и интеграции и сосредоточится на духовной стороне» (с. 429).

Майкл Мерфи (1993) также призывал к использованию *интегральных практик*, всесторонне охватывающих широкий спектр сторон человеческой природы, включая соматическую, аффективную, волевою и, что особенно важно, внеличностную сферы. Эдвард Уитмонт (1985) в контексте постъюнгианских психотерапевтических практик, отмечал недостаточность одних только вербального и рефлексивного методов. Осознавая ограничения «разговорной терапии», он заключил, что развитие психической восприимчивости достигло нового уровня и наделило «духовное» новыми смыслами. Уитмонт отмечал достижение новой фазы в эволюции сознания, требующей широкого круга новых методов восприятия, не сводимых одному только интеллекту.

Понимание того, что человеческое сознание претерпевает эволюцию, рост и расширение является важной предпосылкой в современных подходах к образованию, нацеленным на духовность, заботу и благополучие (De Souza, M., Francis, L., O'Higgins-Norman, J. и D. Scott, 2009; Gidley, 2009). Жан Гибзер, французский ученый и поэт, описывал эволюцию человеческого сознания посредством его углубления и последовательного прохождения через архаическую, мистическую, магическую и ментальную структуры, чтобы в итоге достигнуть *цельного* сознания, включающего в себя и духовную сторону. Гибзер заметил, что мифические сказители, подобные Гомеру, изображаются слепыми, поскольку их задачей являлось не наблюдение

видимого мира через глаза, органы зрения, но через озарение, «взгляд, обращенный внутрь, чтобы ухватить внутренние образы души» (Gebser, 1991, с. 271). Именно проникновение в смысл образов Таро, как покажет эта книга, ведет к углублению, расширению и ресимволизации сознания.

И еще одно воспоминание. Лето 1993. Я загружена своей интернатурой в клинике Западного Голливуда. Наши клиенты, да и большая часть населения района, представлены в основном гомосексуалами. Я провожу сеанс с «Джоном», ему за тридцать, и он ВИЧ-положителен. Мы обсуждаем его внезапные вспышки гнева в отношениях с его партнером, но тут он резко меняет тему: «Вчера я виделся с гуру», — говорит Джон: «Она говорит, что не видит на мне пятна смерти». То, как и когда это было сказано серьезно повлияло на меня и определило поворотную точку в наших профессиональных отношениях с Джоном. Наши сеансы сместились в сторону предмета высочайшей важности, значимости и ценности в болезненном и зыбком внутреннем мире Джона. Я переоценила весомость проблем, которыми он был озабочен. Все указывало на то, что Джон пытался найти того, кто мог бы понять страхи и чаяния, принять их и помочь ему разобраться с его проблемами. Как оказалось, именно его духовный гуру смогла оказать ему необходимую поддержку. Желание «получить заботу <...> выражается в потребности в любви, внимании, уважении или просто признании — [и] таково фундаментальное основание этики заботы о человеке» (Noddings, 1998, с. 188). Такова была субъективная реальность Джона — и эта реальность соприкоснувшись нашла отражение в его духовном поиске. Я же начала задумываться о двойственности своей профессиональной роли в этой ситуации: какой отклик, какое ответное действие я как консультант могла бы произвести в рамках когнитивно-поведенческого подхода, предусмотренного моей деятельностью? Что можно сделать, ориентируясь только на когнитивную сферу и стремясь изменить поведение конкретного человека, первичная оценка состояния которого, согласно форме, показывала начальную стадию деменции? Отчаявшийся и подавленный произошедшими в своей жизни событиями, он обратился к кому-то за порогом моего кабинета, кому-то, воспринимаемого в качестве духовного гуру. Я сразу поняла, что если

бы мне удалось ввести в наши консультации духовную сферу — особенно через расклады Таро — это пошло бы Джону только во благо. В худшем случае, это только утвердило бы его мировоззренческую позицию, в лучшем же смысл событий его жизни и его опыта, пусть трагического, открылся бы его восприятию. Я медленно утверждалась в этом намерении. Ничто не может помешать существующему феномену стать предметом изучения. Феномен интерпретации Таро существует; полки книжных магазинов заполнены популярной литературой; доступно более двухсот различных колод. Таро представлены и в популярных медиа, даже телеканалы имеют свою «психическую сеть»; однако, все это существует в основном на уровне популярной культуры.

Как отметила Эмили Ожер (Oger, 2004) в своем исследовании Таро и других медитационных колод в эстетическом контексте, колода Таро представляет популярные или «низкие», в противовес «высоким», формы таких искусств, как живопись, архитектура и скульптура. Однако, именно Таро определено было стать предметом моего послеуниверситетского исследования в области поведенческих наук, пересекающего тем самым границу между академической и популярной культурой. Подобно «раненому исследователю» Роберта Романишина (Romanyshyn, 2007), я готова была шагнуть в неизведанные просторы бессознательного и исследовать те «раны», на которых строятся наши ощущения и суждения. Я не намеревалась доказать или опровергнуть что-либо, подтверждать или развенчивать, сравнивать или противопоставлять. Это исследование вышло из желания осветить часто неверно воспринимаемый мир Таро, гораздо более богатый и значимый, чем его упрощенный образ гадательного инструмента, принятый в популярной культуре, который к тому же не признается таковым.

Главной «целью» моих исследований было, является и будет благополучие тех, кто обращается к чтению Таро. Колода Таро состоит из семидесяти восьми иллюстрированных карт. Смысл арканов в той творческой, часто упускаемой, составляющей нашей жизни, которая требует познания, открытия через переживание для того, чтобы плодотворно и созидательно подходить к многим жизненным моментам, вокруг которых выстраиваются события, возможные ситуации и наши отношения с окружающими. Когда

(и если) она будет раскрыта, т.е. сделана доступной сознанию, эта составляющая станет мощной мотивирующей силой для внесения изменений на эмоциональном, когнитивном и поведенческом уровнях и, таким образом, выполнить важную этическую миссию.

То, что называют раскладом Таро, является, по сути, определенным видом узора из образных карт с набором образов, исполненных символизма. Каждая позиция в последовательности этих изображений имеет определенные коннотации и будет рассмотрена в главах 7 и 8. Изобразительный символизм Таро воплощает интеллектуальные, моральные и духовные «уроки», выведенные из коллективного опыта человечества всех времен, регионов и культур. Так Таро «говорит» на мифическом формате символов, универсальным языком, полным глубоких, порой неясных на первый взгляд, смыслов. Интерпретация изображений Таро требует особого рода «герменевтики, основанной на сопоставлении различных элементов, [или] на том, что Фрейд называл пиктографией» (Grumet, 1991, с. 75). В качестве символической системы чтения и интерпретации, Таро ориентировано на открытие смысла множественных опытов, которые иначе казались бы лишенными такового. Таким образом, чтение Таро непременно «почитает спонтанность, сложность и многогранность человеческого опыта» (с. 67).

Образовательная функция вытекает из целостного измерения, заложенного в самом опыте и выходящего за дуалистическое разделение тела и разума, рамки которого раздвигаются, чтобы вместить области духовного и межличностного. Таким образом способности к самоанализу и самопознанию открываются на новом уровне, вместе с осознанием ценности, значимости и предназначения того или иного опыта. Что особенно важно, приобретает более глубокое понимание тех вопросов, которые кажутся неразрешимыми моральными дилеммами, из чего последовательно выходит выбор верных действий и выработка более разумного и информированного механизма принятия решений.

В своем монументальном труде Кроуфорд и Росситер (Crawford and Rossiter, 2006) сравнивают юношеские поиски смысла, идентичности и духовности к самому *смыслу жизни* и отмечают, что смысл и идентичность являются одним психологическим явлением, рассмотренным с разных сторон. С точки

зрения смысла, это индивидуальное предназначение. С точки зрения идентичности, это индивидуальное понимание себя и самовыражение (р. 33). Заметив взаимосвязь между поисками смысла, идентичности и духовности, Кроуфорд и Росситер предположили, что учителям стоит помочь своим ученикам «взглянуть на свой опыт образования с более глубоким осознанием его важности» (2006, р. 321). Разумеется, это благородная цель, но она должна быть достигнута учителями, имеющими по крайней мере равное, если не большее понимание ценности и значимости своей профессиональной деятельности и своего личностного развития в рамках того, что Юнг назвал *самообразованием* (см. главу 2). Нэл Ноддингс (2002) неустанно напоминает, что смысл цельного образования состоит в том, чтобы обогатить процесс воспитания сознания как со стороны учеников, так и учителей в динамике взаимоотношений, основанных на отношении *заботы*. «Намерение заботиться» (Noddings, 1991, с. 161) характеризуется присутствием внимания и включенности, что особенно важно в контексте Таро. Ноддингс ссылается на историю о Святом Граале, рассказанную Симоной Вейль (Weil, 1951): в изначальной легенде о Граале сказано, что он <...> принадлежит первому, кто спросит хранителя Грааля, парализованного на три четверти тела крайне болезненной раной, «Что ты испытываешь?» <...> Это признание того, что страдающий существует, не только как один из многих, часть категории «несчастные, но в целом подобные нам». Такой взгляд на вещи наделен прежде всего заботой. Душа опустошается от своего собственного содержания с целью принять в себя существо, на которое она обращена, так же, как себя, во всей его истинности. Лишь тот, кто умеет заботиться, способен на это (р. 115).

Однако, я не задала Джону этот вопрос, «Что ты испытываешь?», в рамках бихевиорально-модификационного подхода. Он и не смог бы — сознательно — ответить на такой прямой вопрос и не захотел бы вступить в откровенный диалог с целью осознанно поделиться своим страданием и болью со мной. Наши консультации в ключе модификации поведения и принципов клиники предполагали, что я «проинструктирую» Джона воздерживаться от споров со своим партнером. Упоминание Джона о разговоре со своим духовным гуру показало, что он искал другого способа

почувствовать заботу, получить внимание, все более необходимое с ростом осознания им вероятности своей скорой кончины.

Установить связь с Другим на душевном уровне значит добиться контакта через *corpus subtile* — тонкое, духовное «тело» эмоций и чувств, часто невыразимых именно потому, что они скрыты в глубине бессознательного, в душе. Их выразительный язык льется через край, вырывается за границы сознательного дискурса. Герменевтика Таро и есть тот метафорический, символический поиск Святого Грааля, позволяющий выразить то, что неподвластно словам. Это связано с тем, что символы помогают вынести неосознаваемые раны и боль на уровень сознательного восприятия, задействуя душу и делая ее целостной в процессе, исцеляя ее.

Душа наполняется новым пониманием прожитого опыта и приобретенным чувством не только межличностной связи, но и, в конечном счете, духовного единства. Множество изменчивых смыслов выражает себя в форме символов, а символы работают в качестве преобразователей, способных поднять содержание бессознательного на уровень сознания, в итоге делая то, что Юнг называл трансцендентной функцией, когда «неявные значения становятся явными через осознание и восприятие» (Jung in Pauli, 1994, с. 159).

Чтения, представленные в восьмой главе этой книги, были проведены в соответствии с тем, что Джин Уотсон (Watson, 1985) называла, в области сестринского дела, моментами заботы. Ноддингс поясняет, что моменты заботы включают в себя те моменты, когда сестра и пациент, либо учитель и ученик, при встрече должны решить, что делать в данный момент, чем поделиться, как и какие потребности выразить или, возможно, просто помолчать. Это соприкосновение «должно определить дух того, что мы называем образованием» (Noddings, 1991, р. 168); этот направляющий, заботливый и родственный дух онтологически выделяет герменевтику Таро. Сосредотачивая внимание на «герменевтическом отставании [как] неспособности воспринять культурные тенденции» (Wexler, 1996, р. 5), которые уже замерли под давлением доминантной структуры сверхрационального знания, Векслер призывал к образовательному ренессансу. Его целью было собрать те небесные искры каббалистического мифа о сотворении, передаваемом в мистическом иудаизме

как «жизненно важное наследие неуловимого божественного света, [который] продолжает светить из сора и осколков мирских сосудов, неспособных его вместить. Так и обстоят дела, <...> с переосмыслением древних традиции в рамках современной мысли. Мы видим мерцание, но лишь за массивом ограниченных и неясных фрагментов. На что я надеюсь, так <...> на открытость к досовременным традициям и сокрытым в них вдохновляющим искрам» (Wexler, 1996, p. 11).

Вернуть эти божественные искры на уровень культурных практик — задача, с которой эта книга намерена справиться. Восстановленный свет как центральная метафора послужит не сверхрациональному Просвещению современности, но пост-современному Озарению, которое отринет пессимизм и часто фатальное смирение, пропитавшие индивидуальное и коллективное сознание на локальном и глобальном уровнях. В своей замечательной книге «Образовывая для сознательной Веры или Неверия», Нэл Ноддингс (1993) отмечает, что определенная часть критики нью-эйджа основана на предрассудках и ей «недостает интеллекта» (p. 39), который является центральной темой ее работ. Ноддингс обращает внимание на то, что новый тип образования «сделает серьезный акцент на самопознании <...>, объединяющим эмоциональное и духовное, равно как и интеллектуальное и психологическое». Так и я поддерживаю разумный подход и открытость в книге, которую вам предстоит прочитать. Более того, вы обнаружите, что герменевтика Таро открывает путь к расширению самосознания, а использование символической системы Таро в качестве образовательного и терапевтического подспорья позволяет учиться на пережитом опыте и приобрести интеллект и мудрость, как и завещала Ноддингс. Филип Векслер считал, что множество допущений, лежащих в основании культуры нью-эйджа должны быть подвергнуты глубокой деконструкции вплоть до архаического ядра религиозных традиций, на которые они наслаиваются. Следующая глава сосредоточится на рассмотрении этого «бриколажа» *per se* как целостной системы связей между теорией и практикой, в котором и существует герменевтика Таро.

Глава 2

СОЗДАНИЕ БРИКОЛАЖА

Рассматривая важность той роли, которую играют постформальное образование и культурная педагогика в процессе формирования идентичности, Кинчелоу (2005; 2008; Kincheloe и Вегу, 2005) определил *бриколаж* как обращение к различным теоретическим и методологическим средствам, в т. ч. герменевтике, феноменологии и нарратологии, без утери строгости критического мышления. Термин «бриколаж» был введен французским антропологом Клодом Леви-Строссом (Levi-Strauss, 1966) для обозначения спонтанных поступков человека, основанных на характерных шаблонах мифологического мышления, и определен в контексте структурализма, как поиск изначальных структур разума во всех формах человеческой деятельности. Жиль Делёз и Феликс Гваттари определяли бриколаж как «шизоаналитический» (Deleuze and Guattari, 1972), трансгрессивный способ производства. Постструктуралистская философия Делёза, послужившая толчком к расширению качественных методов образовательных исследований (St. Pierre, 1997a, 1997b) и внесшая значительный вклад в теорию образования (Semetsky, 2006, 2008), будет детально рассмотрена в шестой главе в отношении герменевтики Таро.

Бриколер (*bricoleur*, создатель бриколажа) конструирует объект изучения, уделяя особое внимание схемам взаимоотношений, процессов и взаимосвязей между феноменами, в ряду которых выступает и он сам. Для Кинчелоу создание бриколажа включает маргинализованные практики и разработку трансгрессивных концептуальных инструментов, а также исследование всей широты и богатства недооцененных когнитивных возможностей человека. *Бриколер*, погруженный в феноменологию пережитого опыта выступает первопроходцем неизведанных территорий,

использующим новые стратегии и открывающим новые пути для исследований, стремясь при этом помочь людям изменить свою жизнь. И тогда как герменевтика подразумевает неоднозначность смыслов, бриколаж предполагает наличие имажинативных и фиктивных элементов в методологии исследований.

С этой точки зрения, герменевтика Таро представляет собой работу бриколера. Бриколера — подлинно читающий Таро — творчески и изобретательно задействует «подручный материал» который есть не что иное, как изображения Таро.

Мое исследование основывалось на обширном материале, доступном в рамках аналитической, или *глубинной* психологии Карла Густава Юнга. Как и полученные эмпирически данные, представленные в главе 8, он отсылает к натуралистическому исследованию, объединяющему феноменологию и герменевтику.

Схожесть в своей сути всех опытов человечества, отраженная в мировом фольклоре и мифах подвела Юнга к постулату о существовании коллективного бессознательного как *объективной души*, разделяемой на глубочайшем уровне всеми представителями человечества и проявляющей себя через архетипические, символические — подспудные образы. Юнг назвал этот глубинный уровень *психоидом* (*psychoid*) и принял его как тот слой, на котором, в своей целостности, встречаются тело и разум, *физис* (φύσις, греч. природа) и *псюхе* (ψυχή, греч. душа) объединяются в качестве двух различных аспектов единого мира, *Unus Mundus*.

Архетипы, определяющие наше субъективное восприятие и суждения, «расположены» на унитарном уровне объективной реальности, находящемся вне границ как человеческого разума, так и внешней физической реальности. Значительным достижением Юнга и его антидуалистичного, объединяющего подхода стало то, что сегодня мы называем «науками о человеке». Он настаивал на том, что множественность внутреннего, духовного содержания бессознательного выходит за рамки одного лишь подавляемого, помещенного туда Фрейдом.

Это глубинное, находящееся в развитии, содержание выражает себя через архетипические образы, выступающие в качестве символических трансформаторов, способных привести к проявлению бессознательного в границах сознательного восприятия.

Юнг рассматривал архетип как скелет, схему, исполненную образности и мотивов, «через которые бессознательное связывается с нами» (Jung, CW8, с. 417) и разнородное содержание которого формирует различные архетипические образы. В своих мемуарах, озаглавленных «Воспоминания, Сновидения, Размышления», обращаясь к своему взрослению и «второй половине жизни», Юнг написал, что те годы, когда он следовал за своими *внутренними образами*, были наиболее важными в его жизни; определяющие решения были приняты именно через эти образы.

Бессознательное способно спонтанно производить такие образы, «не считаясь с желаниями и страхами сознания» (Jung, CW 11, с. 745). *Типос (typos)* как составная часть архетипа означает отпечаток, отметку, схему. В качестве множества таких схем, «работающих» в коллективном бессознательном, и существуют архетипы *in potentia*; в процессе переживания нами определенного опыта, они способны, из этого состояния, выдвигаться на первый план. Бессознательные «архетипы [как] <...> структурные элементы души <...> обладают определенной автономностью и особой энергией, позволяющей им притягивать наиболее подходящее содержание из области сознания» (Jung, CW 5, с. 232), тем самым помогая нам достичь наибольшей глубины осмысления, нежели та, что способно предоставить рациональное мышление в рамках одного лишь сознания, отделенного от того, что Юнг называл чувственным наполнением.

Актуализованные архетипы наполнены психической или духовной энергией, превосходящей фрейдистское, строго сексуальное, либидо. Для Юнга «психическая энергия — крайне привередливая сила, живущая в выполнении своих собственных требований» (Jung, CW 7, с. 76). Архетипы «живут» в динамическом поле коллективного бессознательного и формируют неортодоксальное виртуальное основание, на которое множество индивидуальных жизненных опытов проецируют свою собственную структуру. Множество комбинаций неисчислимого объема такого опыта — связок актуализованных архетипов — создают разнообразные архетипичные образы, открыто проявляющие себя на телесном уровне, в виде бессознательных поведенческих шаблонов.

Активность архетипической динамики определяет место индивидуума в процессе индивидуации, конечная цель которого, по Юнгу, есть достижение нового личностного уровня с кульминацией в Самости, архетипе целостности. Целостность как интеграция бессознательного в сознание смещает центр личности с Эго на Самость. Развертывание архетипов в динамике индивидуального жизненного опыта, выраженного через созвездия изображений Таро как символических «остановок» в процессе индивидуации, будет продемонстрировано в восьмой главе. Также будет показано изменение мироощущения и его связь с индивидуальной способностью *учиться* на собственном опыте.

Индивидуация как аналитический, целебный, терапевтический процесс была определена Юнгом в контексте *самообразования*, в течение которого и сознательный, и бессознательный аспекты жизненного опыта воссоединяются. Юнг со всей определенностью заявлял, что образование не должно быть ограничено школой и не должно останавливаться с окончанием детства. Представляя свою глубинную психологию как метод самообразования, Юнг (Jung, 1954) настаивал на том, что самосознание остается неистощимым базисом самообразования во взрослой жизни, а также выделил непрямой метод достижения глубинного самосознания через символическую медитацию в течение аналитического процесса: «Существует <...> множество предельно духовных процессов, остающихся бессознательными и лишь непрямо взаимодействующих с сознанием <...> существует <...> нечто имперсональное, производное от самой природы, позволяющее нам узнать правду о самих себе <...> О бессознательном ничего нельзя узнать напрямую, но косвенно мы способны воспринимать проявления, затрагивающие сознание» (Jung, 1954, с. 49). Донести множественные, часто болезненные, последствия бессознательных процессов до нашего сознания — общая цель глубинной психологии и герменевтики Таро. Тогда как человеческое развитие изначально стремится к Самости, этот архетип актуализуется полностью только тогда, когда бессознательное полностью интегрируется в сознание. В образах старших арканов Таро нам встретится целый ряд архетипов трансформации, которые будут рассмотрены в главе 4.

Человеческое развитие происходит с подачи символических образов, трансляторов бессознательного, превосходящих по выразительным качествам вербальные инструменты сознания: «не отдельный человек выражает себя, но архетип, говорящий через него» (Jung, 1963, с. 352). Юнг считал, что настоящая коммуникация становится возможной лишь тогда, когда сознательное Эго признает существование своего бессознательного партнера. Через символический диалог с этим виртуальным партнером, представленным архетипом Самости, присутствующим пока лишь косвенно, *in potentia* — но впоследствии претерпевающим актуализацию в путешествии по структуре образов Таро — и достигается тот критический уровень самосознания, который знаменует начало самообразования и дает толчок процессу индивидуации.

Когда я взялась за свой проект в начале 1990-х, юнгианская глубинная психология как метод анализа бессознательного пребывала даже не на задворках клинической и консультационной практики, среди множества прочих теоретических направлений — она была практически незнакома современному образовательному дискурсу. И лишь недавно ряд исследований первопроходцев в этой области (например, Neville, 2005; Main, 2008; Mayes, 2003, 2004, 2005, 2007; и в т. ч. последняя моя книга) были сосредоточены на неоспоримой важности аналитической психологии Юнга в области образования, в дополнение к ее терапевтической ценности, выходящей за границы между этими областями знания, сонаправленными на человеческое развитие и индивидуацию, тем самым размывая четкое разделение между педагогическими и клиническими аспектами. Роберт Романишин характеризует юнгианскую психологию как вид этической педагогики и демонстрирует юнгианский класс, смоделированный в рамках парадигмы «раненого исследователя» (Romanyshyn, 2007). Пресекая декартовские грезы о разуме, Романишин сплетает воедино феноменологию, герменевтику и юнгианскую психологию для анализа бессознательных динамических взаимоотношений между учителем и учеником как магистральный этический путь познания и существования. Романишин обращает внимание на то, что педагогу безусловно требуется взять на себя этическое обязательство нести ответственность за собственные

бессознательные установки, формирующие сложные «символы», сокрытые в проводящем поле классной комнаты в качестве глубокой бессознательной связи, вырастающей в подлинные педагогические отношения.

Однажды Лору Хаксли, вдову знаменитого писателя и почетного доктора в области социальной помощи, лауреата премии за Мир и Развитие от Всемирной Организации Здравоохранения в 1990г. спросили, считает ли она определенные психологические техники особенно надежными, или же успешность того или иного метода может варьироваться в применении к различным людям (Brown and Novick, 1993). Она ответила, что, несмотря на эффективность множества существующих техник в руках профессионала, наиболее важным фактором остаются взаимоотношения между ним и клиентом. С этой точки зрения, именно *отношения*, построенные с пятнадцатью участниками моего исследования, создали важную терапевтическую и педагогическую компоненту. Кому-то из них помогла уже первая сессия, как будет видно из их отзывов; другие, однако, оказались не готовы к переменам, которые могла повлечь за собой терапия. Результат любой сессии зависит от множества факторов, в том числе и особых, индивидуальных форм работы. Я всегда придерживалась этой парадигмы вне времени (Paul, 1967): *какой метод, кем примененный будет наиболее эффективным для этого конкретного человека с этой проблемой и при каких обстоятельствах. Для соблюдения профессиональных и этических норм, в подходе к герменевтике Таро все эти условия передаются с предельной ясностью и точностью.*

Я соглашусь с Романишиным в том, что нам нужно овладеть языком метафор — другими словами, стать *бриколерами* — в рамках своей практики; образование, понимаемое в этическом контексте, должно стать деятельностью, направленной на человеческое развитие, способствуя человеческой индивидуации и пестуя личностей, способных принять универсальные условия человеческого существования во всей полноте, в процессе трансформируя как себя, так и сами эти условия.

Для претворения в жизнь намерения Романишина по культивации особой, пусть пока и нестабильной, *метафорической восприимчивости*, выводящей нас за грани буквального

и линейного мышления, следует научиться считывать и интерпретировать метафорический изобразительный язык, на котором «говорят» образы, представляющие тот особый, *имагинальный* слой *реального*, имевшего место и находящегося в потенциале человеческого опыта.

По наблюдениям Юнга, отношения, занимающие место в поле переноса между аналитиком и анализируемым могут «привести к парапсихологическим феноменам» (Volen, 1979, с. 33) даже без И-Цзин и Таро. Экзистенциальный психолог Ролло Мэй утверждал, что «терапевт отсекает для себя существенную часть реальности, если не остается открыт к другим способам коммуникации, помимо рационального мышления» (May, 1991, с. 163). Фрейд отмечал, что отношения, возникающие на определенном этапе психоанализа близки к телепатической связи; интуиция же Юнга при анализе сновидений в его аналитической практике «была на границе аномалии» (Volen, 1979, с. 13).

Популярный таролог Мери Грир¹ ссылается на Юнга, в одном из своих писем говорящего следующее: «Да, мне известно о Таро. Насколько я знаю, это колода карт, бывшая в ходу у испанских цыган...», — и воспринимающего карты Таро как наследие архетипов трансформации: «Следует отметить, что для Юнга символическим процессом является переживание благодаря образам и переживание самих образов. Его протекание отражено в энантидромических структурах, таких, как текст И-Цзин <...> начало здесь <...> связано с попаданием в безвыходную ситуацию, тупик и конечной целью является, в целом, озарение высшим сознанием, благодаря которому ситуация и преодолевается» (Jung, CW 9i, с. 82).

Термин *энантидромия* (с греч. ἐναντίος — противоположный и + δρόμος, бег) использовался Юнгом в отношении действия бессознательного, действующего против воли сознания, но в согласии с высшим, пусть недоступным пониманию, планом, на базе которого выстроена вся бессознательная жизнь. При этом сохраняется обычное ситуации как «неразрешимой» и минимальный контроль над ситуацией.

¹ См. <http://marygreer.wordpress.com/2008/03/31/carli-iung-and-tarot>

В главе 8 будет показано множество, на первый взгляд, невозможных ситуаций, отображенных в раскладах, а затем, когда трансцендентная функция герменевтики Таро вступает в дело, находящих разрешение и позволяющих, как следствие, выйти из «тупика» привычного и ограниченного мышления, доминируемого эго. И так, через преодоление казавшейся безвыходной ситуации, происходит возвращение силы людям, потерявшим ощущение важности и присутствия смысла в собственной жизни.

Юнг был уверен, что невероятные ситуации, порождаемые бессознательным — средство для преодоления собственной воли, низведенной до сознания-эго, и вверения себя надличностной силе бессознательного на благо собственных роста и развития. Юнгианская психология постулирует, что типичные ситуации нашей жизни — отражение архетипов как схем спонтанного поведения, буквально врезанных в нашу психическую конституцию.

Как изначальные образы, вложенные в старшие арканы Таро (гл. 4), архетипы могут причинять сильную психологическую боль. Эмоциональная ситуация, соответствующая конкретному созвездию архетипов может разворачиваться, и с ней ментальное давление может стать настолько сильным, что превысит способность эго переносить: «Расхожие фразы отражают эту перемену на уровне психики: «Что за бес в него вселился?» или «Она одержима идеей», а также «С ума сходит от злости» (Bolen, 1979, с. 19). Символы Таро содержат то, что индивидуальное сознание не может полностью вместить на рациональном уровне, но так или иначе выражает на уровне эмоциональном.

Архетипы имеют два дополняющих друг друга полюса, один выражает «позитивную, светлую сторону, [а другой —] отчасти негативную <...> отчасти — хтоническую» (Jung, CW9i, с. 413). Это «естественный процесс [как] манифестация энергии, высвобождающейся при столкновении противоположностей» (Jung, CW 7, с. 121) выраженной в темном и светлом аспектах архетипа, включенных в образный ряд Таро (что напоминает Инь и Ян как взаимодействие противоположностей в Книге Перемен), который возрождает трансцендентную функцию символов, заложенных в герменевтике Таро.

Делая доступными восприятию многие незаметные, сокрытые и неосознаваемые значения, изображения выполняют функцию,

которой Юнг дал имя амплификации. Значения, пусть и неочевидны, но тем не менее, структурированы и организованы, и расклад Таро (как, например, Кельтский Крест из главы 7) амплифицирует бессознательное содержание архетипичных образов через их представление в материальной форме картинок.

Из-за амплифицирующей и синтезирующей природы символов, значения, выраженные в множестве образов, скрывающихся в бессознательном, могут быть проявлены, интерпретированы, высказаны и, в потенциале, интегрированы в сознание. Эта природа символов отражается в динамике эволюционного подхода к знанию как функции нашего опыта обучения длинной в жизнь *per se* в процессе индивидуации и ресимволизации Самости. По Юнгу, «психологический факт <...> как живой феномен <...> всегда неразрывно связан с ходом жизненного процесса, являясь, таким образом, не чем-то уже развитым, но развивающимся и творческим» (Jung, CW 6, с. 717).

Изображения Таро полны интерпретируемых символов, отсылающих к архетипичным идеям; потому они являются предметом герменевтической интерпретации, которая задействует интуицию, инсайт и творческое мышление. Джим Гаррисон, философ образования, предлагает термин *симпатическая информация* в качестве определения тем ощущениям и предчувствиям, которые позволяют человеку понимать окружающих; он выражает сожаление по поводу того, что «наша культура не вывела развитых методов сбора [такой] информации <...> исследователи не проводят вдумчивых межличностных экспериментов, [и] теории о человеческих мыслях, чувствах и действиях продвинулись <...> удивительно недалеко» (Garrison, 1997, с. 35).

Ирония заключается в том, что именно эта тонко-симпатическая, интерсубъективная информация предельно «релевантна вопросам обучения» (Garrison, 1997, с. 36), как и вопросам консультирования, которые занимают центральное положение в настоящем контексте герменевтики Таро, включенной в динамику взаимоотношений. Профессиональный читающий, будучи истинным бриколёром, может переводить изобразительный язык символов и знаков в слова, тем самым создавая объем симпатической, эмоциональной информации, вложенный в развертываемый им нарратив, адресованный субъекту конкретного чтения.

Много типичных жизненных ситуаций представлено в схемах, которые могут возникать и быть раскрыты с распределением картинок в том или ином раскладе. Человек способен учиться на собственном жизненном опыте, когда тот раскрывается перед его глазами в последовательности изображений. Соответственно, сокрытый смысл этого опыта становится доступен человеческому сознанию, и возможно открытие на практике глубинного, духовного и *нуминозного*, как назвал бы его Юнг, измерения опыта. Таким образом, Таро, в контексте архетипической динамики, несмотря на восприятие его как иррациональное и алогичное, помогает нам достигнуть предельной восприимчивости, превосходящей узость инструментального рационализма.

То, что психолог образования Жером Брюнэ назвал интуитивным чувством правоты, позволяет настоящему читающему выразить неявные значения образов и символов Таро. Для Брюнэ интуиция «подразумевает процесс улавливания смысла или структуры проблемы без излишней опоры на собственный аналитический аппарат (Bruner, 1966, с. 61). Символический, интуитивный подход создает диалектические отношения между сознанием и бессознательным. В этом отношении образы Таро могут быть рассматриваемы как мост между личным бессознательным, через пространство архетипов коллективного бессознательного, и сознанием.

Подобно толкованиям снов в юнгианском анализе, герменевтика Таро как считывание и интерпретация образов-картинок становится основным инструментом, способствующим человеку в процессе индивидуации. Цель читающего здесь — сделать сокрытую в бессознательном информацию доступной; чтобы запустить процесс роста для субъекта чтения, который является равноправным участником в складывающихся терапевтических и образовательных отношениях. И, как и в любых отношениях, субъективный опыт человека здесь крайне важен. Человеческий фактор является условием возникновения того, что Юнг совместно с физиком и нобелевским лауреатом Вольфгангом Паули назвал *синхронией* (*Jung and Pauli, 1955*).

Синхрония определена ими как наделенное смыслом совпадение, при котором «неожиданное [мысленное] содержание, прямо или косвенно связанное с чем-то объективным внешним

событием совмещаются в одном психическом состоянии (Koestler, 1972, сс. 96—97).

Способность разума быть направленным на нечто, иметь некоторое ментальное содержание, сама ее преднамеренность составляет предмет феноменологии. Согласно ее основателю Эдмунду Гуссерлю, точное описание любого феномена, каковым он предстает в рамках конкретного опыта и составляет основную задачу феноменологии. Феноменологический метод Гуссерля подкрепляет сам процесс чтения Таро, в течение которого *ноэма* (νόημα, греч. *акт мышления*) и *ноэзис* (νόησις, греч. *мышление*) связаны таким образом, что архетипические структуры, включенные в подсознание, становятся интуитивно присутствующими в сознании. Ноэзис в интуитивном плане — действие *Нуса* (Νοῦς), или Ума, представляющего высший уровень человеческого знания. В Православии нус человека описывается как «око душевных глубин» или «разум сердца». *Ноэма* же является конструкцией, сформированной опытом, выступающей для сознания как скрытые, до поры бессознательные, доязыковые смыслы, включенные в структуру этого опыта. Приближение к ноэматическому происходит через саморефлексию посредством символов.

Согласно Гуссерлю, ноэтическое и ноэматическое в идеале составляют две стороны одного и того же опыта, и бриколаж Таро как слияние феноменологии и герменевтики позволяет увидеть — в форме доступных восприятию материальных структур — то, что иначе оставалось бы вне поля осознаваемого опыта, лишь в мыслимом пространстве платоновых Идей, архетипов, к которым мы не имеем прямого доступа. Именно так, архетипы *per se* не могут быть познаваемы непосредственно, но могут быть транслированы, спущены «на бrenную землю», так сказать — посредством образов и символов, содержащихся в изображениях Таро.

Понимание символического смысла, вмещенного в архетипические образы арканов, и донесение их до сознания служит ресимволизации Самости в процессе, который отесняет Эго с его привилегированной, эгоцентричной позиции и обогащает человеческое сознание иными способами познания, дополняющими строго рациональные функции. Для Юнга *интуитивная*, иррациональная функция и содержание интуиции «выступает

как данность, в контрасте с деривативным или дедуктивным характером» (Noddings and Shore, 1984, p. 25), соотносящимся с двумя прочими выведенными Юнгом функциями мышления и чувствования. Чувствование, по Юнгу, рассматривается как рациональная функция, позволяющая оценивать и взвешивать наши суждения, в то время как интуиция бессознательна по своей сути. И, тогда как «пестование интуиции как подспорья обучения и познания не входило в планы [Юнга]» (Noddings and Shore, 1984, с. 27), символизм Таро дает выход потоку бессознательного и служит инструментом для укрепления и культивирования интуитивной функции, которая является определяющей в процессе смыслообразования. Ноддингз и Шоур (Noddings and Shore, 1984) отмечают, что феноменология привнесла динамическое качество в понятие интуиции в контексте наполнения смыслом (т. е., смыслообразования), делая интуицию одной из важных познавательных функций.

Гуссерль относился к интуиции как к *«источнику авторитета <...> для знания, выступающему <...> в изначальной форме <...> для того, чтобы являться приемлемым»* (Husserl, 1962, с. 83 по Noddings and Shore, 1984, с. 31; курсив по оригиналу).

Использование феноменологического подхода подразумевает точное описание «того, как данный феномен проявляет себя в рамках конкретного опыта — без [объяснения] его генезиса опираясь на предшествующие ему причинные факторы» (Casey, 1976, с. 9). Такое отсечение прямой и непосредственной причинно-следственной связи отсылает к юнгианскому *а-казуальному* принципу синхронии, проявляющему себя через Таро. Именно синхрония определяет *«унитарный аспект существования»* (von Franz, 1992, с. 40; курсив по оригиналу), который с трудом поддается рациональному объяснению, особенно с учетом того, что наше мышление отягощено необходимостью дедуктивного обоснования от предпосылок к заключению, а также линейной связью причины и следствия, превалирующей в классической механике. Однако, синхрония прежде всего обусловлена не физическими, а психическими условиями, находясь под влиянием бессознательной части разума. Архетипы представляют собой структуры, вмещающие психическую энергию, рассеянную

в коллективном бессознательном и напоминают, в целом, «божественные искры» каббалистических сосудов. Юнг описывал синхрония не только в контексте совпадений ментального содержания, т.е. сна, видения или иного психического явления, но также и как предчувствие определенного события, «предвидение своего рода» (Jung, CW 8, с. 931; курсив по оригиналу). Реальность этого неявного «самосушного „бессознательного“ знания» (Jung, CW 8, с. 931) о том, где нам следовало бы быть и где мы есть в процессе индивидуации проявляет себя эмпирически в архетипичных созвездиях образов Таро, как будет показано в главах 7 и 8.

Архетипический символизм образов, выливающийся в сумме внутренних подсознательных смыслов, пусть и пребывает *вне* сознательного мышления, тем не менее «расположен» *внутри* самого опыта. Это позволяет учиться на собственном опыте, архетипическая схема которого раскрывается перед глазами в том или ином варианте. Таро, таким образом, выполняет две функции, экзистенциальную и образовательную. Последняя при этом сфокусирована на этическом и духовном слоях пережитого опыта, а первая — на построении идентичности — в рамках ресимволизации Самости — внутри самого опыта, которые символически выражается в комплексе изображений.

С точки зрения архетипической динамики и вопреки традиционному мнению о своей иррациональной и алогичной природе, Таро помогает достигать расширенной и углубленной степени восприятия, в итоге превосходящей узость рационального мышления.

Бриколаж Таро, находящийся на пересечении теории и практики, является процессом воспитания Самости: самовоспитания, объединяющего два процесса — обучение и консультация. Со времен Аристотеля взаимоотношения теории практики складывались противоречиво. Теория восходит к греческому *феория* (θεωρία), которая есть не что иное, как философское осмысление высших истин, и по сути своей она оторвана от практического и политического контекстов, а также отделена от социальной жизни; они лежат в области *праксис* (πρᾶξις), буквально применения знаний на деле, в том числе в конкретных действиях, взаимоотношениях и прочем опыте, по определению наделенном

этическим измерением. Углубление этого разрыва в наше время привело к складыванию теории познания, подразумевающей невключенного наблюдателя (*spectator theory of knowledge*) и жестким границам между гуманитарными и прочими дисциплинами. Отстраненное античное любование «спектаклем» (ср. *spectator* — англ. зритель, наблюдатель), как ни иронично, явилось предком современного научного метода. Научное, интеллектуально утвержденное знание (или эпистема познания) отмежеввалось от противопоставляемых его искусства и творчества (греч. *τέχνη*, *технэ*).

Изображения Таро являются продуктом художественного творчества, *технэ*, и воплотились в жизнь благодаря человеческому таланту, вдохновленному потоком творческого воображения художника, создавшего ту или иную колоду. *Технэ* часто переводят как мастерство, умение, ремесло; продуктами *технэ* являются артефакты, в числе которых и изображения на картах Таро. В таком ключе, воспринимаемое как *технэ*, Таро становится мощным, пусть и нетрадиционным, образовательным подспорьем в контексте целостного постформального образования и психологической помощи. Но в качестве праксиса Таро имеет не меньшую важность. В греческой мифологии *Πραξις* является одним из эпитетов Афродиты, богини любви и центрального персонажа в истории Эроса и Психеи. В мифе рассказывается о том, как через активное обучение на новоприобретенном опыте (даром которого Психею наделяет Афродита Праксис), а не через теоретическое осмысление концептов, уже содержащихся в сознании, Психея, персонификация человеческой души становится способна воссоединиться с сыном Афродиты, *божественным Эросом*.

У Платона высочайшая форма философского мышления достижима лишь для обладающего темпераментом влюбленного, влюбленного в мудрость, позволяющего себе быть захваченным эротическим пылом, и в ответ самому поймать этот пыл в процессе воссоздания истинных идей. В платоновском «Пире» жрица Диотима учит Сократа тому, что Эрос или Любовь «располагается» *промеж* жажды и удовлетворения; дух или дэймон, который, что стоит отметить, может содержать две противоположности вместе, в рамках единого целого, призывая

к пересмотру того, что аналитическое мышление естественным образом воспринимает дуалистически, как бинарные непримиримые противоположности. Юнг использовал латинский термин *coincidentia oppositorum* для обозначения близкого к мистическому соприкосновения противоположностей, таких как дух и материя, которое имеет место в синхроническом опыте.

Термин же φιλόσοφος буквально переводится как «любитель мудрости», обуреваемый страстью к глубинному познанию, Γνώσις (Гнозис, с греч. знание).

Гермес, посланник богов, был тем, кто наконец призвал Психею на Олимп, где она смогла воссоединиться со своим возлюбленным, Эросом, получив божественный дар бессмертия в этом союзе. Движимая Эросом (Любовью) Психея (Душа) смогла преодолеть все испытания, сотворенные Афродитой Праксис. И так, через любовь и сострадания к страждущему человеческому духу, овладевший Таро способен прочувствовать, понять и выразить ускользающие смыслы, закодированные в символике изображений, превращая каждое чтение в драгоценный воспитательный опыт. Корни искусства использования Таро уходят в знание символического языка как средства связи между двумя противоположностями, сознанием и бессознательным. Юнгианская психология постулирует, что все продукты и формы выражения бессознательного символичны, а потому несут и выражают те или иные послания. Эти символические послания могут быть восприняты читающим в форме информации, скрытой в коллективном бессознательном, поскольку человеческая личность и окружающие ее обстоятельства в каждый отдельный момент отражают актуализованный архетип или связку таковых.

Юнг настаивал на том, что через интеграцию бессознательного человек способен, в опытах, архетипичных по своей природе, обрести ощущение целостности не только в рамках индивидуального опыта, но и, в духовном смысле, до и после такового, благодаря своей бессмертной душе. Чем лучше воспринимается реальность архетипов, тем сильнее становится вовлеченность в нее и осознание бесконечности и безвременности архетипов в их развитии.

Обучение происходит через взаимосвязи изображений Таро, вмещающих в себя реальные события, мысли и чувства,

заложенные в проблемной ситуации (весь процесс, подробно описанный в главе 8, называется *озвучиванием проблемы*), и с этим приходит лучшее понимание ситуации, она раскрывается, проясняется и доносится до сознания посредством герменевтики Таро.

Интерпретация символов не только обогащает ход сеанса информацией, но и придает этой информации смысл. Многие переживания осмысляются по мере того, как разрозненные фрагменты собираются в бриколаж изображений, в своей целостности служащий инструментом самообразования. Опыт чтения Таро в образовательном и терапевтическом ключе позволяет вникнуть в динамику архетипов, тем самым налаживая связи между человеком и его потенциальной Самостью. Актуализованная Самость, пусть и полностью индивидуирована, строго противоположна «индивидуализму». Даже наоборот, «самость» подразумевает в себе «другого». Как архетип целостности, она по сути своей интерсубъективна и трансперсональна, она включает в себя опыт, приобретаемый человеческой душой при прохождении «школы жизни», полный разнообразных ситуаций, отношений с окружающими и всей пестроты эмпирического контекста.

Таким образом, самообразование по Юнгу должно пониматься как формирующий и развивающий, обучающий, а также индивидулирующий процесс, направленный на достижение «более масштабной личности» (Jung, CW 7, с. 136), т.е., в конечном итоге, ресимволизованной и интегрированной Самости.

Касательно темы самообразования Юнг говорил следующее: «На данный момент людей обучают ровно до момента, когда они смогут зарабатывать и вступать в брак: затем образование прекращается, будто бы выполнив свои цели. <...> Бесчисленные неудачные браки, разочарования в своей профессии — следствие нехватки образования в зрелом возрасте» (Jung, 1954, с. 47).

Юнг со всей уверенностью заявлял, что «обучение учителя <...> в итоге пойдет на благо учеников» (Jung, 1954, с. 47). Такое самообразование, однако, не должно определяться границами профессионального роста, как это принято сейчас, но «должно привести человека к осознанию себя самого» (Jung, 1954, р. 46).

Взрослые тоже обучаемы; однако, образование для них не должно превратиться в «поучение». В анализе снов, постоянство значений которых выражено в архетипичных образах, Юнг усматривал «в высшей степени образовательный процесс» (Jung, 1954, с. 94). Именно осознание существующих динамических взаимодействий архетипов открывает поле для непрямого, постформального образовательного процесса во взрослой жизни в качестве «процесса, берущего начало в независимой деятельности бессознательного» (Jung, 1954, с. 49); и здесь герменевтика Таро предстает лишь как один из вариантов постформальной педагогической практики.

Обучение на собственном жизненном опыте, выраженном в символике изображений, ведет не только к развитию человека и, следовательно, его индивидуации, но также делает возможным его воссоединение с изначальной псюхе в ее символическом источнике, *Anima Mundi*, Душе Мира. Ведь все идеи архетипичны по своей природе и уже являются частью коллективного бессознательного.

Юнг отметил, что подобная концептуализация может быть сочтена верной для религиозных идей; если же принимать в расчет парадигмы науки, философии и этики, то и им она не чужда. В нынешней своей форме они являются вариантами архетипичных идей, порожденными через применение этих идей и последующую адаптацию их к реальности. Ведь, в конечном счете, функция сознания — не только распознавать и осваивать окружающий мир при помощи чувств, но и транслировать в наблюдаемую реальность тот мир, который находится внутри нас (Jung, CW 8, с. 342). Такова и главнейшая задача герменевтики Таро: *перенести в видимую реальность сокрытый и невидимый глазу внутренний мир*. Герменевтика Таро, через трансляцию, или воплощение архетипичных идей в виде материальных изображений, выносит невидимое на свет, делает его выразительным, пусть и безмолвным. «Говорить» символы могут лишь при помощи творческого воображения, в процессе конструкции определенного нарратива, что будет продемонстрировано в главе 8. Связь между внутренней и внешней реальностями, таким образом, обретает смысл; не потому, однако, что из определенных причин возникают определенные следствия, согласно принципам механической каузальности.

В третьей главе мы обратимся к герметической традиции, раскрывающей существование отношений связи, зависимости, аналогии и соответствия, перекликающихся с принципом синхроничности Юнга, позволяющем выявить взаимосвязи индивидуальной психики и коллективного бессознательного. Как истинный Бриколер, Гермес — посланник богов — пересекает границы и форсирует рубежи, пребывая где-то между, в Воображаемом (Imaginal) мире.

Глава 3

МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

История Таро изобилует мифами: греческий Гермес, посланник богов, был соотнесен с египетским Тотом, мистическим богом египтян, по легенде «передавшим» свое имя колоде Таро, известной, как Книга Тота. Однако же, не существует ни одного определенного и подкрепленного доказательствами источника происхождения карт. Различные источники говорят о множестве географических и исторических корней: в Европе это юг Франции, Италия, Испания; или же Дальний Восток, а то и Египт. Богатство Таро объясняется тем, что они вмещают в себя элементы, являющиеся общими для многих культур и этнических групп. Потому нельзя отследить их происхождения и отнести его к конкретному региону. Неизвестным остается и то, когда именно эти карты вошли в обиход в своей классической форме, хотя и понятно, что этого не могло произойти до изобретения печатного станка. Предполагаемое место происхождения определенно не может быть указано в координатах пространства-времени. Переселение народов на протяжении всей истории с легкостью могло вызвать и движение идей, которым удалось укорениться в различных точках земного шара после прекращения этого движения.

Вероятно, на всем протяжении истории человечества та или иная цивилизация не раз «изобретала» Таро, отчего и наблюдается такое разнообразие мнений о его происхождении. В этой главе будет рассмотрено несколько таких следов, оставленных в истории герметической традицией и возрожденных в период Ренессанса (Yates, 1964, Faivre, 1994; 1995). Послания, заключенные в формате картинок, были куда доступнее широким массам в эпохи, когда уже к самому акту письма относились с подозрением. И даже с учетом того, что отследить прямое

происхождение Таро не представляется возможным, существует ряд фактов, позволяющих пролить свет на рождение первых карт — колода из семидесяти искусно нарисованных образцов, хранится в Национальной библиотеке Франции и датируется 1392 годом, согласно учетной книге Королевского Двора Франции. Коллекция библиотеки и музея Моргана в Нью-Йорке содержит тридцать пять изображений из семидесяти восьми, составляющих полную колоду, которая, как предполагается, сформировалась в середине XV века.

Как универсальная гностическая система Таро может быть старо как мир, или же ново, как мир: различные цивилизации на протяжении поколений могли использовать все средства, в том числе и наглядные, для фиксации универсального древнего знания. Вполне вероятно, что за все время своего существования Таро могло пережить не одно рождение и перерождение. Идеи, заключенные в арканах Таро, могли бродить по всему миру и в куда более давние времена, однако, свое выражение они нашли только в эпоху Ренессанса и возрождения гностицизма.

Плотин, уроженец Египта, воссоздал древнегреческую метафизику, соединив ее с элементами герметической традиции, что дало рождение системе воззрений, позже получившей название неоплатонизм — синтез платоновских идей и фрагментов других философских систем, в числе которых ранние языческие верования, а также мистические учения, пришедшие из иудаизма, христианства и ислама. Платон представлялся неоплатоникам как наследник Пифагора, который хотя и был забыт в веках как математик, в древней Греции почитался воплощением Аполлона, наделенного его божественными силами.

Платоновская «Республика» рассказывает историю о заключенных, живущих в плену иллюзий среди теней на стенах своей пещеры и не ведающих о солнечном свете — метафоре настоящего, истинного знания. Цель всякой души — вырваться из мрака пещеры через путь, подобный путешествию героя, и найти единение с Солнцем, к которому она тянется естественным образом, своей любовью к свету, а следовательно — к знанию. Но для этого до прикованных к стенам пещеры душ нужно донести знание об истинном свете, и в этом состоит самая непростая часть платоновой истории. Как будет видно из главы 4,

многие образы больших арканов соотносятся с небесными телами и находят свою кульминацию, что очевидно, в Солнце.

В «Пире» Платона страсть души к красоте и добру была описана им как высочайшее из устремлений. Для Плотина же, воспоминания души могли сохраняться в словах или образах и женский принцип, Мировая Душа или Психея всегда связывалась с мужским, Нусом, Мировым Разумом. Однако при этом оба они оставались лишь аспектами абсолюта, Единого.

Френсис Йетс заметила, что «величайшие прорывы Ренессанса <...> черпали силу <...>, оглядываясь назад» (Yates, 1964, с. 1) на герметическую традицию и исполненный мира, гармонии и процветания Золотой Век, прошедший под покровительством богини Астреи и движимый архетипом Справедливости. Окончание же Золотого Века характеризовалось чрезмерной рационализацией и, как следствие, мифом о смерти великого бога Пана, или же победой рационального Аполлона над укорененным в природе Дионисом.

Как система мысли, способная преобразовать верования в глубинное знание, Гнозис, герметизм пережил века христианства и был возрожден силами Марсилио Фичино, Пико делла Мирандола и Джордано Бруно в роли основополагающей традиции эпохи Возрождения, выраженный во множестве форм, включая и изобразительную, в виде символов Таро.

Фичино, уверенный в египетских корнях Гермеса, перевел Герметический корпус на латынь. Джордано Бруно продвинул египетское возрождение еще дальше: согласно его взглядам, разум движим исключительно архетипическими образами, являющимися отражением Вселенной в зеркале человеческого разума. В середине XV века иудейская Каббала «пронзила христианскую среду, чтобы соединиться в удивительном браке <...> с Герметизмом» (Faivre, 1994, с. 7). Каббалистическое Древо Жизни — метафора сознания, в которой высшее Единство, что перекликается с платиновской картиной бытия, вмещает и женский, и мужской принципы в форме разума и мудрости.

Валентин Томберг, русский философ и профессор права, автор «авторитетнейшей работы» (Faivre, 1994, с. 98), посвященной медитациям на двадцать два больших аркана Таро и освещающей процесс с точки зрения христианского мистицизма

(переиздана анонимно в 2002 г.), обращается к широчайшему кругу источников: от Платона до Иоанна Крестителя, Зохар от иудаизма и апостола Павла, Бергсона, Успенского, Дионисия, Лейбница, св. Августина и Тейяра де Шардена от христианства, причисляя их к представителям древнейшей мистической — герметической — мысли.

В послесловии к последнему изданию работы Томберга кардинал Ханс Урс фон Бальтазар назвал двадцать два изображения больших аркана Таро выражением всеобъемлющей мудрости священных таинств католической церкви, относя происхождение самих карт к периоду возрождения греческой, арабской и иудейской философий во времена Ренессанса и последующего примирения учений каббалы и герметизма с христианской мыслью.

Там, где Томберг соотнес арканы Таро с юнгианскими архетипами, фон Бальтазар также указал, как делал и сам Юнг, на объективный характер души в рамках «законов объективной вселенной» (аноним, 2002, с. 661), отсылая к библейским «силам». Фон Бальтазар также подчеркнул ту определенность, с которой символы Таро передают «глубинные основания бытия, [где] взаимоотношения всех вещей строятся по принципу аналогии» (аноним, 2002, с. 663). Он также ссылался на концепцию св. Хильдегарды Бингенской, мистика, для которой «космические силы <...> включены в великую драму творения и искупления, разворачивающуюся вокруг Христа» (с. 665). Указывая и на то, что в эпоху Возрождения Гермес Трисмегист почитался как родоначальник греческой премудрости, фон Бальтазар также обратился к трудам Мартина Бубера, чье современное переложение хасидизма находилось под глубоким влиянием устной традиции каббалы, идущей от самого Моисея.

И неслучайно принцип *Я-Ты* Бубера стал коренным в развитии теории Нэл Ноддингс о философии образования — этике заботы (Noddings, 1984). Признавая важность философских и теологических вопросов о бессмертии, жизни после смерти и существования до непосредственно рождения в образовательном контексте, Ноддингс ссылается на то, что «восточноевропейские иудеи [хасиды] верили, что каждая душа существует от сотворения, и воспоминания об этом исчезают перед самым

рождением» (1993а, с. 84), и потому человеческая душа наделена внутренней тягой к возвращению в свой извечный «дом», подобно тому, как это происходит в мифе об Эросе и Психее, рассмотренном во второй главе.

Однако, основной нашей задачей остается создание благоприятных условий здесь и сейчас, в земной жизни, в рамках человеческого существования через любовь и сострадание. Джим Гаррисон, философ образования охарактеризовал это, как человеческое желание «обладать тем, что благоприятно для жизни, и через это прожить ее со все возрастающим ощущением смысла и ценности» (Garrison, 1997, с. 1). Все последующие главы этой книги посвящены разбору средств к достижению такой жизни, несмотря на всю ее беспорядочность и хрупкость, через обогащение ее в символах Таро, служащих ресимволизации самой нашей сути, самих себя. И цель здесь не только в том, чтобы восхождение Психеи на Олимп увенчалось успехом. Джеймс Хиллман показал и возможность встречного движения на примере нисхождения «в дольний мир, к человеческим страстям. Таково кабалистическое Древо Жизни в иудейской и христианской мистической традициях» (Hillman, 1997, с. 43). Хиллман обращает внимание и на то, что основной кабалистический текст, Зохар, изображает процесс так, будто душа «сопротивляется нисхождению и в мире подвергается порче» (Hillman, 1997, с. 43). Ветви Древа Жизни в каббале отображают постепенное движение души вниз, что переключается как с библейским мифом о сотворении, так и с идеями платонизма. Согласно Библии, Бог проводит в творении шесть дней, пока из абстрактного не будет создано конкретное, и не будет пройден путь «вниз, от трансцендентного до растворения в имманентности» (Hillman, 1997, с. 44). Из последующих глав, особенно из главы 6, станет ясно, каким образом герменевтика Таро безоговорочно преодолевает разделение на трансцендентность и имманентность, как и прочие дихотомии современного дискурса.

В «Республике» Платон также рассказывает историю об Эре, в которой его душа влекома своим «уделом», местом в структуре миропорядка, и через это способна осознать свое истинное предназначение, т.е. то, зачем конкретная человеческая душа воплотилась в мире земном. Жажда целостности и стремление к ней

также может быть названо иначе — любовью. В четвертой главе в подробностях будет рассмотрен большой аркан Суд, который есть не что иное, как символическое изображение высшего призвания, через которое она возвращается к жизни. Согласно Хиллману, именно душа «выбирает, каким образом ей жить» (1997, с. 45), и каждый из этих «образов» у Платона назван *παράδειγμα* (парадигма), т.е. модель.

Процесс «всматривания» в таковые модели, создаваемые изображениями Таро, позволяет войти в режим восприятия, названный Ноддингс и Шоуром (Noddings and Shore, 1984) интуитивным. Этимологически «интуиция» восходит к латинскому глаголу *Intueri*, который и означает «смотреть внимательно». В средние же века слово «интуиция» использовалось в значении «описания невыразимого мистического опыта отождествления с Богом» (Noddings and Shore, 1984, с. 11). Герменевтика Таро представляет собой процесс прочтения и интерпретации неявных схем, включенных в образы арканов и до поры сокрытых бессознательным; именно чтения, опирающиеся на интуитивный способ восприятия способны проявить их, делая явными и интегрируя в сознание.

Интересна гипотеза о происхождении Таро в своей устоявшейся форме, как о способе сокрытия и сохранения эзотерического знания, воспринимавшегося как ересь церковью Средневековья. Любые девиантные группы, как, например, катары или иудейские мистики, были преследуемы, часто вплоть до полного уничтожения. Собственно, евреи, скрывавшиеся от преследования испанской инквизиции, радушно принимались катарскими общинами. Гирхем (Guirdham, 1993) указывает на то, что в средние века уровень толерантности среди катаров был необычайно высок. По всей Европе евреи проживали в границах гетто, что сохранялось в большинстве стран вплоть до конца XII века. Во Франции же — особо в городе Лангедок — они, помимо того, что были приняты как члены общества, сохраняли свои позиции в духовной иерархии и имели определенный социальный вес. Гирхем также предполагает, что эта атмосфера толерантности способствовала распространению альтернативных систем духовных представлений, соединяющих как элементы мистицизма, так и практическую сторону различных учений.

Вероятно, факт распространения Таро в Европе, во французской еретической среде и среди слоев общества, не разделивших позиции официальных властей и предоставляющих убежище преследуемым евреям, может пролить свет на само происхождение Таро. История склонна повторяться, отсылая нас к временам, когда еврейский народ бежал от гнета египетских фараонов, с большой вероятностью унося с собой и древние знания в попытке спасти и сохранить их.

Лангедок же стал местом в южной части Франции, где отмечены свидетельства о картах Таро; он же являлся центром, откуда вели свою деятельность каббалисты и катары, а также, что отмечает Гэд (Gad; 1994), он служил местом сборищ цыган.

Философские взгляды катаров, каббалистов и цыганских (египетского происхождения) гадалей пересекались в одном вместе в один временной период, и видится вероятным то, что сохранение комплекса альтернативных мистических воззрений, зашифрованных в символических изображениях, могло быть обеспечено через запечатление их в форме традиционных цыганских гадательных практик.

Следует отметить, однако, что влиятельный английский историк и философ языка, Майкл Дамметт в ходе своих исследований не обнаружил «никаких свидетельств того, что цыгане использовали для гадания карты Таро или любые другие карты до начала двадцатого века» (Dummett, 1980, с. 144). Дамметт относит Таро к семейству карточных игр, характерных для определенных культур. Изображения Таро пережили века и, несмотря на неясность их происхождения, существовали в своей нынешней форме, согласно Дамметту (1980, с. 20), с XIV века.

В 1781 француз Кур де Жебелен озвучил идею египетских корней Таро, отсылающих к учению Гермеса Трисмегиста, жившего, согласно преданию, во времена Моисея или до него. Составленная де Жебеленом девятитомная энциклопедия под названием Первобытный Мир (Le Monde Primitif) была посвящена Золотому Веку древних цивилизаций, когда люди были объединены общим языком и общей религией, как то было указано в Книге Бытия (1:1), где на всей земле царили единый язык и единое понимание природы вещей.

Впоследствии Артур Эдвард Уэйт, выпустивший в 1910-е колоду Таро, иллюстрированную Памелой Колман-Смит, и использованную мной для своих эмпирических опытов (см. главу 8), ссылался на эти верования как на образец извечной философии. Работа Памелы Колман-Смит была вдохновлена ее знакомством с Уильямом Батлером Йетсом, ирландским поэтом и мистиком, сторонником Кельтского Христианства и культурного единства как «направления религиозного примирения» (Hederman, 2003, с. 64). Существует и корреляция между образным рядом Таро, в рамках гадательной традиции или вне ее, и иудейской мистической традицией, каббалой.

В XIX веке французский исследователь Таро Элифас Леви под влиянием воззрений де Жебелена, соотнес Таро и Каббалу, пусть подход его и был недостаточно основательным: Дамметт отмечает «недостаточную точность интеллектуальных обоснований» (1980, с. 115) в разборе Леви оккультных феноменов, указывая на его «буйство фантазии» (Dummett, 1980, с. 119). И все же именно Леви первым выделил соотношения между двадцатью двумя изображениями больших арканов и двадцатью двумя буквами иврита. О расшифровке и систематизации значений карт было заявлено позже, в 1889 году, французским врачом, известным как Папюс, который, описывая символическое содержание изображений, присвоил каждой карте ключевое слово.

Таро также было связано с И-Цзин, китайской Книгой Перемен, индийской Тантрой, иудейской Торой. Отмечено (Blank, 1991), что колода Райдера-Уэйта содержит слово «Тога» (хотя корректным было бы «Тогаһ») в изображениях двух больших арканов. В главе 4 будет видно, что на коленях у Верховной Жрицы лежит свернутый свиток с надписью «Тога», символизирующий тайное и священное знание, которое еще предстоит раскрыть. Изображение Колеса Фортуны включает в себя круг, не имеющий ни начала, ни конца, находящийся в вечном движении; латинское «колесо» — ROTA представлено здесь как анаграмма слова «Tarot». Литеры T, A, O, R изображенные на карте могут быть сложены как в TORA, так и в TAROT, бесконечно переходя из одного в другое.

Петр Успенский, некогда обучавшийся в МГУ на факультете математики, а затем ставший журналистом, и являвшийся

последователем учения Гурджиева (Ouspensky, 2008) считал, однако, что проведение аналогий с еврейским алфавитом только делает значение Таро еще менее ясным. Сам Успенский видел Таро метафизической системой, отображающей трехсторонние отношения между человеческой душой, физическим (феноменальным) миром и миром идей (ноуменов), т.е. духовным, божественным миром. Успенский особо отмечал, что изучить символизм Таро нельзя так же, как учатся строить мосты или говорить на иностранных языках: интерпретация Таро требует творческого подхода и развитого воображения.

Также верным видится и то, что чтобы практиковать герменевтику Таро, нужно сперва научиться видеть сквозь изображения, т.е., пережить все символы в течение собственной жизни, ощутить их, образно говоря, «на своей шкуре».

И все же, Таро «говорит» именно на языке, языке символов. И в моих намерениях сделать этот язык понятным к тому моменту, как вы закончите читать эту книгу. Пусть Гнозис и является «типом экспериментального трансформирующего знания, не получаемого из книг» (Place, 2005, с. 45), путь, открытый герменевтикой Таро, сможет нас к нему приблизить.

Интерпретация образов, в снах или в изображениях Таро, выходит за границы мира фактов, «познаваемого» единственно «когнитивным актом [, который] „воспринял“ их» (Jung, CW 11, с. 417).

Обогащенные воображением и интуицией, интерпретации, согласно Юнгу, «отражают более высокий уровень интеллекта и, не навязывая непознаваемое в качестве известного, дают более верную картину реального положения вещей» (Jung, CW 11, с. 417).

Образы и символы, будучи интерпретированы, создают «нечто, что <...> находится в процессе формирования. Если свести это, с помощью анализа, к уже известному, можно повредить ценности символа; но привнесение в него герменевтического осмысления будет согласно с его истинной ценностью и наполнением» (Jung, CW 7, с. 492).

Цитируя Ричарда Робертса (Roberts, 1987) по вопросу чтения Таро для Джозефа Кемпбелла и их последующий диалог, можно заключить, что бессмысленно строить гипотезы «о происхождении Таро <...> хотя бы из-за той безусловной важности

Таро как символической системы *космических, нравственных и естественных* законов, каждый из которых имеет в своей основе *общий принцип, в любой из областей работающий* сообразно *человеческим устремлениям*, и тем связывающий все три системы воедино» (с. 7; курсив по оригиналу). Сам факт того, что Таро продолжает существовать и по сей день, подтверждает стойкость и постоянство его позиций. Для моего исследования не так важно, кто, когда и в каких условиях дал начало изображениям, ведь «важность Таро заключается в том, что истинные в своей изменчивости человеческие эмоции позволили его рождение и существование. Очевидно, что эти древние карты понимаются самым ядром человеческих переживаний, на глубочайшем уровне человеческой души. И говорить с нами они способны именно на этом уровне» (Nichols, 1980, с. 5).

Однако, множественные корреляции — символические, числовые, интерпретационные — между различными культурами, разделенными во времени и пространстве, позволяют предположить, что Таро как метафизическая система вполне могло иметь единый источник, относящийся, вероятно, ко временам известного герметического текста, Изумрудной Скрижали (*Tabula Smaragdina*). Именно там знаменитая аксиома «что вверху, то и внизу» упоминается впервые. Вторая строфа скрижали приводит древнюю формулу аналогии, известную как принцип соотношений: «И то, что вверху, аналогично тому, что находится внизу, для осуществления чудес единой вещи».

Исследователь Таро Роберт Плейс (Place, 2005) приводит шесть конкретных качеств и характеризует эзотерическую традицию согласно оригинальному исследованию Антуана Февра (Faivre, 1994). Так, Февр отмечает, что термин «эзотеризм» отсылает к идее тайного — безусловно, мистического — или сокрытого знания. Можно «достигнуть понимания символа <...> через собственные усилия постепенного просветления, проходя несколько последовательных уровней, т. е., в согласии с принципом герменевтики» (Faivre, 1994, с. 5).

В последующих главах, особенно, в главе 8, я воспользуюсь методами герменевтики с целью раскрыть завесу тайны, окружающую Таро, при этом придерживаясь и другого принципа эзотеризма, относящегося к тому типу знания «которое приобретается

через преодоление ограничений <...> методов и техник <...> способных к нему привести» (Faivre, 1994, с. 5).

Этот тип знания является ценнейшим, с учетом различных образовательных текстов: подобно гнозису, такое познание есть умственная и духовная, т.е. интегративная деятельность. Как процесс познания, Гнозис подразумевает «интуицию и уверенность в методе, через который открывается доступ к такому [глубокому, внутреннему] знанию» (Faivre, 1994, с. 19). В гностическом Евангелии от Марии, она определяет учение Иисуса как сосредоточение на Нусе, разуме, поскольку именно там залегают сокровища гностических откровений. Когда Мария вопрошает Учителя, через душу ($\psi\upsilon\chi\acute{\eta}$, псухе) или через дух ($\pi\nu\epsilon\upsilon\mu\alpha$, пневма) возможно соприкоснуться с божественным, он отвечает, что это возможно через Нус, что лежит промеж них. Потому, интеллект не может быть сводим к одному лишь рациональному осмыслению; человеческие переживания способны оживить душу и обогатить образовательный процесс в духовном плане. Антуан Февр (Faivre, 1994) проследил развитие западной эзотерической традиции от античных и средневековых истоков христианской теософии до философов науки, физиков и прочих исследователей, называя их «гностиками Принстона и Пасадены» (1994, с. 280) и причисляя Таро к одной из форм эзотерического знания. Февр также перечисляет шесть основополагающих элементов эзотерического мышления (Faivre, 1994, сс. 10—15), а Плейс, в свою очередь, выводит шесть герметических качеств, характерных для всей эзотерической традиции (Place, 2005, с. 50—52). В рамках этого исследования данная система верований будет затронута лишь вскользь, чтобы обозначить контекст, необходимый для понимания концепта Таро и его применения на практике в качестве метода обретения Гнозиса.

Ниже сформулированы ключевые принципы, на которых строится эзотерическое мировоззрение, фактически, породившее целую культуру, включающую в себя и саму эзотерическую традицию.

- Принцип взаимозависимости, аналогии или соответствий между феноменами, или, иначе — реляционная картина мира. И пусть многие из связей невидимы или

даже «скрыты», и для их раскрытия требуется определенное субъективное усилие; усилие воспринять и интерпретировать их так, чтобы для воспринимающего они наполнились смыслом. В современной образовательной теории релятивный подход наиболее ярко проявляется в этике заботы (Noddings, 1984; 2002), а также в подходе к развитию способностей «внутреннего зрения» как способа интеграции интуиции в образование (Noddings and Shore, 1982). Во второй главе было показано, что принцип корреляции интерреляции материи и духа, тела и разума, заключенный в Таро, проявляется на уровне человеческих переживаний благодаря выведенной Юнгом синхронии, нетипичной акаузальной связи — принципа соответствия.

- Роль воображения и медитации в работе с символами и образами как средства для последующей расшифровки их глубинных значений через связь теории с практикой, иными словами, для активного исследования взаимосвязей и соответствий в рамках практического опыта. Согласно Анри Корбену, занимавшему должность профессора исламских исследований в Парижском университете в Сорбонне вплоть до своей смерти в 1978 году, существует некое связующее измерение между микро- и макрокосмом, называемое мезокосм (воображаемый мир, упомянутый в первой главе). Корбеновская теология духа совмещала в себе иудаизм, христианство и суфизм как проявления аналогичных историй о взаимоотношениях человеческого с божественным, индивидуума с Богом. Развитие творческого или активного воображения становится заключенным в самой душе способом достижения духовного Гнозиса, выходящего за границы фактического знания, получаемого современным «научный методом», не оставляющим пространства для воображения. В юнгианской психологии метод активного воображения и проработки снов позволяют достигнуть глубин бессознательного, до самого уровня психе, или души.

- **Возможность преобразования.** Алхимическую концепцию здесь следует воспринимать метафорически. Не как описание магической трансформации первичной материи в форме металлов, таких, как свинец в «благородное» золото, но как процесс человеческого развития, включающего всю личность, в т. ч. и душу. Это берущий свое начало в самой душе процесс юнгианской индивидуации Самости. Процесс постепенной трансформации выражен в архетипическом путешествии героя через арканы Таро. К примеру, Джозеф Кэмпбелл сравнивал духовный поиск с сюжетом путешествия Героя, выходящим за границы культурных различий и проявляющимся в обличье различных мифов, создаваемых и передаваемых каждым новым поколением в условиях различных культур и времен.
- **Практика согласования или, в рамках современного дискурса, толерантности.** Ведь именно Гнозис допускает видение вне границ религиозных, культурных и языковых различий. Так как глубочайший уровень подсознания, согласно Юнгу, является общим для всего человечества, оно, безусловно, способно вступать во взаимоотношения, основанные на взаимопонимании, при условии нахождения способов интерпретации символизма архетипов, средствами которых коллективное бессознательное выражает себя в форме типовых моделей на уровне человеческих переживаний. Герменевтика Таро, в свою очередь, предоставляет возможность понимания этого общего, пусть гипотетически, символического языка, используемого еще Адамом до Изгнания.
- **Особая педагогика, не сводимая к прямым инструкциям.** Эзотерическая традиция имеет свои способы передачи герметического учения. Терапевтические и консультационные практики не являются исключением; современное нравственное образование косвенно поддерживает некоторые из методов, традиционно использовавшихся мистиками и мудрецами:

инициация, призвание, наставление, а также культивация добродетелей, выливающаяся в практики, основанные на принятии базовых ценностей. В частности, экспериментальный характер, отмечающий всю постформальную культурную педагогику и существующий за пределами формальных установок, присутствует и в бриколаже Таро, принципы которого мы рассмотрели во второй главе — в основном уделив внимание экзистенциальной функции идентичности — динамическое формирование и смыслообразование, дополняющие юнгианскую трансцендентную функцию. Неслучайно Ноддингс (Noddings, 2006) пишет, что в области образования как профессиональной практики должны быть задействованы учителя, имеющие широкий спектр познаний не только в тех или иных дисциплинах или «делах насущных», но и, подобно человеку Ренессанса, в т.н. вечных вопросах. Таро же действует одновременно как метод и как знание, приобретенное с помощью этого метода; познание Самости воплощено в практике и теории одновременно. Гнозис стремится не к односторонним научным истинам, но к новым ценностям и смыслам, сокрытым в повседневной жизни среди всего многообразия ее содержания. Но все же, в главе 10 будет рассмотрена принципиально новая наука, комплексная и самоорганизующаяся, не противопоставленная мистицизму или герметизму, но органически образующая с ними единое целое, при этом объясняя — как и полагается науке — принципы действия Таро.

- Реальный мир, не низводимый до «бренной материи», но живущей своей жизнью, пусть «иероглифической», заключенной в сокрытых внутренних взаимодействиях. Эти символы, полные тайных смыслов, должны быть расшифрованы; невидимые соотношения и взаимозависимости должны стать явными; только тогда станет возможным «читать» Природу, словно книгу, чтобы в конечном счете понять ее сложнейшую многоуровневую структуру. В главе 2, с точки зрения

функций, Таро было рассмотрено как инструмент, чья функция в том, чтобы сделать видимым невидимое. Квинтэссенция Мировой Души, *Anima Mundi* — то, что соединяет четыре материальных, физических стихии, а именно: воздух, землю, огонь и воду; сама по себе будучи пятой, невидимой «стихией». В следующей главе будет представлен символ мировой души в изображении одного из больших арканов, Мира, который также является символом юнгианского архетипа индивидуированной Самости.

Я разделяю настроения фон Бальтазара по поводу того, что должная подготовка, осознание моральной ответственности и, не в последнюю очередь, «шестое чувство» — развитая интуиция и творческое воображение — должны являться обязательными требованиями к медитациям на символы и образы Таро в нашем путешествии. Книга, которую вы читаете в данный момент, была написана с соблюдением этих требований, умом и сердцем; а опасения не напрасны, т.к. выведены на собственном опыте в личной и профессиональной жизни.

Как заметил в своей замечательной книге «Таро: Талисман или Табу?» Марк Патрик Гедерман, философ и аббат, в толковании Мира как символа, Таро дает нам систему, способную заполнить пробелы там, «где образование и развитая восприимчивость не способны на многое» (Hederman, 2003, с. 86). Гедерман уверен, что «каждому должны быть даны хотя бы рудименты этой неуловимой и важной символической системы, даже в самом начале осмысления межчеловеческих отношений. Это уже потребует настройки на иные частоты и иных коммуникативных систем, нежели церебральная, отсылая к тому, что называют «симпатической системой» в противоположность спинномозговой, покрывающий три R традиционной системы образования» (Hederman, 2003, с. 87).

В следующей главе нас ждет путешествие сквозь символический процесс человеческого развития, индивидуации и ресимволизации самих себя в контексте обучения через архетипические опыты, выраженные в образах больших арканов Таро.

Глава 4

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ПЕРЕЖИВАНИЯ В СИМВОЛАХ ТАРО

Перед нами двадцать два изображения, двадцать два больших Аркана Таро. Слово «аркан» происходит от латинского *arca* — ларец; глагол *arcere*, в свою очередь, означает «закрывать» или «запирать». Метафорически, аркан есть плотно запертый сундук, в котором сокрыта тайна: таков подразумеваемый смысл этого слова. Если обратиться к греческой этимологии, то «аркан» восходит к ἀρχή (*архэ*, греч. начало, источник). Юнг определял коллективное бессознательное как изначальные, первичные образы, встроенные в нашу психическую конституцию; эти архаические образы вполне могли вдохновлять художников, создавших изображения Таро. Следующие друг за другом в пространстве колоды Таро, эти изображения очень похожи на иллюстрации к сказке с классическим сюжетом путешествия героя (или дурака) в поисках спрятанного сокровища.

Его путешествие, как правило, полно испытаний, однако, герой учится на собственном опыте и впоследствии оказывается способен преодолеть препятствия и победить своих противников, или, что более важно, свои комплексы и страхи, персонификации которых он встречает на своем символическом пути; все это наделяет его мудростью и закаляет его. Согласно Юнгу, символы выражают себя через «образы, своим содержанием <...> выходящие за грань сознания. Их содержание реально <...> они есть те вещи, с которыми не только возможно, но и абсолютно необходимо прийти в согласие» (Jung, CW 5, с.114).

Салли Николз (Nichols, 1980) в своей книге «Юнг и Таро» дает следующий комментарий по поводу корреляции сонетов Петрарки и больших арканов Таро, часто называемых *trumps* (англ. козыри). Козыри (*trumps*) есть ни что иное, как Триумфы (*triumphs*), и в сонетах Петрарки ряд аллегорических

персонажей борется друг с другом — каждый одерживает триумф над предшествующим ему, более слабым — и с каждой победой основные персонажи становятся эмоционально сильнее, сознательнее, и обретают способности к преодолению проблем жизненного цикла. Мистические аллегории обычно основываются на представлении о добродетелях, побеждающих пороки и через это достигающих «триумфа» истины, символизируемой Святым Граалем. То же самое происходит в процессе архетипического путешествия по арканам Таро, когда индивидуальное Эго получает возможность стать истинной Самостью, целостной личностью. Изолированная человеческая душа — эта крохотная искорка изначального Адама, который, согласно представлениям иудейской каббалы, вмещал все души человечества — имеет возможность воссоединиться с такими же искрами в душе мира, *Anima Mundi*, и таким образом стать целой, исцелиться.

Как указывает Николз (Nichols, 1980), английское *целый* (*whole*) этимологически синонимично *святому* (*holy*), изначальное же значение глагола *исцелить* видно в его структуре — *сделать целым*. Юнг считал, что происхождение всего спектра современных неврозов связано с утерянной способностью к восприятию святости, разрывом духовных традиций. Многие хасидские сказки рассказывают архетипические истории, в которых человеку приходится отправиться в путешествие и совершить необходимые, пусть с виду и незначительные, деяния, которые впоследствии помогут ему освободить священные искры, находящиеся в заточении. Лоренс ван дер Пост, биограф Юнга, называвший его величайшим из великих, указывал на то, что считать концепцию коллективного бессознательного главным вкладом и главным интересом Юнга было бы ошибочно. Куда большей загадкой для Юнга оставался мир человеческого сознания и его глубинные взаимосвязи с вселенским бессознательным, связь индивидуальной души и души мировой.

Эта связь выражает себя через тонкий язык бессознательного, крайне экспрессивный и чуждый тем способам, через которые мы привыкли сознательно усваивать информацию.

Он восходит к тому, что Фрейд называл архаическими методами сообщения, предшествовавшими логическому мышлению, включающему «взрослые» сознательные мысли, выражаемые средствами языка.

Рис. 1

Юнг опровергал упрощенное понимание сознания в качестве строго интеллектуального и рационального способа мышления. Определение сознания как способности к логическому суждению и рациональному мышлению — крайне узкий подход, восходящий к декартовскому «мыслью, следовательно, существую». И вот, нам тошно от все этой бессмыслицы (van der Post по Nichols, 1980); мы сбиты с толку ментальной дезориентацией и отчуждением в тесных рамках эго-сознания, низведенного до одного только картезианского *cogito*. Однако тут помогает осознание множества наших бессознательных проблем; другими словами, «помогает понимание того, что мы делаем и <...> наше понимание себя расширяет горизонты вариантов и возможностей» (Viorst, 1992, с. 4).

В процессе архетипического путешествия сквозь массивы изображений Таро, жизненные ситуации и чувства, связанные с ними экстернализируются и дают возможность буквально взглянуть на них, как будто бы со стороны, в то время, как сами карты лежат на столе, образуя ту или иную иллюстративную схему. Путешествие сквозь образы Таро есть, в сущности, динамический поиск идентичности и поиск смысла и ценности наших жизней через созидательные столкновения с бессознательным в процессе индивидуации. Даже если символы, составляющие путешествие, кажутся (как это показано в главе 3), «неясного происхождения и содержания, [они отсылают к] серии изображений карт Таро, [что] берут свое начало в архетипах трансформации» (Jung, CW сс.91, 81, цит. по Gad, 1994, с. 179).

Итак, двадцать два изображения больших арканов (рис. 1), архетипических образов трансформации. Прежде всего, я хотела бы отметить, что представленные ниже описания носят общий характер. В главе 8 будет разобрано, каким образом одни и те же изображения, включенные в различный контекст и относящиеся к разным людям, приобретают иные коннотации, совмещая общее и частное. Следует также обозначить, что даже при учете того, что арканы расположены, на первый взгляд, в линейной последовательности, это вовсе не значит, что человеческое развитие проходит точно по порядку их следования, от одного к другому. Специфика раскладов для каждого из пятнадцати участников исследования (см. главу 8) демонстрирует архетипические конstellации из больших и малых арканов во всем разнообразии их непредсказуемых сочетаний.

Жизнь и сказка — не одно и то же; частные обстоятельства и свобода воли также играют здесь важную роль. Архетипы создают почву для спонтанных действий, но жизненный опыт, накапливаясь, также образует устойчивые структуры, впоследствии оседающие в коллективном бессознательном и вносящие все более глубокие изменения в структуру архетипического бриколажа.

Это только повышает важность пристального рассмотрения взаимодействия разнородных факторов, каждый из которых впоследствии привнесет новые измерения в индивидуальные психические процессы. Каждый образ может быть интерпретирован на разных уровнях: чувств, эмоций, мыслей, действий,

духовных устремлений т. д. В восьмой главе будет показано, насколько сильным может оказаться равно влияние и воздействие, оказываемые архетипами на психику участников и насколько разрушительными могут быть последствия, часто сопровождающие их.

Томберг (Anonimus, 2002) отмечает, что Большие арканы в качестве аутентичных символов должны быть представлены сознанию, чтобы «привести к возможности новых открытий, принятия новых идей» (с. 4). Практически все изображения имеют на себе живое существо, человеческую фигуру. Она, помимо изображенного тела, имеет также и собственный разум, душу и дух. И, тогда как тело проходит через различные жизненные циклы и выполняет те или иные задачи, душа также претерпевает трансформацию — сама жизнь требует постоянного обновления, расширения и интенсификации нашего сознания.

Персонаж переходит с изображения на изображения, от одной стадии жизни к другой, от одной задаче к следующей. Это путешествие имеет не только обучающий, но и терапевтический аспект, т.к. с каждым новым переживанием душа исцеляется в процессе индивидуации и самореализации.

Путник, т.е., субъект толкования, несет с собой прошлое, что «со всеми его чарующими желаниями, страхами и страстями живет в настоящем» (Viorst, 1992, с. 4) и творит будущее. Первое изображение в последовательности, пронумерованное нулем — Дурак; с него и начинается архетипическое путешествие. Человеческая душа едва появилась на свет, невинная и открытая соблазнам. Перед этим архетипичным Путником открывается множество возможностей, а самого себя он видит на вершине мира. Дурак увлекается в мир новых переживаний и истово верит, что этот мир только его и ждет. Временами он, пожалуй, может быть слишком наивен — архетип вечного дитя, *puer aeternus*, нераскрытого потенциала и новых возможностей в «бездне свободы», которую от него отделяет всего шаг. В Таро Уэйта Дурак стоит на вершине горы, перед самым краем пропасти. Один неверный шаг, и он может рухнуть вниз. Это один из вероятных выборов, открывающихся перед нашим Путником с головой в облаках.

Его самореактивное сознание еще не сформировалось и, согласно Юнгу, его эго неуверенно стоит на ногах. Однако, сам

Юнг спрашивал, «как можно <...> обрести мудрость, не имея глупости?» (Jung, CW II, с.953).

Что, если Дурак рискнет и сделает еще шаг? Он бросится в пропасть новых, неведомых переживаний. И даже если среди этих переживаний для него таится немало жизненных уроков, он готов рискнуть. Это трансформирует его в Мага, первый аркан, символ практической мудрости и успешного завершения начинаний, владеющего множеством инструментов и умеющего ими воспользоваться. Тогда как правая рука Мага сжимает палочку, направленную вверх, к небесам, левая указывает на землю, символизируя воплощение герметического принципа «что наверху, то и внизу». Номер 1, присвоенный этому аркану — простое число, неделимая целостность, соотносимая с *алеф*, буквой иврита, означающей дыхание жизни.

В движении через последующие опыты, от первого до двадцать первого арканов, сами основы идентичности Дурака будут испытаны и проявлены в лице прочих больших арканов в колоде. По Юнгу, каждый архетип воплощает темный и светлый аспекты как противоположности в биполярной паре. Качества, ассоциируемые с Магом — глубина познаний, понимания и видения. «Темная» же сторона Мага представлена Трикстером, капризным, несдержанным и предрасположенным к манипуляциям. Психология Трикстера отражает не знание, но смекалку, не понимание, но хитрость, не видение, но вуйаеризм.

В то время, как действия Мага подчинены этике и продиктованы мудростью, его противоположность, Трикстер, может насильно вовлекать людей в свои игры и избирать их целью проказ. Четыре предмета на столе Мага представляют четыре масти Таро: жезлы, пентакли, мечи и кубки. Они символизируют четыре юнгианских функции: чувство, мышление, ощущение и интуицию, используемые мудрым Магом в совокупности. Они также обозначают четыре элемента, используемые Магом в своей алхимической лаборатории: огонь, землю, воду и воздух. Все эти элементы собраны вместе, чтобы служить обогащению физического мира пятым элементом, квинтэссенцией всех прочих или, согласно гностической традиции, чтобы освободить человеческий дух от уз материального мира. Маг — символ ангела-хранителя, или святого, заботящегося о жизни каждого человека.

Следующее изображение именуется Верховной жрицей. Второй аркан символизирует женскую интуицию и духовную жизнь. Верховная жрица изображает «возвращение Богини» (Whitmont, 1984) как женского принципа, дополняющего мужской по своей природе инструментальный рационализм, превалирующий в современном мире. Ее цель — раскрыть свиток, чтобы показать Дураку тайные символы, гностическое знание.

Верховная жрица также олицетворяет Софию (в греческой философии) или Шекину (в иудейской), представляющую Мудрость «записанную» в свиток на ее колене.

Юнг ассоциировал эту Мудрость с иудейской Хохма, одной из сфирот каббалистического Древа Жизни. Древо является символом божественного, нисходящего в наш человеческий, материальный мир. И именно Верховная жрица может впоследствии раскрыть свиток, чтобы тем открыть Дураку секреты гностического знания, утерянного в научном (читай: предельно маскулинном) рационализме и через это объединить божественное и человеческое.

София — в равной степени значимое понятие как для эллинистических философии и религии, платонизма и гностицизма, так и для православной церкви и христианского мистицизма. В Ветхом Завете София-мудрость персонифицирована в Книге притчей Соломоновых (8:22-31). Принцип Мудрости также соотносился средневековыми алхимиками со Святым Духом. Бог в союзе с возлюбленной Шекиной, или Логос в союзе с Софией порождают искомое *coincidentia oppositorum*, выраженное в важнейшем из юнгианских архетипов, Самости.

Верховная жрица обозначает неявленное, тайное знание, противоположное эмпирическому и осмысляемому; однако, оно способна проявить себя, делая видимым то, что было скрыто. В этом прерогатива герменевтики Таро, как и было сказано ранее: показать невидимое. Утерянный язык способен проявляться в содержании бессознательного, вроде оговорок, описанных Фрейдом, снов, юнгианских ассоциаций. Образ Верховной жрицы связан также с архетипичным образом Кору, девы, которая «как дочь Великой Матери Земли <...> связана с сокровищами Самости и [может] служить агентом в восстановлении душевной целостности» (Норске, 1992, с. 111).

Архетип Великой Матери представлен арканом III, Императрицей, способной научить Дурака таинству исцеления через полноту эмоций, способность дарить любовь и безусловно принимать своих детей.

В каббалистическом Древе Жизни сфера Бина переводится как «понимание»; на более глубоком уровне она означает Матерь Мира. Бина — место укоренения Древа: это творение с одобрения Великой Матери. В раскладе Императрица часто означает беременность. Слово сфера (ед. ч.) или сфирот (мн. ч.) может быть переведено как буква или число; подразумеваемый смысл, однако — информация или модель, аналогично юнгианским архетипическим моделям, существующим в коллективном бессознательном. Юнг, рассматривая аспекты женственности, утверждал, что женская психология основывается на принципе Эроса, великого связующего элемента, в то время, как с древности главенствующим мужским принципом является Логос. Концепция Эроса проявляется в душевных взаимосвязях, Логоса — в объективной отстраненной рациональности. В образе Императрицы Дурак постигает урок Любви, становясь способным к близости и построению связей. Однако, темный, хтонический аспект материнского архетипа может проявлять себя в реальной жизни как гиперопека или наоборот, предъявление к Дураку завышенных запросов, что может привести, на психологическом уровне, к задержкам в развитии, неуверенности в себе и тенденции незрелого эго к возвращению к предыдущим стадиям развития.

Далее идет Император, четвертый аркан, всезнающий и всемогущий архетип Отца, символический проводник сверхэго, в котором Дурак так нуждается. Дурак перестает быть жертвой своего слабого эго; он постигает принцип Логоса, учится утверждать себя, иногда доходя до агрессии; вопросы влияния и силы становятся доминирующими в его психике. Замешательство в выборе полоролевой модели имеют место быть, т. к. Императрица и Император с наибольшей вероятностью являются проявлениями архетипов анимы и анимуса, двух субличностей, которые, согласно Юнгу, существуют на уровне подсознания. Этимологически, анима и анимус происходят от латинских слов «душа» (*anima*) и «дух» (*animus*). Они могут проявляться в повседневной жизни как модели восприятия и поведения, характерные

для представителей противоположного пола в рамках психики каждого человека.

В качестве актуализованных архетипов, Императрица и Император функционируют как доминантные черты характера; однако анима и анимус в бессознательном могут проявляться как «низшие» психические функции.

По типологии Юнга, мышление и чувство относятся к функциям суждения, в то время, как ощущение и интуиция — к функциям восприятия; каждая из четырех функций, если психика не сбалансирована, классифицируется, как «доминантная», «вспомогательная», «третичная» и «подчиненная», последняя наименее развита и наиболее глубоко погружена в бессознательное. Под влиянием двух означенных архетипов у человека могут проявляться определенные психопатологии. В случае «одержимости анимой/анимусом» (Норске, 1992, с. 92) мужчины могут быть подвержены резким переменам настроения и впадать в истерию, а женщины, «одержимые» архетипом анимуса наоборот, могут проявлять характерную для мужчин жажду власти.

Здесь архетипичные фигуры становятся социальными ролями; невинный Дурак в своем путешествии потерял свою душу — надел маску и превратился в то, что Юнг называл Персоной. Было ли это проявлением его защитного механизма? Или же носить маску для него стало естественным, пока он живет в консервативном мире догм, жестких правил и муштры, также отраженном пятым арканом, Иерофантом.

Термин «персона» происходит от *persona* (лат. маска, «ненастоящее лицо»), Юнгом оно использовано как обозначение архетипа соответствия и подчинения. Чтобы приспособиться к общественным нормам, Дурак должен усвоить урок соответствия и подчинения и следовать традиции, определяющей правила среды, в которой он существует. Иерофант или Папа как мужское дополнение Верховной Жрицы символизирует закон, порядок, те или иные установки и вытекающий из них фундаментализм. С точки зрения психических процессов, личность, поглощенная Персоной, склонна проявлять признаки обсессивно-компульсивного поведения, нетерпимости, пассивной агрессии или пребывать в плену собственных идей. Социально адаптированная маска может использоваться

настолько часто, что превратится во второе лицо носящего, что приведет к полному разложению личности и отрицанию собственной внутренней жизни. Юнг обозначил этот процесс как идентификацию с Персоной и определял его как частый источник психических расстройств. На более глубоком уровне, душа надевает маску и принимает форму Ложной Самости. Чтобы одолеть ее, Дураку требуется продолжать свой путь через преодоление жизненных испытаний и не переставать учиться на собственном опыте.

Образ Любовников, шестой аркан, включает в себе сомнение и двойственность, определяя момент выбора. Когда Дурак ведом юнгианским архетипом единства — высшей точкой мистического слияния противоположностей, существующих в постоянном напряжении, это напряжение отражается в образе Любовников. Стоя на перекрестке, Дурак оказывается перед выбором, определяющим его готовность адекватно встретить Любовников. Если обратиться к преданию о Рае, познание добра и зла — по сути своей, способность выносить этические суждения — символически связана с Древом Познания, если воспринимать «познание» как имеющее эротические, сексуальные коннотации. Согласно Юнгу, «Эрос является сомнительной фигурой, [которая] принадлежит, с одной стороны, человеческой первобытной, животной натуре, [а] с другой <...> связана с высшими формами духа. Истинное его торжество заключается в гармонии инстинкта и духа (Jung, CW 7, с.32).

Любовники показывают, что Дурак с наибольшей вероятностью сделает верный выбор, примет «правильное» решение; особенно, если он ведом вперед Колесницей, седьмым арканом.

Дурак начал свое путешествие как в качестве архетипического «волшебного ребенка» (Pearce, 1977), но теперь преобразился в выделенный юнгом архетип Героя. Разбирая символизм Колесницы в процессе индивидуации, Томберг (Anonutous, 2002) соотносил этот образ с феноменом инфляции эго или «эпифании героя» (Jung and Kerenyi, 1952, с. 137). В этом заключается негативный, темный аспект архетипа Героя, по аналогии с негативным аспектом Мага — Трикстером. Только на практике, в рамках конкретного толкования,

включенный в него герменевтический процесс позволяет выделить темный или светлый аспект архетипа, как это будет продемонстрировано в восьмой главе.

Что касается возницы, ему не так-то просто контролировать свою натуру, построенную на инстинктах, разделять вымысел и действительность, представленные двумя конями, но Герой-Дурак может научиться силой своей воли уравнивать две противоположности, находящиеся в постоянном напряжении и через самодисциплину достигнуть успеха.

Колесница уносит нашего Дурака прочь от сдерживающих факторов среды. Сама она является, в сущности, символом контроля над собственными эмоциями, «выправления» собственного поведения средствами удержания пары коней — творящей и разрушающей душевных сил — в равновесии.

Один греческий миф повествует о том, что души, лишенные тел, правят колесницами, и каждый возничий вынужден обуздывать обеих непокорных лошадей (воплощения жадности и порыва), как это и представлено на изображении седьмого аркана.

Осваивая бессознательную часть себя, человек обретает Силу, символизируемую восьмым арканом.

С этим новоприобретенным могуществом Дурак способен развить в себе навыки межличностного взаимодействия; здесь ему может понадобиться помощь со стороны, на что часто указывает появление Силы в раскладе для конкретного человека. На данном этапе Герой способен приручить зверя, что сбивает его с пути постижения своей истинной силы, подлинных ценностей, способностей и возможных ограничений. Согласно Юнгу, лев есть «то самое животное, которое символизирует «поглощенность бессознательным» (CW 12, с.277). На изображении женский персонаж умиротворяет льва голыми руками. Согласно Абрахаму Маслоу, без принятия себя нельзя принять окружающих: Сила здесь символизирует ту степень принятия себя, которой обладает высокоразвитая личность. Одолев льва собственными руками, Дурак готов встретить Отшельника, девятый аркан.

Именно здесь — в начале этапа «середины жизни» в описанном Юнгом процессе индивидуации — самопознание позволяет разделить осознанную и неосознанную жизнь (т.е. не наделенную смыслом). Переживания достигают своей

критической массы, Дурак вынужден отвернуться от них и обратиться внутрь себя: фонарь на данном изображении символизирует поиск, постижение внутреннего знания, истинной Самости. Именно отшельник способен открыть Дураку древний принцип «Познай Себя».

Отшельник также символизирует одиночество или даже бегство, как часть любой мистической дисциплины и период созерцания в изоляции и молчании. Урок «познания себя» подразумевает рефлекссию, но не в форме глубокой субъективной интроспекции. В одиночестве человек сближается с Природой и получает возможность почувствовать себя в гармонии с ней и со вселенским разумом (Нусом). Дурак готов к медитации, временной остановке на своем пути и одиночеству ради того, чтобы научиться рефлексии над собственными переживаниями. Урок, получаемый им, также есть урок интеграции в форме «внутреннего вызова <...> требующего разрешения изнутри через соотнесение со внешним» (Норше, 1992, с. 126). Это глубокое ощущение духовного смысла с сего момента поведет Героя дальше по пути индивидуации; а ищущий — найдет. Отшельник также олицетворяет юнгианский архетип Мудреца, тесно связанный с образом духа Филемона, являвшегося ему в видениях и передавшему Юнгу «Семь проповедей к мертвым».

Поиск себя — процесс бесконечный; множество изображений Таро включают в себя немало символов бесконечности, и Дурак все еще остается дилетантом в таких вещах, как озарение, интуиция и самопознание, урок которых был преподан ему Отшельником. Его фонарь источает свет и доносит до сознания крупницы гностического знания, доступные Дураку.

Колесо Фортуны, десятый аркан, начинает свое вращение именно в тот момент, когда Герой-Дурак достигает поворотной точки.

Колесо вращается без помощи внешних сил, естественным образом избавляясь от старого и давая место новому. Упомянутая поворотная точка может появиться в течение любого жизненного цикла; в сущности, ее наличие определяет и само существование каждого отдельного цикла. С поворотом Колеса наш архетипичный Герой сталкивается с ощущением «перемены ветра». Теперь на протяжении пути его будут сопровождать законы

судьбы, Фортуны — или кармы. Его действия, однако, могут задержать и отсрочить момент поворота или наоборот, приблизить его. Таким образом, Герою потребуются вся его удача и выдержка, чтобы сохранить целостность и осознанность и не обернуть свою победу поражением и не превратить очередной цикл в порочный круг.

Сам момент воздаяния представлен одиннадцатым арканом, Справедливостью. Все переживания подлежат беспристрастной оценке — фигура женщины с повязкой на глазах, держащей в руках весы говорит о том, что ее справедливость не логической, рассудочной природы, но продиктована сердцем. Это изображает применение на практике юнгианской функции чувства, приводящей к мудрым решениям, основанным на ценностных суждениях в рамках конкретной ситуации. Справедливость совершится сообразно индивидуальной целостности, и последствия тех или иных человеческих действий будут пропорциональны самим действиям.

Юнг отмечал, что человеку следовало бы жить в согласии со своей природой и сосредоточиться, прежде всего, на самопознании. Придя к пониманию определенных истин о своей натуре, в дальнейшем не стоит отходить от них. Юнг любил задавать следующий вопрос: что можно сказать о тигре, который не ест мяса? Верным ответом было то, что это плохой тигр. Этим он подводил собеседника к мысли о том, что каждый должен существовать в гармонии со своим естеством. На этом этапе нашему Герою предстоит научиться честности. Он жаждет гармонии и равновесия, и урок Справедливости в том, что для их достижения следует прилагать в равной степени интеллектуальную оценку и духовное озарение. Справедливость далеко не слепа и не судит людей согласно некоему универсальному нравственному закону. Сам Юнг считал, что «нравственность не заключена в каменных таблицах, принесенных с горы Синай и переданных людям, она уже есть функция человеческой души, такая же древняя, как и само человечество» (Jung, CW 7, с.30).

Сложнее всего здесь, разумеется, осознать существование такой душевной функции и через это понять, чем и кем каждому из нас суждено быть.

Но в определенный момент на пути героя встает необходимость жертвы. Приходит время пожертвовать чем-то, что мешает дальнейшему продвижению — таков урок двенадцатого аркана, Повешенного, на котором изображен подвешенный между землей и небом человек, лишенный какой бы то ни было тверди что сверху, что снизу. Многочисленные битвы и препятствия на пути, кажется, совсем истощили нашего архетипического Путника. Настало время для испытания иного рода: беспомощности, с которой каждый сталкивался в определенной точке того или иного жизненного цикла. Возможно, смена приоритетов покажет герою, что иногда стоит избавиться от закосневших представлений, и тогда новое видение вещей будет наградой само по себе. Русский режиссер Андрей Тарковский снял «Жертвоприношение», свой последний фильм, незадолго до собственной смерти в 1986 году. Основная идея фильма заключалась в том, чтобы показать героя, способного пожертвовать собой и привычным укладом жизни ради того, чтобы, как верил сам Тарковский, через жертву родилась гармония. Для Тарковского было не так важно, приносится эта жертва во имя некоторых духовных представлений, ради ближних, для собственного спасения или для всего сразу. Такой акт несовместим ни с какими личными интересами, являющимися «обычным» побудителем к действию; он отрицает и принципы материалистского подхода... «Однако <...>, тот, кто поступает подобным образом, способен стать источником коренных перемен (Tarkovsky, 1989, с.217). С этим согласился бы и сам Юнг: «Коренная смена точки зрения, требующая многих жертв, необходима для того, чтобы увидеть мир „как он есть“, согласно природе нашей души» (Jung, CW I I, с.841). Юнг обращал внимание на то, что множество ритуалов инициации включают в себя символическую смерть как обозначение смены ценностей, «восстанавливающей душу в своей божественной природе, утерянной ей при рождении» (Jung, CW II, с.842).

И, разумеется, тринадцатый аркан, следующий сразу за Повешенным, именуется не иначе, как Смерть, наделенная всеми символами перехода и отмирания, но вместе с тем — обновления и перемен. Как отметила Кристин Даунинг, «любовь в Эросе оказывает трансформирующее влияние

[на психе], а всякая серьезная трансформация подразумевает в себе смерть» (2005, с. 202; скобки мои). Устаревшие и ограничивающие взгляды, застойная среда, любой статус кво, в котором пребывает Герой на этом этапе находится в процессе эволюции и трансформации. Он должен оставить себя старого позади, и протекание этого процесса будет для него весьма болезненным.

Ролло Мэй (May, 1991) был убежден, что вся история человечества учит нас одной важной вещи: лишь пройдя через ад можно достигнуть небес. Этот аркан несет в себе идею боли и мук, и исследование его символики в процессе толкования подводит к осознанию целого внутреннего мира страданий, построенных на чувствах, эмоциях и аффектах. Именно в Смерти нынешнее «я» пытается вступить в противоборство со своим собственным потенциалом, целостностью, истинной Самостью.

Но переживание отмирания своего прошлого я приносит осознание успешности этой трансформации. Герой близок к осознанию экзистенциального смысла своей собственной жизни благодаря урокам, вынесенным из пройденного им архетипического путешествия, большая часть которого уже позади.

Но теперь не стоит спешить, советует четырнадцатый аркан, Умеренность; велика опасность фрагментации эго, потому — контролируй его. Греческая максима, гласящая «Ничего лишнего» есть добродетель Умеренности, почитаемая в эллинистическом мире не менее, чем принцип «Познай себя»; оба были высечены в храме Аполлона в Дельфах.

В карте заключен образ согласования Героем всех своих переживаний, которые он, подобно разрозненным кусочкам мозаики, собирает в единую картину. Умеренность также является одной из семи добродетелей, принятых христианством времен Средневековья и Возрождения. Добродетели «представлены как модель духовного совершенства: умеренность, мужество, справедливость, благоразумие, вера, надежда и милосердие» (Plase, 2005, с.19). В путешествии архетипического путешествия Дурака уже встречались Сила и Справедливость. Душа Героя растет с расширением его осознанности и постепенно принимает в себя

новые качества, но это все еще сильно, и способно узурпировать всю полноту его силы.

На следующем этапе он чувствует тяготение Дьявола, пятнадцатого аркана, в форме юнгианского архетипа Тени, падшего ангела, символа зла, «порочной материи».

Мир Дьявола построен на невежестве: дурные вещи происходят с хорошими людьми от отсутствия понимания сущности тех вещей, которые они творят. Саморазрушительные позывы могут отвлечь душу, отбросить ее назад на пути осознания ее истинного предназначения. Но что же сдерживает нашего героя, и как он сможет преодолеть боязнь своей будущей Самости?

Ролло Мэй отмечал, что по приближении завершения терапии, пациенты пугались самой возможности решиться на завершение того пути, который был начат, когда они ее предприняли. Ясность эгоцентрического сознания всегда отбрасывает свою густую тень, собранную из импульсов, комплексов, постыдных желаний, отрицания, самооправдания и потакания примитивным инстинктам.

Цепи, изображенные на карте, символизируют компульсивные сексуальные проявления, неконтролируемые порывы и слабую переносимость фрустрации. Они также представляют страх, комплекс превосходства, смешанный с ощущением собственной неполноценности.

В контексте межличностных отношений Дьявол может указывать на проблемы, вызванные взаимозависимостью партнеров. На определенном уровне это связано со страхом разрыва, как это происходит в изживших себя супружеских отношениях, которые тем не менее сохраняются под давлением уже существующих в них сексуальных и материальных зависимостей. Если рассматривать Дьявола как архетипическую фигуру, то здесь Тень требует тщательного изучения для того, чтобы ее присутствие и губительное влияние были распознаны и интегрированы в сознание. Иначе скрывающееся в ней вытесненное содержание продолжит все глубже и глубже погружаться в бессознательное и действовать на его уровне. Ниже приведено стихотворение, написанное моим старшим сыном в юности и опубликованное в выпуске *Journey to the Point*, сборнике молодых австралийских поэтов за 1994 год.

НОЧЬ

В плену удушливой ночи
 Чей чуждый запах, жаркий свет
 Сочась из всех мирских щелей
 Манят до дьявольских дверей.

Как сердцу сладок нежный яд
 Как жадно мускулы вопят,
 В могильном истомясь плену,
 Противясь сладостному сну.

О, пламень, что знаком давно
 Воск из свечей, из чаш — вино
 Омоем кожу, как вода
 Беги, мой зверь, беги стыда!

Змеей бессонной жаль во тьму,
 Живи, разбей свою тюрьму!
 С шипеньем смерти, с лобзаньем жизнь
 Под толщею земли слились

Как семя, ждущее дождя
 И с ним дающее побег
 Губительный и жалкий.

И снова бледный свет зари
 С насмешкой раны опалит
 Смеясь над кровью, что лилась
 В плену удушливой ночи.

Ролло Мэй также упоминает фильм «Взвод» (*Platoon*) в связи с его посылом, адресованным одновременно сознанию и бессознательному зрителя. Он раскрывает себя как «потрясающую до глубины души историю, в которой «мы воюем не с врагом, а с самими собой», как выразился один из героев к концу фильма <...> В фильме <...> показано то, что Юнг назвал бы «тенью», а я в «Любви и воле» именовал

«даймоическим» (May, 1991, с.27). Проецирование Тени является очень важным симптомом: мы приписываем другим те нежелательные качества, которые с наибольшей силой пытаемся отрицать в себе.

Осведомленность о существовании коллективной Тени крайне важна, и ее мы коснемся в девятой главе в контексте культурно-педагогического значения Таро.

Но как преодолеть даймоический по своей природе страх неизвестного, который неизбежно возникает в процессе индивидуации? Осознание всех своих привязанностей является необходимым для героя, чтобы тот мог продвинуться в своем поиске смысла и идентичности.

Кто знает, что за зло таится в людских сердцах? Конечно, Тень!² Дьявол представляет собой один из наиболее могущественных символов во всей колоде Таро, и детальное изучение всех коннотаций и возможных значений в конкретном раскладе может, в свою очередь, передать это могущество субъекту расклада. Герой станет способным разорвать цепи застарелых привычек и понять, какие стороны собственной личности удерживают его на путях саморазрушения.

Да, осознание произошло, но цепи Дьявола не так-то просто разорвать, иногда для этого может потребоваться серьезное потрясение. Шестнадцатый аркан способен уничтожить всё то в Герое, что помешает ему двигаться вперед. На ментальном уровне это может выражаться в победе над ложным сознанием, иногда через катарсис. Стремительная, болезненная интенсификация сознания передана здесь символическим языком одного рисунка: молния в мгновение разбивает башню из слоновой кости, в которой некто сам себя заточил! Это может быть тем моментом, когда внезапное осознание уничтожает ощущение защищенности, вероятнее всего — ложной защищенности, но вместе с тем приносит озарение, пробуждающий к жизни свет, отображенный в Звезде, семнадцатом аркане.

² «*Who knows what evil lurks in the hearts of men? The Shadow knows!*» —

ставшая культовой присказка героя серии новелл и радиопостановок первой половины XX века, борца с преступностью, известного как Тень.

Здесь обнаженная женщина опорожняет сосуды с водой среди молодой поросли, окруженная проявлениями всех четырех стихий, появляющимися в одном месте в своей конкретной — не символической, как это было с Магом — форме именно на этом аркане.

Душа очищается, когда потоки бессознательного смывают с нее остатки «бренной материи», взорвавшейся, достигнув максимальной концентрации в предыдущем аркане, Башне. Звезда, несущая надежду и исцеление, теперь сопровождает героя в его дальнейшем путешествии, побуждая его сосредоточить свои силы на реализации собственных талантов и движении к воплощению его мечтаний. Если обратиться к Юнгу, то «как вечер порождает утро, так и из тьмы возникает новый свет, *stella matutina*³» (Jung, CW 13, с.299), что восходит на руинах Башни, стоявшей здесь до нее.

Свет звезд отражает те актуализованные архетипы, встреченные Дураком ранее в его путешествии, которые «обрели свой собственный свет или некоторое квазисознание, их <...> нуминозность придает им это сияние» (Jung, CW 8, с.388). В символическом смысле Звезда выражает особую ясность сознания, достигаемую через очищение, крещение в духовном плане. Свет, излучаемый ей, имеет целительную природу, т.к. истекает из астральных сфер высшего сознания: он придает Герою сил, наделяет его уверенностью, его самооценка растет, подталкивая к открытию собственных дарований и предназначения. Звезда также символизирует важный шаг в процессе индивидуации, как персональной, так и коллективной, о чем будет сказано подробнее в девятой главе. Теперь Герой пребывает в гармонии с собственным окружением; четыре стихии: воздух, земля, вода и огонь здесь соотносятся с четырьмя юнгианскими функциями сознания, находящимися в равновесии, где ни одна из них не выступает в качестве подчиненной.

Но на этом этапе Герою следует быть внимательным к предостережению Луны, восемнадцатого аркана. От надежд, вселяемых Звездой, Героя отвлекает холодный свет Луны. Погруженный в пучину беспорядочных эмоций, он более не

³ лат. Утренняя звезда.

способен различать правду и ложь; он полон иллюзий и порой склонен даже к самообману. Когда Луна появляется в картине расклада, в определенном контексте она может отсылать к слабости или синдрому Альцгеймера.

Эго Героя теперь находится во власти того, что Фрейд называл Ид. Часто имеет место наличие реальных или воображаемых врагов — чья реальность, однако, не вызывает сомнений на психическом уровне.

Между Героем и его Самостью пеленой тумана встает непонимание; преодолеть его и вызываемое им эмоциональное напряжение — значит вернуться на путь индивидуации, избавившись от влияния уводящей прочь Луны. Сюжет этого аркана соотносится с замечанием Юнга о том, что в процессе индивидуации заключена опасность того, что архетипы могут подавить и захватить психику человека. Одержимость такого рода рассматривалась Юнгом как одно из основополагающих понятий психопатологии.

Но справившись с внутренним смятением и самообманом, Дурак выходит навстречу девятнадцатому аркану, Солнцу, словно рожденный вновь с первыми лучами рассвета после долгой ночи. Герой здесь представлен как юнгианский архетип Божественного Ребенка. У каждого взрослого есть свой внутренний ребенок, и Юнг определял его как прерогативу божественного. Божественный Ребенок на изображении этого аркана находит свое место под солнцем. В этом заключен символ перерождения, когда взрослый снова возвращается к детскому состоянию, в котором он появился на свет вновь, во всей полноте собственной Самости.

Но даже если предпринятое архетипическое путешествие и было серьезным испытанием, оно, в то же время, явилось индивидуальным и обучающим процессом, приводящим к исцелению души. Идея возрождения, согласно Юнгу, уходит корнями в универсальные мировые мифы «о Геракле, Фараонах, Иисусе: ритуал перерождения использовался и в целительских практиках на заре цивилизации» (Русе-Menuhin, 1992, с.17).

Следующий аркан, двадцатый по счету — Суд, символ воскресения по трубному гласу с высших планов, взывающий к пробуждению сознания Героя.

Как пелось в одной из песен госпел, Гавриил трубит в свою трубу, и зовущет всех в Новый Иерусалим — в этом образе

заключено не что иное, как символ духовного возрождения; паломничество Дурака приближается к своей цели, и скоро мы увидим последний аркан, Мир. Персонажи на изображении этого аркана восстают, следуя призыванию, истинному небесному зову. И пусть труба в руках архангела Гавриила, чье имя на иврите означает «Сила Божья», это воскресение станет, как отметил Марк Патрик Гедерман, не «неким актом божественного всемогущества, но осязаемым проявлением соприкосновения божественной любви с человеческим существом» (2003, с. 200) или, как отмечалось ранее, мистическим *coincidentia oppositorum*, достигаемым Эросом и Психеей, объединенным в момент «[становления] естественной жизни жизнью воскресения» (2003, с. 202).

Трубный глас призывает душу к духовному пробуждению, а с ней и тело к символическому возрождению в новых переживаниях, делая человека свободным поступать любым желаемым образом в новой жизни, и тем приближая его к своей истинной Самости, выраженной следующим арканом под названием «Мир».

Нэл Ноддингс (1993а) толкует символический смысл воскресения в контексте теологии освобождения. Этот вид религиозного гуманизма и его критическая теория преобразующего, духовного образования, говорит громкое «да» жизни, символ воскресения в которой побуждает «людей принимать ответственность, действовать, трансформировать» (Noddings, 1993a, с. 129) символическую смерть, уже пройденную в тринадцатом аркане в инструмент жизни.

Ощущение принятия на себя моральной ответственности за действия в мире и во имя самого мира воплощено в двадцать первом, последнем аркане. Вселенная, как он назван в некоторых колодах, представляет собой кульминацию архетипического путешествия Дурака. Теология освобождения толкует Новый Иерусалим как символ гармоничной, мирной жизни, образа идеального будущего для человечества.

Округлая мандала Мира отражает в себе идею завершения поиска идентичности и смысла собственного существования, с одним лишь уточнением.

Форма обрамления, в котором заключена человеческая фигура, подразумевает континуум, идею о том, что истинный

поиск экзистенциального смысла — непрекращающийся процесс, происходящий в постоянно изменяющихся обстоятельствах. Это вечно расширяющееся и изменчивое поле переживаемых ситуаций каждый раз выдвигает новые испытания: так, история Дурака описывает наши жизненные путешествия в процессе обучения урокам жизни.

Эволюция сознания находит свою кульминацию в Мире, изображение которого представляет собой идеал прошедшей индивидуацию Самости, цельной личности, неотделимой от внешнего мира. Как говорил Юнг, «наше расширенное сознание больше не та <...> эгоистическая куча личных желаний, страхов, надежд, амбиций, которая должна постоянно корректироваться противодействующими тенденциями бессознательного; наоборот, это функция *соотнесения* с объективным миром, привносящая индивидуальное в абсолютное <...> неразделимое единство с миром» (Jung, CW 7, с.5; курсив мой).

Дурак, наконец достигший Мира есть символ Самости, преодолевшей двойственность, разделяющую себя самое и внешний мир, и теперь включающую в себя в разы большее нуминозное, духовное содержание. Для Юнга Самость являлась не только центром личности, как это было с сознательным Это, но личность в целом — как округлая мандала на изображении Мира — с интеграцией сознательного и бессознательного аспекта в душевном единстве.

Танцующая женщина в венке отсылает нас к дионисийским мистериям, безграничной радости, к душе или Аниме, найденной среди рационального, апполонического мира. Как отмечает Ноддингс (1993а), танец — средство к восстановлению души.

Всеобъемлющая душа выходит за пределы наших ограниченных тел и охватывает все души, объединяющиеся в архетипе Самости, единой мировой душой, *Anima Mundi*.

Впрочем, в повседневной жизни личностная целостность и единство с Миром может быть лишь сдерживающим идеалом, и Дурак будет продолжать свой путь, начиная с самого начала, и наново изучая все преподанные ему духовные уроки, достигая благодаря своему все расширяющемуся сознанию наилучших взаимоотношений с собственным внутренним и внешним мирами.

Постоянно растущая и изменяющаяся множественность переживаемых ситуаций и событий представляет все новые

испытания. Уже знакомые символы объединяются в новые констелляции; однако «жить полной жизнью возможно лишь в гармонии с этими символами; мудрость — лишь следствие того» (Jung, CW 8, с.794) как неясные сперва смыслы становятся яснее и прозрачнее в процессе герменевтики Таро.

Утверждая важность мифа в человеческой жизни, Ролло Мэй заключил, что решение экзистенциальных проблем существования достигается через восприятие мифа. Сквозь призму Таро становится возможным увидеть мифическое повествование о самих себе, вовлеченных в символическое путешествие Дурака и в нем воспринимающих уроки жизни.

Аллегорическая школа жизни предстает в этих символических изображениях как путь к поиску идентичности и осмысленности. В этой главе путешествие по арканам Таро было рассмотрено с перспективы юнгианского представления об Архетипах, в следующей же мы рассмотрим его в контексте различных психологических теорий.

Глава 5

ЛИЧНОСТЬ И СОЗНАНИЕ

Пожалуй, символы Таро передают свои сообщения наиболее ясно, будучи рассмотрены с точки зрения юнгианских архетипов коллективного бессознательного или в контексте экзистенциального раскрытия своего существа через мифы. Ноддингс (Noddings, 1993а) утверждает, что экзистенциальные вопросы являются важнейшими в жизни и «должны формировать становой хребет» (1993а, с. 8) образования, противопоставленного традиционным программам с «жесткими границами между различными областями, делающими обучение фрагментарным» (1993а, с. 8). Есть множество способов обращения к экзистенциальным проблемам, касающимся смысла человеческой жизни и нравственного развития; фактически, здесь Ноддингс отмечает, что неоплатонический «принцип множественности, близкий многим мыслителям» (1993а, р. 9) применим к тому множеству переживаний, которые ожидают Дурака в его архетипическом путешествии сквозь символы изображений Таро, рассмотренные в предыдущей главе.

Универсальность и многоплановость Таро отражает позицию гуманистической и трансперсональной психологии на кросс-культурность основных человеческих ценностей.

Культурный релятивизм отступает перед фактом того, что арканы Таро воплощают общие ценности, заложенные в самой основе универсальных человеческих переживаний, в числе которых «общность рождения, смерти, физических и эмоциональных потребностей, нужда в заботе. Последняя выражается и в качестве потребности в любви, опеке, уважении или просто признании и является основополагающим моментом этики заботы» (Noddings, 1998, с. 188).

В контексте феминистической нравственной философии и своей теории образования, Ноддингс обращается к таким

общечеловеческим переживаниям, таким как смерть, брак, материнство, смерть, разлука, отрицая, однако, любые нравственные универсалии, понимаемые как строго установленные правила для тех или иных поступков и реакций. Как можно было увидеть в четвертой главе, универсальные архетипичные переживания заключаются в образах больших арканов Таро. Важно отметить, что абстрактные и общие принципы, будучи теоретическими конструкциями, обретают воплощение в конкретных, индивидуальных опытах повседневной человеческой жизни, преодолевая границу картезианского дуализма между душой и телом.

Чем дольше работаешь с Таро, тем яснее проступают корреляции среди различных видений человеческой природы, вплоть до осознания того, что, согласно с мнением Карла Сэргента (Sargent, 1988) «Таро — это почти что „сверхтеория“ личности. Трудно найти хоть одно открытие в психологии личности, которое не было бы предсказано образным рядом Таро» (Sargent, 1988, с. VI). Стоит, однако, отметить, что все теории остаются лишь нашими, человеческими построениями в попытке объяснить собственное поведение. Даже Юнг прекрасно осознавал опасность отождествления с той или иной теорией, называя их «самим дьяволом. Действительно, нам нужны определенные точки зрения ради их <...> эвристической ценности; но к ним всегда следует относиться лишь как к вспомогательным обобщениям» (Jung, CW17, с. 7).

Отсылки к различным теориям личности в контексте рассмотрения Таро приводятся в основном для того, чтобы пролить свет на те или иные важные аспекты психологических моделей. В среде теорий личности, Сэргент связывал Таро не только с фрейдистскими и юнгианскими теориями о бессознательном, но также с ключевыми моментами гуманистической психологии Абрахама Маслоу и теорией личностных конструктов Джорджа Келли. В гуманистической психологии Маслоу, например, существует такое понятие, как доминирующий мотив, выступающий для человека как побуждение к росту, развитию, видоизменениям и, в том числе, культивации своего духовного мира. Рост, развитие, изменения и духовные устремления движутся от одного большого аркана к другому, и символы каждого из изображений предлагают истории наподобие тех, что «Юнг

и Маслоу рассказывают о возможностях развития для нас как людей» (Sargent, 1988, с. 7). Маслоу отталкивается от непрекращающейся динамики человеческих мотивов, мотиваций и потребностей к росту. Путешествие Дурака через большие арканы — бесконечная история, в которой личность становится все сложнее и сложнее до тех пор, пока не достигнет уровня истинной индивидуальности. На этом-то уровне и проявляется описанное Маслоу внутреннее ощущение собственной ценности. Потребность в уважении у Маслоу сформулирована как совокупность стремлений к силе, эффективности и признанию своей ценности другими; речь не о привлечении внимания, но о завоевании уважения благодаря развитым качествам «внутреннего морального агента» (Sargent, 1998, с. 44). Как и Юнг, Маслоу считал следование своей истинной природе высшим уровнем человеческой самоактуализации. Если обратиться к динамике Таро, рассмотренной в предыдущей главе, то Дурак достигает полной самоактуализации в архетипе Самости, символизируемом арканом Мир.

Дурак представляет собой чистый потенциал для будущей самоактуализации; ему предстоит пройти через множество описанных Маслоу пиковых переживаний, символически представленных в образном ряде следующих за ним изображений. Так, Императрица, символизирующая юнгианский архетип Великой Матери, в своих позитивных аспектах выражает удовлетворение тех потребностей, которые Маслоу обозначил как базовые. Императрице знакомо человеческое желание безопасности, защищенности и заботы. Она также выступает символом роста: если обратиться к герменевтике Таро, ее присутствие в раскладе часто указывает на беременность и плодовитость.

Символика Справедливости указывает на внутреннее чувство правоты в вынесении своих суждений. Колесо Фортуны изображает саму динамику процесса развития, характерную и для теорий Юнга, и Маслоу. Изображение человека, встречающегося на большинстве карт, отсутствует на Колесе, показывающем «не столько часть личности, [но] процесс, отвечающий за [человеческое] развитие» (Sargent, 1998, с. 86) как таковое.

Принято считать, что личностно-ориентированная теория Карла Роджерса отказывается от большей части бессознательного

в угоду классическим принципам согласия, положительного отношения, сочувствия и доверия, как это принято в консультировании. Однако, Роджерс упоминал об открытии и других сторон своей, наиболее близкой к интуитивной и совершенно сокрытой на уровне сознания, истинной личности.

Согласно Роджерсу, это отчасти измененное состояние сознания и оказало исцеляющее воздействие. Работая подобно консультанту, одаренный читающий интуитивно применяет на практике необходимые качества, обозначенные Роджерсом: согласованность, безусловное положительное отношение и сочувствие. Без понимания через эмпатию было бы невозможно проникнуть в глубины души, полной смыслов, скрытых за бессознательными ощущениями, страхами, надеждами, желаниями и чувствами к окружающим (как будет показано в восьмой главе).

Еще в 1940 Роджерс описывал динамику личностного роста в процессе расширения самосознания, сосредоточенном, прежде всего, на выделении и принятии себя со всеми компонентами, в том числе детский, амбивалентный и агрессивный аспекты. Эти аспекты можно узнать в образах Дурака, Силы, Колесницы, Дьявола и других; все зависит от контекста конкретных переживаний, в которых они были задействованы. Герменевтика Таро позволяет погрузиться в поле субъективного восприятия, что является основой для настоящего понимания другого человека. С погружением во внутренний мир чужих ощущений, чувств, желаний и тревог происходит движение в новую раскрывшуюся область, дающую понимание личностной динамики.

Говоря о «самооценке», Роджерс отметил важность соотнесения «Я» с другими, даже если речь идет обо «мне», присваивающей ту или иную ценность «моим» субъективным переживаниям.

Лично мне девятнадцать основных тезисов Роджерса, охватывающих сразу и гуманистическое, феноменологическое и экзистенциальное измерения, кажутся бесценными как средство к пониманию человеческой природы, и как костяк для построения на нем герменевтического процесса чтения Таро.

Индивидууму свойственно рассматривать себя как центр собственного феноменального поля, включающего его собственную субъективную реальность, пусть ее переживание

и отличается неполнотой уже потому, что лишь часть ее способна восприниматься индивидуальным сознанием. Постоянных вопросов, через которые происходит попытка достигнуть контакта на уровне сознания, недостаточно для того, чтобы проникнуть к глубочайшим уровням души. Расклад Таро представляет собой то, что Роджерс называл внутренней точкой зрения индивидуальности, выходящей за границы сознания личности; вхождение в эту точку зрения проводится не через вопросы, но, буквально, через разделение феноменального поля, необходимого для понимания поведения того или иного человека. Герменевтика Таро позволяет достигнуть того, что Роджерс обозначил как «оптимальное развитие»; важно отметить, что оно включено в динамический процесс реализации полноты своего потенциала, а не в статическое состояние. Три качества консультанта — согласованность, безусловное положительное отношение и сочувствие — естественным образом задействуются в процессе чтения. Чтобы иметь возможность читать и интерпретировать символы на изображениях — применять метод герменевтики Таро на практике, а не просто рассуждать о его преимуществах в рамках одной только теории — следует сперва освободить собственный разум от груза пристрастных представлений, обратиться к своим внутренним комплексам в манере «раненного исследователя», как то было упомянуто в главе 1: быть может, попытаться обратиться свой разум, как учит философия Востока, в пустой сосуд, свободный от предубеждений и ожиданий.

Что могла бы дать Таро теория личности Джорджа Келли, с моделью личности как «ученого» в самом себе? Может показаться, что духовные и трансперсональные области Таро не могут быть сведены к понятию Келли о «личностных конструктах», которое он ввел в психологию. Однако, здесь Таро ценно тем, что и на этом уровне может быть интерпретировано, будучи соотнесено с четырьмя областями человеческого бытия: духовным, эмоциональным, ментальным и физическим. В рамках этой концепции Таро выступает как конструирующий элемент: весь физический мир по Келли воспринимается через создание внутренних, ментальных моделей. Эти модели или конструкты способны расти, развиваться и влиять на поведение и отдельные действия человека. Согласно Келли, мы сами создаем мир. Теория Келли

основывается на человеческих попытках предвидеть события внешнего мира, и выделяет это качество как основную характеристику человеческого существа. Однако, человеческое развитие остается динамическим процессом: этот внутренний мир моделей должен быть исследован подобно тому, как ученый исследует объекты внешнего мира с помощью научного метода.

Личностные конструкты в результате проверок подвергаются изменению так, чтобы позволить наиболее точное предсказание будущих событий. Постоянство человеческого желания к предвидению и контролю составляет ту идею, которая, согласно Келли, лежит в основе человеческой природы. И выходит, что Келли был прав!

Чего, как правило, хочет человек, обращающийся к читающему? К сожалению, лишь малая часть заинтересована в проникновении в область глубинного юнгианского анализа; даже несмотря на способность читающего задействовать истинную герменевтику Таро на практике! Большинство просто предпочтет быстрее перейти от «я хочу, чтобы нечто произошло» к «что для этого нужно сделать». Выходит, что постоянная тяга к воображаемому контролю, описанная Келли как основная черта человеческой природы, снова берет верх. Ментальное здоровье индивида, согласно Келли, зависит именно от этого желания и возможности предсказать события в окружающем нас мире.

Интерперсональная психология Гарри Стэк Салливана обогатила психотерапевтический дискурс понятием «значимого другого», рассмотрев индивидуум включенным в сложную сеть взаимоотношений. Признавая важность бессознательного измерения, он придавал большое значение динамике взаимодействий, в противовес внутренней динамике психики. Отмечая важность терапии, фокусирующейся на настоящем моменте, Салливан подчеркивал важность вербальной коммуникации, если дело не касалось двух особых областей: «исключительно личных» чувств, которые человек переживает, но не может выразить, и той области бессознательных процессов, предположительно проходящих в человеческом разуме, к которым прямого доступа не имеют ни сам человек, ни терапевт. Для нахождения путей к ним, согласно Салливану, потребуется работа более серьезная, нежели салонные фокусы (Sullivan, 1950).

Салливан признавал, что личность «другого» недоступна по сути своей, чему виной закрытый для анализа и коммуникации «плотный осадок», снижающий шансы на понимание любой личности, кроме своей собственной. И все же, расширение методов коммуникации через освоение иных модальностей, помимо слов, в том числе изобразительных средств герменевтики Таро, способных создать символический мост в архетипические глубин внутреннего мира «другого», помогает обратиться к «другому» не только на межличностном уровне, но и на интрапсихическом.

Таким образом, возникает возможность получить доступ к «бессознательному <...> которое не может быть пережито напрямую, [но] которое заполняет все пробелы психической жизни» (Sullivan, 1953, с. 204).

Расклад Таро, как будет показано в главах 7 и 8, позволяет существенно прояснить настоящую ситуацию; благоприятные и сдерживающие факторы, которые влияют на нее; скрытые и неоформленные проблемы; роль значимых других, служащих опорой (или наоборот). Изображения служат средством оценки того, насколько функциональна (или нефункциональна) система отношений, а также средством рассмотрения альтернативных поведенческих моделей через обращение к тревогам, предчувствиям, стремлениям, желаниям, надеждам, страхам и мотивациям. В главе 7 будет продемонстрировано, что каждая из позиций в раскладе имеет определенный смысл; что же касается интерпретации, она никогда не бывает предопределенной или однозначной, наоборот, она изменчива, и каждый элемент имеет различное смысловое наполнение для разных людей.

Среди пятидесяти шести малых арканов есть те, что несут в себе сообщения о незащищенности, депрессии, фрустрации, тревожности, смятении, раздражении, истощении, неспособности к противостоянию и дальнейшему движению, нерешительности и т. д.; герменевтика Таро выделяет эти проблемы и помещает их в фокус, приводя к их мгновенному выражению на довербальном уровне благодаря проекции на расклад (см. главу 7). Преобладание одной из мастей (наличие определенного числа карт мечей, жезлов, чаш или пентаклей) в раскладе может говорить об умственном и эмоциональном состоянии человека.

Какая эмоция доминирует? Насколько человек эмоционален в целом? Находится ли его разум на пике своих возможностей? Может ли человек совладать со своими чувствами? Каково его настроение? Что им движет? Что его беспокоит?

Даже если расклад не может ответить на все вопросы одновременно, он предоставляет важный материал для дальнейшей проработки. Это знание помогает читающему подстроиться под типаж того или иного человека, встать с ним на один уровень, установить контакт с помощью определенной юнгианской функции или поймать спроецированное на расклад общее настроение. Любая из теории личности является важным элементом, дополняющим понимание человеческой природы. Но каждая из них далека от статуса универсальной и всеобъемлющей, служа лишь инструментом, наиболее подходящим для конкретных, строго определенных задач, прежде всего потому, что все они были созданы для работы именно с этими задачами.

В контексте психологии образования, Берни Невилл постулирует персонификацию греческими богами юнгианских архетипов и утверждает, что Пантеон способен предоставить учителям многогранный язык для обсуждения широкого спектра различных философий, систем ценностей, доминирующих мотивов, энергий, эмоциональных состояний, шаблонов поведения и стилей преподавания. К примеру, архетипичная модель, представленная Зевсом — структура власти, желающая сохранить самое себя, действуя жестоко или милосердно, способная как защищать, так и наказывать. В колоде Таро такую роль часто выполняет Император.

Архетип Деметры в свою очередь представляет «материнский» аспект профессии учителя; и в этом прерогатива Императрицы. Гермес стремится изменить общепринятый порядок вещей, посеять сомнения и дать возможность изменениям. Как архетип Дурака, Гермес побуждает воспользоваться представленными возможностями, шагнуть в пропасть навстречу незнакомым переживаниям. Да, порой Гермес демонстрирует хитрость и влияние Трикстера в качестве антипода, противоположной роли, Мага.

По Невиллу, каждый из обитающих на Олимпе богов предоставляет свою правду, свой смысл человеческого существования,

и все они должны находиться в равновесии. Каждый архетип может быть рассмотрен как констелляция определенных черт личности, составляющих характер. Каждый греческий бог воплощает определенную теоретическую перспективу, что отражается в непрекращающихся дебатах о целях образования — бессмертные боги продолжают выдвигать извечные аргументы. В колоде Таро каждый из больших арканов служит особой архетипической характеристикой, способной породить ту или иную теорию личности. Что же до искусства Таро, то Сэржент говорит о нем как о «ящике инструментов, содержащем почти все, что могло бы пригодиться» (1988, с. 58).

Таро создает ту искомую синхроническую связь с живой действительностью «другого», тем самым заполняя пробелы, оставленные сознанием; те пробелы, в которых и обитает бессознательное. Вероника Гудчайлд, юнгианский психолог, говорит следующее: «сознательное эго вырывается из замкнутой иллюзии своего ограниченного восприятием мира, становящейся, согласно Юнгу, источником всех невротических переживаний» (2001, с. 78). Можно задаться вопросом о том, насколько позволительно вторгаться в чужой разум, в эту неизведанную территорию. Но, как и любая консультация, процесс чтения Таро является откликом на тайный крик о помощи, желание выразиться, преодолеть шесть степеней отчуждения, создающих пропасть вокруг страждущей души.

Никакого вторжения не происходит: тот, кто приходит за чтением уже выражает желание к осознания своего бессознательного материала, и сама эта, эротическая по своей природе, тяга к знанию уже толкает на поиски читающего.

Человек открывает врата к собственной душе, прокладывая эпистемический путь к внутреннему Гнозису самопознания, которого он так стремится достичь, воспринять, опознать и проработать.

Подобно тому, как Юнг описал психическую энергию, пребывающую в коллективном бессознательном, Салливан заключает, что «абсолютно реальна во вселенной лишь энергия» (1953, р. 102) и представляет жизнь в виде динамических схем энергетических трансформаций. Таро же служит воплощением трансформаций психической энергии, от одного аркана

к другому, подобно архетипичным формам поведения, мышления и чувствования. Энергии, являющейся общей для всех отдельных личностей, вне зависимости от теорий, пытающихся их описать:

Во всяком сердце и уме
Во всяком
В стихах и в жизни в равной мере
Есть Свет, Любовь и то Одно
Есть Свет, Любовь
Что вглубь, что ввысь
Есть Свет, Любовь и то Одно, всего Одно.
Есть Свет, Любовь
И снаружи, и внутри
Как давно заведено
Есть Свет, Любовь и то Одно, всего Одно.

Это строки из песнопений, по обыкновению исполняемых в конце иудейских медитаций, направленных на метафорическое возвращение в обитель духа. Лишь в единстве с Любовью/Эросом Психея способна возвратиться к своим корням, выходящим за границы личности. Именно это Уэкслер (Wexler, 1996) называл сущностью культуры нью-эйдж, существующей вне границ образования, социальных теорий и религии. Не массовые терапевтические программы, направленные на восстановление благосостояния, нет, восстановление на более глубоком уровне, возвращение души и ее воскрешение. Согласно Уэкслеру, язык души, священный язык, позволяет связать область трансцендентного с теми культурными практиками, в которые человек вовлечен в индивидуальной жизни.

«Культивация души в новую эпоху потребует учения о ее восхождении» (Wexler, 1996, с. 80); такое учение будет подкреплено символическим языком Таро в качестве практики ресимволизации самих себя и обретения способности к возвращению в царство духа. Для того, чтобы понимать этот язык, понадобится развитая интуиция; соответственно, для развития интуиции будет необходимым погрузиться в мир образов и символов, заключенных в Таро, которые помогут запустить работу воображения, проницательности и интуиции. Дело даже не в том, что «интуиция

помогает учиться, создавать, выражать себя и решать проблемы» (Noddings and Shore, 1984, с. 44), само использование Таро как образовательного инструмента уже усилит и улучшит интуитивную функцию.

Все теории личности, направленные на человеческое развитие, по определению должны будут оперировать одновременно понятием актуального и потенциального «себя», таким образом безусловно признавая важность трех аспектов времени: прошлого, настоящего и будущего. Как будет ясно из главы 7, типичный расклад Таро, например, Кельтский Крест, использованный в моем исследовании, включает в себя одновременно все три временных аспекта, причем не только в теории, но и, что особенно важно, на практике, тем самым еще раз демонстрируя парадоксальное сосуществование элементов прошлого, настоящего и будущего в динамике человеческого развития. Герменевтический метод подразумевает выработку новых подходов, учитывающих предельную важность отражения ориентированных в будущее методов познания. Коллективное бессознательное включает в себя возможное будущее, и изображения, расположенные в определенном порядке в рамках расклада аналогичны тем образам, которые проявляют себя во снах, выполняя символическую, трансцендентную функцию в «попытке описать определенную цель с помощью наличного материала, прочертить курс будущего психологического развития» (Jung, CW 6, с. 720); юнгианская трансцендентная функция уже по определению преодолевает (англ. *transcend* — переходить, выходить за пределы) разрыв между прошлым и будущим; оба они сосуществуют в настоящем, через герменевтику текущего момента.

В третьей главе уже рассматривалось герметическое мировоззрение как выходящее за границы бинарных противоположностей современного дискурса, жестких выборов в границах «или-или». Вместо этого оно принимает оба варианта в соотношении, выходящем за границы противоположностей, преследующих сознание еще со времен Декарта. Посредством изображений Таро, включающих в себя одновременно сознательный и бессознательный аспекты, едины становятся не только тело и душа, они также помогают объединить субъект и объект, прошлое и будущее. Субъективный опыт находит свое воплощение, субъект может

буквально заглянуть в себя, становясь объектом собственных мыслей, чувств, эмоций, привычек.

Элемент же «времени» стремится к вечности: в истории об Эросе и Психее, приведенной в 4 главе, раскрывается мифологическое сознание, позволяющее Психее объединиться с Эросом и причаститься божественному бессмертию: человеческая душа становится бессмертна, возлюблена богами и достигает, как называл это Юнг, заимствуя алхимическую терминологию, мистического единения — *coincidentia oppositorum* — Человеческого и божественного.

Наличный материал — последовательность изображений Таро — используется чтецом-бриколером, понимающим, что «способность к ведению и направлению, заключенная в бессознательном, подразумевает и перспективный <...> аспект. Прошлое в значительной мере определяет настоящее, но в большей степени действия в настоящем проводятся через представления о будущем» (Kaufmann по Corsini and Wedding, 1989, с. 120). Другими словами, «Таро демонстрирует не только то, кто и что мы есть, но и говорит кое-что о том, чем мы были и чем нам предстоит стать <...> В этом величайшая сила Таро, помогающая понять самих себя» (Sargent, 1988, с. 6).

Небольшое замечание к сказанному. Стоит помнить о том, что как и любой инструмент в человеческих руках, Таро может быть использовано различными способами, как конструктивно, так и деструктивно, в зависимости от того, кто и каким образом его использует. В этом, вероятно, и заключается причина того, что за Таро исторически закрепилась весьма сомнительная репутация, и многие зареклись доверять так называемым «гадателям», которые, по моему мнению, не только обратили «сакральное» в «профанное», но и пресекали множество реальных возможностей к действию для людей, узнавших с их помощью свою «судьбу».

Как будет показано в восьмой главе, функция герменевтики Таро — воспользуемся формулировкой Нэл Ноддингс, приведенной в контексте совершенствования образования — «открывать возможности, а не отсекаать их» (Noddings, 1993b, с. 13). С конца 1970-х, когда Бержин и Лэмберт (Bergin and Lambert, 1978) начали комплексное изучение доступных данных, касающихся психотерапии и их оценки, стало ясно, насколько грандиозной была

и остается эта задача. Здесь я соглашусь с Ричардом Робертсом (Roberts, 1987), утверждавшим, что успех или неудача любого метода зависит от уровня сознания его пользователя, нежели от самого метода. Устный отчет Робертса о сеансе чтения Таро для небезызвестного Джозефа Кэмпбелла является прекрасным примером эффективного использования Таро, во многом обязанного интеллекту обоих задействованных лиц.

Давайте посмотрим, какие характеристики могут быть приписаны малым арканам в колоде Таро. Итак, пятьдесят шесть карт, распределенных по четырем мастям — жезл, кубки, мечи и пентакли — по десять карт, от Туза до десятки, в каждой масти, а также по четыре так называемых карты двора (рис. 2).

Рис 2.

Символизм четырех мастей связан с четырьмя юнгианскими функциями: интуицией, выраженной в кубках, ощущение, связанное с пентаклями, мышление, подобное острым мечам и чувствование, отраженное в жезлах. Сорок пронумерованных карт, по десять на масть, демонстрируют типичные поведенческие модели, эмоциональные проблемы, навязчивые мысли, физические ощущения, логические заключения, интуитивные догадки, сильные переживания, уровни напряжения или поглощенность теми или иными идеями; вкратце, всю человеческую натуру в ее многоплановости. Герменевтика Таро в архетипическом путешествии через большие арканы дает возможность выразить множество повседневных забот, отраженных малыми арканами.

Согласно Юнгу, архетипичных образов существует столько же, сколько типичных ситуаций присутствует в нашей жизни. Пронумерованные карты каждой масти демонстрируют непрекращающуюся динамику; число комбинаций и перестановок, создаваемое различными архетипическими конstellациями, пусть и конечно, но все же невероятно велико и стремится к бесконечности.

Однако, в процессе развития уже заключен *телос* (τέλος, греч. завершение, цель); и если для Юнга он — «Самость [которая] есть цель нашей жизни» (CW 7, с. 404) как это было показано в путешествии через большие арканы, то в контексте теории личности Келли, способность наилучшим образом справиться с определенной проблемной ситуацией постепенно вырабатывается в движении от единицы (туз) до десятки каждой масти. Сознание расширяется, позволяя применять существующие конструкты к более широкому спектру ситуаций, и извлекать важные жизненные уроки даже из поражений, на что намекают многие изображения малых арканов.

Возрастающая нумерологическая последовательность от 1 (туз) до 10 воплощают в себе комплексные эмоции, идеи, состояния и чувства, заключенные в проблемных жизненных ситуациях. Изображения представляют общность смыслов, близких к тем, которые Нэл Ноддингс, к примеру, обнаруживает «в основании любого мучительного события [вроде] боли, требующей скорейшего облегчения, угрозы разлуки, вызывающей возрастающую потребность в близости, боязни собственно беспомощности, двигающей на привлечение новых сил» (Noddings, 1989, с. 129).

Герменевтика Таро как чтение и интерпретация массы символов ведет к открытию смыслов, заложенных на психоидном уровне коллективного бессознательного и творческому их проявлению, благодаря чему устанавливается «метафизический контекст и [возникает] процесс заботы человека о человеке на духовном уровне» (Noddings, 1989, с. 128, цитата по Jean Watson).

В подходе к диалогу, изложенном Мартином Бубером, подлинные взаимоотношения создаются благодаря «переживанию другой стороны» (Buber, 1971, с. 96). Бубер подчеркивает важность Эроса, который добавляет в отношения свою «вовлекающую силу» (1971, с. 97), само осознание другой стороны. Важно отметить, что Бубер также отмечает, что диалогические отношения могут продолжаться даже если при разделении себя и другого временем и пространством вследствие «продолжительного потенциального присутствия одного в другом в составе невыраженной связи» (1971, с. 97). Бубер акцентируется на реальности воображения, данного свыше, несмотря на ограничения, существующие для человека, «творения», по сравнению с творцом, Богом. Все же «каждый человек <...> может выразить себя в творящем Духе» (Buber, 1971, с. 103).

Это неосознанное присутствие проявляется, будучи задействовано в процессе интерпретации арканов Таро. В контексте герменевтики Таро, Бубер отмечает возможность наделения воображаемой реальности новой силой: она приводит к осознанию воображаемого, что становится возможным, если Воображаемый мир, описанный Корбенем, принимает форму наблюдаемой реальности.

Через «культивацию соотношения» (Noddings, 1991, с. 162) появляется возможность познать богатство мира, существующего «по ту сторону». Эта подлинная форма взаимоотношений возникает в процессе проявлений заботы в рамках конкретных сеансов чтения, действующих межличностные и интрапсихические методы умозаключения.

Ноддингс (Noddings, 1991) перечисляет ряд важных компонентов, характеризующих то, что она называет межличностным течением мысли. Они включают в себя настрой на заботу, внимательность, подвижность, усилия, приложенные к созданию взаимоотношений, поиск подходящего ответа, а также особым видом метапознания. Этот мета-уровень задействуется благодаря саморефлексии.

В процессе герменевтики Таро необходимы все эти характеристики, и сверх того, интуитивный интрапсихический элемент. Он проявляется, когда поле коллективного бессознательного изначально объединяет себя и другого, в то время как саморефлексия достигается с помощью символов, провоцирующих осознание ранее сокрытых смыслов собственных переживаний на глубочайшем эмоциональном уровне.

Истинный читающий не только повторяет, пусть опосредованно, прошлые, настоящие и будущие переживания другой стороны. Ему необходимо также испытать на себе эти переживания, пройти свою собственную школу жизни и испытать на себе всю глубину заключенных в аркане смыслов, пусть некоторые из них и подразумевают переживания крайне болезненные по своей природе. Например, образ Пятерки Кубков с печальной фигурой в черном плаще выражает чувство потери, скорби и траура. Три кубка перед ней очевидно пусты, сообщая о тщетности приложенных усилий. Однако стоит обернуться, и можно увидеть два наполненных кубка, представляющих новое знание, новую точку зрения, путь к обретению полноты.

Изображение Десятки Жезлов говорит о человеческой выносливости на пределе: герой прогибается под тяжким грузом, взваленным на его плечи. Девятка Жезлов изображает человека с перевязанной головой, который, несмотря на боль, причиняемую раной, готов до конца оберегать свое право и свою землю перед лицом постоянной угрозы. Тройка Мечей представляет собой один из наиболее драматических образов, страждущее, разбитое сердце, пронзенное тремя мечами. Оно говорит о разлуке, разладе, разводе и тому подобных переживаниях. Речь также может идти о хирургическом вмешательстве, часто об операции на сердце. В любом случае, это крайне тяжелый опыт. Образ Пятерки Пентаклей символизирует неудачу, бедность, духовную или материальную, а также слабое здоровье.

Повторюсь, как это и было сказано в четвертой главе, это лишь общие интерпретации изображений на картах Таро; в конкретном чтении смысловые нюансы определяются контекстом рассматриваемой ситуации, позицией карты в раскладе, а также влиянием других карт, задающих тон, общее «звучание», подобно нотам в аккорде.

Все пятьдесят шесть изображений малых арканов могут рассказать множество историй о счастье, горе, планах на будущее, нарушенных обещаниях, победах и поражениях, финансовых трудностях, приготовлениях к браку, влюбленностях или разрывах тяготящих отношений, новых начинаниях, переживании разрыва, тревоге. Список можно продолжать бесконечно, и жизненный опыт постоянно предоставляет новый контекст и материал, требующий оценки, привнесения новых смыслов, вынесения новых уроков из пережитого. Без сомнения, человеческое существование обусловлено массой биографических, культурных и исторических факторов, [однако] при рассмотрении их на более глубоком уровне [существуют] <...> универсальные модели переживаний, архетипичные формы, постоянно влияющие на элементы, составляющие человеческий опыт в его типичных конфигурациях, наделяющих коллективную <...> психологию ее динамической непрерывностью. Эти архетипы существовали в качестве базовых, априорных символических форм, меняя облик в каждый момент отдельной жизни в различных культурных эпохах, пронизывая любое переживание, осознание и мировоззрение (Tapas, 1991, с. 385).

Иными словами, все дело в способности учиться на собственном опыте и последовательно интегрировать его бессознательное содержание в сознание через символический процесс роста, заложенный в изображения Таро. С осознанием того, что каждый расклад способен объединить изображения в новые структуры, каждый раз отражающие неизвестные ранее обстоятельства и представляющие сложности новых проблемных ситуаций, процесс обучения на архетипических образах не прекращается в течение всей жизни.

Пост-формальная педагогика как процесс обучения на практическом опыте, получаемом на протяжении всего существования, в согласии с теориями личности, направляющими динамику развития во взрослой жизни, позволяет осознать процесс индивидуации как «становление», пережитое на собственном опыте, и, в особенности, «становление другим», что отражено в ключевом понятии философии Жюль Делеза (1925–1995), о которой пойдет речь в следующей главе.

Глава 6 ЖИЛЬ ДЕЛЕЗ

Учиться у бессознательного

Для философа Жюля Делеза рациональное картезианское сознание как единственная составляющая мышления представляется недостаточной уже потому, что все «непомысленное» в равной степени способно производить практические эффекты на уровне человеческого опыта. Делез считал «присутствие бессознательного в мышлении столь же глубинным, сколь и [присутствие] неизведанного в теле» (Deleuze, 1988a, p. 19, курсив Делеза). Эта характерная для него глубина имеет большое значение и тесно связывает режим производства человеческой субъективности, который Делез вместе с социальным психологом Феликсом Гваттари назвали «шизоанализом», с глубинной психологией Юнга. Керслейк (Kerlake, 2007) отметил, что выработанная Делезом концепция бессознательного ближе к юнгианской модели, нежели к фрейдистской. Юнгианский динамический процесс индивидуации с целью в Самости является целью анализа, подобно делезианскому концепту становления и, в особенности, становления-другим как процессу обучения на основании бессознательной составляющей опыта.

Юнгианское коллективное бессознательное по определению носит межличностный характер, что выводит его за рамки фрейдистской психоаналитической категории строго личного вытесненного содержания. В противовес концепциям бихевиористской психологии, согласно которым новорожденный индивид представляется чистой доской, *tabula rasa*, юнгианское бессознательное уже с самого начала населено архетипами.

Делез так же настаивал на том, что «никому не дана *tabula rasa*; мы лишь вклиниваемся между строк, вступаем в процессе» (Deleuze, 1988a, p. 123, курсив Делеза). Согласно Делезу, мир состоит не из субстанциальных «вещей», но из относительных

сущностей, множественностей, и производство субъективности безусловным образом включено в реляционную, экспериментальную и эмпирическую динамику.

Динамика становления, согласно которой любая из множественностей «коренным образом изменяется по мере расширения её взаимосвязей» (Deleuze and Guattari, 1987, p. 8), является отличительной чертой делезианской мысли: становление-животным, становление-женщиной, становление-миром, становление-ребенком, и всегда при этом, становление-другим. Это постоянное становление-другим и составляет процесс индивидуации, а «индивидуация по праву предшествует форме и материи, виду и органам, и любому другому элементу сложившегося индивида» (Deleuze, 1994, p. 38).

Делез постулирует виртуальное поле становления, реальное настолько же, насколько реально пространство наблюдаемых явлений, и объект опыта наличествует здесь только тогда, когда проявляется его тенденция к существованию в своей виртуальной, потенциальной форме. Пространство виртуального во многом схоже с юнгианским архетипом Тени, скрывающемся в коллективном бессознательном, но не ограничена им, пребывая не в плане выражения, но, по Делезу, в тенях, отбрасываемых словами. Это означает, что бессознательным идеям нужны средства выражения, отличные от слов и предложений; они способны принимать форму ясных образов и символов, доступных для считывания и интерпретации, дающих возможность извлечения смыслов из них самих и создания смысла для нашего собственного опыта. Согласно Делезу, «смысл, по существу, производится» (Deleuze, 1990a, p. 95).

Бессознательное, выходящее за границы личностного, определено им как Анти-Эдипово, то есть не сводимое к фрейдистскому господству означающего. Подобно юнгианскому коллективному бессознательному, оно всегда связано с общественным и коллективным контекстом и является «производящей машиной <...> одновременно социальной и желающей» (Deleuze, 1995, p. 144). В противовес исключительно теоретическому знанию, это желание или аффект, способные к обучению человеческой психики при помощи активного участия в каждом человеческом переживании, через процесс творческого формирования

субъекта. Процесс становления-другим уже встроен во множественность опытов и событий, как в истории об Эросе и Психее, которую мы привели во второй главе. Способность «воздействовать и подвергаться воздействию» (Deleuze and Guattari. 1987, р. XVI) является частью комплекса правил формирования динамического субъекта. Производство субъективности включает в себя столкновение с чистым аффектом, так же, как Психея входит в контакт с Эросом, после чего, ведомая Любовью, неизбежно вовлекается в Праксис.

Важно отметить, что теоретические построения Делеза неотделимы от практики. Сама по себе теория играет практическую, инструментальную роль — так же, как и изложенные в предыдущих главах теоретические основания нашей дальнейшей работы, среди которых особенно важна концепция «ящика с инструментами» из пятой главы применительно к Таро — и «должна ввести в беспокойство и смятение тех, кому предстоит использовать их [инструменты] для введения новых объектов и событий в горизонт мысли» (Murphy, 1998, р. 213).

Архетипы, понятые как нереализованные тенденции, могут реализовываться в ходе многократного разделения трансцендентного и «изначально сплошного поля»

(Deleuze, 1993, р. 10) по аналогии с тем, как это происходит с юнгианским полем коллективного бессознательного.

Мы помним о недифференцированной бездне свободы на изображении Дурака (глава 4), шагнув в которую, он начинает обучаться на основании своих опытов, то есть, приобретает способность различать их, оценивая и переоценивая единичные переживания на своем долгом пути к окончательной индивидуации в образе Мира, архетипической Самости.

Для обретения своей подлинной Самости человеку необходимо погрузиться в пространство переживаний и обрести способность «привносить в жизнь нечто новое, освободить ее из заточения, прочерчивать линии ускользания» (Deleuze, 1995, р. 141). Разумеется, не пойдя на риск, не прыгнув в пропасть — и тем самым прочертив линию ускользания — Дурак так и останется дураком, без всякой возможности достижения конечного аркана, Мира. Эти маршруты — линии становления — и ведут нас к Миру, ко Вселенной. Делез писал, что «каждому из нас

предстоит открыть свою мировую линию, но обнаруживаем мы ее не иначе, как ее вычерчивая» (1986, р. 195), проживая и обучаясь в процессе, достигая Гнозиса, как об этом сказано в третьей главе, через осознание бессознательного, пребывающего в виртуальном пространстве, «внешнем» Делеза. Так, Делез указывает, что «Внешнее — это <...> материя, оживляемая перистальтическими движениями, складками и изгибами, образующими внутреннее: это не нечто иное, отличное от внешнего, это как раз и есть внутреннее внешнего. <...> Внутреннее как работа внешнего <...> внутреннее, которое является всего лишь складкой внешнего» (Deleuze, 1988b, pp. 96–97).

Подобно юнгианской *объективной* психике, внешнее виртуальное пространство «само по себе обладает полной реальностью [и] существование [человека] производится исходя из [этой] реальности» (Deleuze, 1994, р. 211; скобки мои). Юнг отмечал, что Фрейд «не видел парадоксов и двойственной природы содержания бессознательного, и не осознавал, что все, проистекающее из подсознания имеет равно внешнюю и внутреннюю стороны» (Jung, 1963, р. 153) — что соответствует критике Делеза, который определял взаимоотношения внутреннего и внешнего как складку. Роль делезовского «внешнего», как было замечено теоретиком образования Элизабет Сен-Пьер (St. Pierre, 1997b), в том, чтобы «облекать человека идентичностью, ведь сам он не в состоянии управлять силами извне» (St. Pierre, 1997b, р. 367), теми архетипическими силами, которые в совокупности образуют поле коллективного бессознательного. Отношение между рациональным сознательным мышлением и «немыслимым», бессознательным пространством также подобно складке: не «вынося немыслимое за границы» (Deleuze, 1988b, р. 97), помещать его в складку «в самом сердце» мышления. Чтобы добраться до самой сути, до глубин бессознательного, необходимо применить на практике аффективный эротический метод, поскольку (повторюсь) именно Эрос приводит в движение Психею.

Этим методом и становится герменевтика Таро или, в терминологии Делеза, трансцендентный эмпиризм, действующий на основании того, что Делез назвал трансверсальной коммуникацией — способа обеспечения интуитивного доступа к виртуальной реальности архетипов, аналогичного юнгианской

трансцендентной функции, действующей через синхроническое единение противоположностей. Приставка «транс-» имеет особое значение: бессознательного измерение *трансцендируется* косвенным, трансверсалью, связью символического опосредования с помощью архетипических образов. Так устанавливается «связь, построенная на глубокой причастности [бессознательной] сущности и [сознательного] мышления» (Deleuze, 1994, p. 165), приводящая к объединению и слиянию противоположностей, мистическому *coincidentia oppositorum*, определяющего сами границы сознания.

Именно трансцендентная функция герменевтики Таро помогает установить это трансверсальное сообщение на практике, а не только в теории: трансверсия складки разрушает границу между «внутренним» и «внешним», остававшихся доселе разделенными шизофреническим по природе своей разрывом картезианского дуализма. И пусть Делеза чаще относят к радикальным материалистам, его философия глубоко связана с религией, духовностью и мистицизмом (Bryden, 2001). Так, специальный выпуск журнала *SubStance*, вышедший под заголовком «Политика духовного после Делеза» (Delpech-Ramey and Harris, 2010), выдвигал на первый план эзотерические мотивы в идеях Делеза близкие к неоплатоническому герметизму эпохи Ренессанса, шесть основных принципов которого уже были рассмотрены в третьей главе данной книги.

Анализируя кинематографические образы, Делез (Deleuze, 1989) определяет мистицизм как внезапную актуализацию потенциальных возможностей, по сути, пробуждение чувственного восприятия, например, слуха или зрения, и возвышения их в новую степень направленного в будущее восприятия *становления*. Однако, одним из важнейших моментов герметической философии Делеза является возможность ее применения к повседневным культурным практикам. Это распространяется и на герменевтику Таро как феномен популярной культуры.

Делез и Гваттари связывали мистическую сопричастность в реальности производства с поведением шизофреника, то есть человека, который считается больным в контексте модернистского медицинского дискурса, но, в то же время, благодаря своим интенсивным связям с бессознательным, живёт в активной

взаимосвязи с природой, не имея сознательного отражения этой ситуации. И здесь шизоанализ, такой, как бриколаж Таро, позволил бы ему интегрировать бессознательное в сознание; исцелить душу, позволить войти в *становление-другим*, а не прозябать на задворках общества и терзаться собственным «расщепленным Я в растворенном Cogito» (Deleuze, 1994, p. 194). Эти разрозненные кусочки в совокупности образуют то, что Юнг называл комплексами.

Происходящие из общего архетипического ядра, подобно актуальным переживаниям, комплексы действуют аналогично делезовским чистым аффектам: они автономны и «ведут себя как независимые сущности» (Jung, CW 8, p. 253) вне сознательных намерений картезианского субъекта. Юнг утверждает, что «в психике существует нечто, не производное от Я, но порождающее самое себя и живущее собственной жизнью... Есть что-то во мне, говорящее то, что мне неизвестно, и то, чего я и не намеревался сказать» (1963, p. 183), поскольку это «нечто в психике» действует на бессознательном уровне, за пределами сознательных намерений и волевого контроля.

Делез мог бы согласиться; он писал, что «над произвольностью бытия превалирует складка Бытия, Бытие как складка» (1988b, p. 110). И речь не о возможностях сознательного мышления, но множества этого «нечто в психике» как рамок бессознательного, на сознательном уровне создающих оригинальные связи между нашими реальными опытами. Поэтому, будучи динамическими архетипическими силами, они способны производить аффективные и эффективные изменения, тем самым оспаривая саму идентичность субъекта на пути индивидуации в соответствии с динамикой путешествия Дурака, описанного в четвертой главе.

В этом отношении, бессознательные ощущения определяются как подпороговые восприятия, микроощущения (Deleuze, 1993), и в качестве таковых, они становятся частью картографического микроанализа — или шизоанализа — формирования «бессознательного психического механизма, доносящего ощущаемое до сознания» (Deleuze, 1993, p.95). Картография по определению является способом графической коммуникации, передачи сообщений. В следующей главе будет продемонстрировано, что типичный

расклад Таро обладает картографической структурой, и позволяет осуществлять графическую коммуникацию (пусть даже и трансверсальную по существу), включает в свою структуру ризоморфную сеть нечетких отношений между Я и Другим.

С определенной уверенностью можно сказать, что поскольку бессознательное входит в состав пространства производства субъективности, «картография бессознательного могла бы стать обязательным дополнением к рациональному подходу <...> всех <...> областей знания и человеческой деятельности» (Guattari по Bosteels, 1998, p. 155). Такая картография коллективного бессознательного и представлена в раскладе Таро, и герменевтический метод его прочтения и интерпретации близок к делезовскому методу трансцендентного эмпиризма.

Метод собирания отдельных кусочков расщепленного Я по Делёзу, (то есть, интеграции бессознательного в сознание), по существу эмпиричен и включен в множество контекстов, ситуаций и событий человеческого опыта; однако, он в то же время и радикально трансцендентен, поскольку сами основания его эмпирических принципов выходят за рамки обычных способностей восприятия, что обязывает нас к выходу за эти границы посредством практических действий, к приобретению способности к восприятию того, что казалось невоспринимаемым, к несомненному становлению-другим. Делез стремится отыскать способ, буквально «показать неоощущаемое» (Deleuze, 1995, p. 45), то есть, пересечь разрыв между чувственным и интеллигибельным, материей и разумом.

Трансцендентный эмпиризм близок к понятию «двойника в удвоении» (Deleuze, 1988b, p. 98). «Удвоение» здесь подразумевает раскрытие, которое по необходимости предполагает существование дополнительного — «внешнего» — измерения, без которого само понятие складки бессмысленно. Это внешнее измерение становится внутренним, помещается внутрь складки; таким образом, дублирование как «интернализация внешнего [становится] удвоением другого [и] тем собой, что живет во мне как двойник другого: я не встречаю себя вовне, но нахожу другого внутри себя» (Deleuze, 1988b, p. 98). «Другой» тем самым всегда присутствует в бессознательном, сложный язык которого должен быть расшифрован для запуска процесса становления-другим.

Неощутимые аффекты могут быть проявлены — сделаны видимыми, воспринимаемыми, осязаемыми — а не просто «осмыслены» на уровне рационального ума. Восприятие чего-либо в сущности своей неощутимого — превращение невидимого в видимое — возможен через развертывание того, что Делез назвал планом имманенции. Вот как Делез и Гваттари определили план имманенции, который никоим образом не сводился ими исключительно к разуму:

«Именно потому, что план имманенции <...> не входит в мгновенное взаимодействие с понятиями, он подразумевает своеобразные опыты вслепую, и его построение включает методы в меньшей мере признанные, рациональные или разумные. Они лежат в области снов, патологических процессов, эзотерических опытов, опьянения и разного рода неумеренности. Мы движемся к горизонту, в плане имманенции, и возвращаемся с налитыми кровью глазами, но это глаза нашего разума» (Deleuze and Guattari, 1994, p. 41)

Построение плана «имманенции, являющейся по сути бессознательным» (Deleuze, 1988a, p. 29) подразумевает аффективное и эротическое пробуждение внутреннего зрения (Noddings and Shore, 1984), противопоставленного холодному, беспристрастному и неусыпному взору рационального Cogito. И это пробуждение является прерогативой «генезиса интуиции в уме» (Deleuze, 1991, p. 111), посредством которой возможно ощущение неощущаемого и осознание бессознательного.

Виртуальное и актуальное вложены друг в друга, и, когда опыт разворачивается перед нами, «мы движемся от складки к складке» — и это не так уж далеко от архетипического путешествия от одного аркана Таро к другому, от одной складки к другой. Вот что пишет Делез: «Я разглаживаю складки <...> проходящие сквозь все мои границы <...> двадцать две складки, что окружают меня, отделяя от глубин» (1993, p. 93). Ссылаясь на Анри Мишо, Делез пишет, что дети рождаются с двадцатью двумя складками, которые еще предстоит разгладить. Лишь тогда человеческая жизнь обретает полноту, завершенность и индивидуальность. Эти двадцать две складки, существующие внутри субъективности, соответствуют числу больших арканов Таро, описанных в четвертой главе в рамках архетипического

процесса индивидуации как становления другим. В каббале двадцать два пути Древа Жизни символизируют переход человека из одного состояния в другое и соответствует двадцати двум буквам иврита. Структура символического Древа Жизни, как и структура типичного расклада Таро, была бы названа Делезом ризоморфной, то есть «ближе к траве, нежели к дереву» (Deleuze, 1995, p. 149), т.к. рост ризомы, в противоположность росту дерева, не направлен вверх от корня, а распределяется по множеству путей, намечающих наши становления.

Ризома — метафора из области биологии, использованная Делезом и Гваттари для описания стиля мышления, несводимой к единому стабильному основанию, представленному *Cogito* как принципом достоверности теоретического знания. Будучи элементом Праксиса, ризоморфная сеть формирует *реляционную* динамику, включающую в себя множество трансверсальных линий, ведущих к образованию оригинальных смыслов имеющегося опыта. Однако, поскольку жизнь ризомы идёт под землей, ее рост кажется неосязаемым, невидимым для обычного чувственного восприятия. Но интуиция или озарение способны добраться «до глубинного, до «загадок», [благодаря чему] человек становится соизмерим с Богом» (Deleuze, 1990b, p.322).

Особая важность отношений, характерных для герметического мировоззрения подтверждается и Делезом: «А и Б. И — это и есть путь ко всем связям» (Deleuze, 1987, p. 57). Именно конъюнкция «и» делает возможным образование связей между противоположностями и соединением их в ризоморфную сеть, в которой всякое дуальное разделение, будь то дуализм интеллигибельного или сенсигельного, рационального мышления или пережитого опыта, мысли или чувства, материи или духа, человеческого или божественного преодолевается, делается «соразмерным». Арканы Таро, объединенные в ризоморфную структуру расклада, как это будет показано в главах 7 и 8, в буквальном смысле слова раскладываются на плане имманенции, картографируя психику и «приводя к „подъемам“ или периодам депрессии» (Deleuze, 1983, p. 70) на тонком, аффективном уровне.

Процесс становления невозможен без неявного присутствия аффекта, Эроса, ведущего за собой Психею. Для Делеза аффекты являются не столько субъективными переживаниями, сколько

«становлениями, переполняющими до краев всякого, переживающего их (и через это становящегося кем-то другим)» (Deleuze, 1995, p. 127). Делез и Гваттари писали, что «аффекты выходят за [границы индивидуального мира] <...> подобно лучу света, выхватывающего из тени скрытую вселенную» (1994, p. 66); Мы познаем (видим) эту сокрытую, невидимую вселенную в форме внутреннего, гностического знания, которое мы приобретаем посредством герменевтики Таро.

Герметические метафоры света и священных искр, использованные Делезом для прояснения роли эротического присутствия аффекта в процессе становления как будто бы акцентируют внимание на притяжении Психеи и Эроса, этой Любви, объединяющей человеческую психе с бессмертным Эросом. Делеза привлекала перспектива восхождения к «божественной части в нас самих [и установлению] духовных связей, в рамках которых мы пребываем <...> с Богом, как свет» (Deleuze, 1986, p. 54). И именно средствами герменевтики Таро «индивид [становится] способен к преодолению своих форм и синтаксических связей с миром» (Deleuze, 1994, p. 178).

Эта синтаксическая связь создаётся вербальным языком, описывающим объекты мира, но не включают в себя *Sens*, что по-французски одновременно означает смысл и направление, или сам *этос* экзистенциального открытия собственного бытия, о котором говорилось в предыдущих главах. Эта бедная синтаксическая связь превращается в осмысленные *синхронические* отношения, приводимые в движение не вербальным выражением исключительно сознательного мышления, а наглядным языком образов и символов Таро, вмещающих глубину бессознательного.

Становление-другим описывается как «крайняя близость в границах двух несхожих ощущений, или наоборот, захват двух удаленных ощущений единым отблеском света. Это пространство неразличимого <...> Того, что называют аффектом» (Deleuze and Guattari, 1994, p. 173). Делез стремится показать пока-что-не-ощутимое, создавая видимую «карту» невидимой «территории», создавая в нашем реальном опыте конъюнкцию «и» между тем, что принято считать бинарными противоположностями («не имеющими сходств») разума и материи, психе и физис. И раньше, и теперь священная «искра может загореться <...> и мы увидим

то, что лежало в тени между мирами, то, о существовании чего мы даже не подозревали» (Deleuze, 1995, p. 141).

Эти искры могут быть обнаружены в реальной жизни: расширяя концепции Делеза, действительно можно в буквальном смысле *увидеть* описанную интернализацию внешнего, возникшую в результате удвоения, не как абстрактное понятие ума, а как конкретный, зримый образ. Чтобы стать видимым, ему необходимо *повторное удвоение*; в каком-то смысле *трансцендирующий*, и при этом на первый взгляд примитивный, дикарский режим распределения изображений Таро в типичном раскладе выступает в качестве трансверсального связующего элемента между планом имманенции и полем коллективного бессознательного.

Во второй главе уже был упомянут Клод Леви-Стросс, который в своем труде «Первобытное мышление» впервые ввёл понятие «*бриколаж*»; в третьей главе также было упомянуто, что усмотрение невидимого является одним из принципов герметического мировоззрения. Развертывание плана имманенции и есть то, что делает возможным увидеть невидимое. Способ трансверсальной коммуникации, предлагаемый герменевтикой Таро, открывает познанию доступ к невидимой трансцендентной области, не важно «в уме человека или в уме бога <...> когда через погружение в глубины Природы или Бессознаельного достигается максимум имманенции» (Deleuze, 1987, p. 91).

Как подлинный бриколер, Гермес устанавливает трансверсальную связь между несоотносимыми иным образом сферами. Герменевтика Таро шутя «переворачивает бытие» (Deleuze, 1995, p. 44), толкая личность к собственной потенциальной Самости; по этой самой траектории «уходят вещи и движутся становления» (1995, p. 45). Но нельзя сознательно выйти пройти по линии ускользания или, иными словами, войти в становление; напротив, Делез утверждает, что «нечто проходит сквозь тебя» (Deleuze, 1995, p. 141) на едва уловимом, пока еще бессознательном уровне.

Становление-другим происходит через «множественность, разнородность [и] уничтожение идентичности» (Deleuze, 1995, p. 44), это необходимо для создания новой идентичности. Индивидуация подразумевает выход из-под власти старых привычек, к новым горизонтам. Но старые привычки отмирают с трудом,

и успех индивидуации зависит от «жесточайшей практики деперсонализации» (Deleuze, 1995, р. 6): символическая смерть старой личности и (пере)рождение новой. В четвертой главе были рассмотрены значения больших арканов, Смерти и Солнца, и между смертью и перерождением находились Умеренность, Дьявол, а за ним и Башня.

Символическая смерть — болезненный и длительный процесс; может казаться, что само время замерло (Умеренность), особенно, если мы не осознаем, что всё ещё находимся во власти старых привычек (Дьявол). Поэтому иногда просто необходим удар символической молнии, способной разрушить эту Башню из слоновой кости изжитых ценностей, в которой мы запираем самих себя. И только когда станут возможны символическое перерождение (Солнце) и воскрешение (Суд), мы можем стать тем, кем нам было предназначено стать с самого начала: подлинным Собой, пусть даже это и происходит лишь, как сказал бы Делёз, в разуме Бога (за пределами осознанного).

С точки зрения Делеза психологические кризисы, с которыми можно столкнуться в течение жизни являются значимыми событиями, поворотными моментами или критическими узлами, создаваемыми складками. В них отражается игра сил, без которых никакое изменение или преобразование невозможны. Расклад Таро включает в себе значимые события, и герменевтика Таро в высшей степени показательна в отношении того, что Делез и Гваттари назвали *трансформационной прагматикой*, описанной в главе 4 как процесс, в котором отдельное Эго преобразуется в индивидуальную Самость. В восьмой главе мы покажем, каким образом герменевтика Таро предоставляет реальную возможность для изменить наши привычки, склонности и системы ценностей.

Трансформационная прагматика Делеза и Гваттари возникает «среди разорванной цепи аффектов» (Deleuze and Guattari, 1987, р. 9), вложенной в жизненный опыт. Неуловимые аффекты и ощущения, населяющие бессознательное «наделены синтетическим характером во всей его полноте» (Deleuze, 2003, р. 33). И Юнг, и Делез считали традиционный фрейдистский психоанализ воспринимался редуccionистским, поскольку он был ориентирован исключительно на прошлое, где разворачивался эдиповый

конфликт. Делез говорит об «уровнях глубины» (Deleuze, 1991, р. 59) прошлого. Синтетический, а не строго аналитический характер, и глубинной психологии, и шизоанализа, направлен на творческое преумножение новых смыслов, тем самым вводя в процесс область будущего.

Юнг писал о направленности бессознательного в будущее, или, иными словами, о том, что Делез, вслед за Анри Бергсоном назвал воспоминанием о будущем, в совокупности с прошлым включенным в космическую «гигантскую память» (Deleuze, 2001, р. 12). В седьмой главе будет продемонстрировано, как эти три временных области, прошлое, настоящее и потенциальное грядущее, *становящееся* будущим, *сосуществуют* вместе в одном раскладе Таро.

С точки зрения Делёза, только в ходе эзотерических опытов, таких как сновидение, дежавю — и, разумеется, чтение Таро — возможно восприятие реальности виртуального прошлого, вложенного в огромную складку времени, способную раскрывать или наоборот, скрывать в себе виртуальное. Синтетический метод отражает ориентированную в будущее производительность аффекта или желания, которая — как Эрос и Гермес, обитает в Воображаемом мире, *Mundus Imaginalis* — способно выходить за грань «пространственных локаций и временных последовательностей» (Deleuze, 1994, р. 83). Так достигается расширенное восприятие времени и пространства, становящихся «свободными от человеческих координат» (Deleuze, 1986, р. 122), охватывающих пространство лишь в трех измерениях, а время воспринимающих хронологически и линейно.

Раскрытие бессознательного в процессе индивидуации представляет «жизнь как объект искусства» (Deleuze, 1995, р. 94), активно создаваемый человеком. То, что Делез называет мышлением, не имеет «исключительно теоретической природы. Оно связано с жизненными проблемами. Связано с самой жизнью» (Deleuze, 1995, р. 105). Эта истинная, бьющая через край, непобедимая, пусть и виртуальная, жизнь — суть чистая имманенция (Deleuze, 2001), сокрытая в трансцендентном поле коллективного бессознательного. Её нужно только *развернуть*, проявить, подобно свитку в руках Верховной Жрицы (гл. 4), скрывающему символы тайного, эзотерического, гностического знания.

Режим трансверсальной коммуникации действует косвенным образом, он опосредован архетипическими образами, и стремится «вынести нарезку бессознательного на свет, собрать разрозненные шепоты и сокрытые идиомы, из которых извлекается то, что я называю Собой (Moi)» (Deleuze and Guattari, 1987, p. 84); именно эта Самость как архетип целостного существования и является конечной целью как юнгианской индивидуации, так и делезовского становления-другим.

Разворачивание архетипической динамики не следует фрейдистской царской дороге в бессознательное, но движется среди «извилистых и неровных тропок» (Jung, CW 8, p. 210), в совокупности образующих то, что Делез называл *номадическим* пространством роста в процессе *номадического* образования (Semetsky 2006, 2008). Кочевник является подвижным, динамическим элементом; если обратиться к Делезу, то кочевники есть само «становление <...>, они изменяются и приходят вновь» (Deleuze, 1995, p. 153), способные заполнить всю ризоматическую структуру, подобно Дураку, становящегося Миром в процессе архетипического, номадического, путешествия.

Юнг, как и Делез, пользуется метафорой ризомы:

Человеческая жизнь есть весьма ненадежный эксперимент. <...> Взятая отдельно, она напоминала мне растение, живущее на собственной ризоме. Истинная жизнь невидима, сокрыта в этой ризоме. Та часть, что появляется над землей, живет лишь в течение одного лета. А после исчезает, подобно видению. <...> И все же меня не покидало ощущение, что есть что-то, сохраняющееся под землей среди этого извечного круговорота. Мы же видим лишь побеги, что вскоре увядают. Но ризома остается (Jung, 1963, p. 4).

В связи с этим важно заметить, что «виртуальное для становления актуальным должно создать подходящие условия для собственной актуализации» (Hardt, 1993, p. 18); и условием для актуализации виртуального на практике служит установление трансверсальной связи, конъюнкции «и». Из глав 7 и 8 станет ясно, как герменевтика Таро позволяет актуализовать виртуальное для того, чтобы наделить нас способностью осознавать деятельность бессознательных архетипов, осуществляющуюся через образы и символы.

Интеграция бессознательного в сознание вызывает «интенсификацию жизни» (Deleuze and Guattari, 1994, p. 74). Интерпретируя образы Таро, мы погружаемся в аффективное «экспериментирование над собой, [что есть] единственная идентичность, один шанс для всех комбинаций, переполняющих нас» (Deleuze, 1987, p. 11); это многочисленные комбинации потенциалов отражены в образах больших и малых арканов. Происходит «наполнение имманенцией» (Deleuze, 1997, p. 137), а с ним приходит и наполненность *Sens* — смыслом и направлением — который обнаруживается, когда мы учимся у того бессознательного пространства, которое заключено в наши опыты.

Прояснение имплицитных смыслов многоуровневой ризоморфной сети расклада позволяет вывести общий смысл из разрозненных кусочков и фрагментов, сбивающих с толку мелочей, то есть учиться на своем опыте, осознавать бессознательное. Для Делеза обучение «бесконечно и разнопланово» (Deleuze, 1994, p. 192) это творческий процесс наделения опыта смыслами и ценностью. Индивидуация не может осуществляться без средств к выражению и одновременно преобразования себя, и Делез и Гваттари (Deleuze and Guattari, 1987) воспринимали процесс метаморфоз, опираясь на юнгианскую теорию трансформации либидо как духовно, психической энергии, не сводимой к ограниченному фрейдистскому определению либидо как сексуального импульса.

Делез считал трансформацию или сущностное изменение необходимым условием для становления-другим, ведь именно интерпретация и переоценка опытов, с помощью которых «вновь открываются отдельные обучающие процессы» (Deleuze, 1994, p. 25), позволяющие нам осуществлять творческие и плодотворные предприятия. Мы обретаем способность привносить нечто новое в жизнь, обогащать ее Эросом; и только так жизнь «заново осваивает присущую ей силу творения» (Deleuze & Guattari, 1994, p. 140). Новое возникает, или, иными словами *входит в становление* на линиях ускользания. Эта оригинальная составляющая опыта появляется тогда, когда некоторые потенциалы в форме «еще не локализуемых связей» (Deleuze, 1994, p. 83) встречаются между линиями ризоматических становлений. Творческий, преобразующий и оценочный элементы, заложенные в процесс обучения, обогащают редуционный подход

к образованию с точки зрения трех R^4 (противопоставленный в третьей главе подходу Марка Патрика Гедермана) этическим, или ценностным, измерением.

Опыт наделяется смыслом, то есть, он может обретать ценность в ходе нашего символического путешествия по образам Таро, каждый из которых является «внезапно встреченным объектом <...> тем здесь-и-сейчас, из которого бесконечно выходят все новые и новые «здесь» и «сейчас» (Deleuze, 1994, сс. XX–XXI), вплетающиеся во вновь обретенный опыт и отражающиеся в новых архетипических конstellациях. Проблемная ситуация, представляется в том или ином раскладе в качестве, как об этом уже упоминалось, *выражения бессознательной потребности обучаться у этих невыразимых опытов*. Такое неортодоксальное обучение дает начало «генезису изнутри, а не формированию извне» (Deleuze, 1994, р. 154), свойственному и формальному образованию, основанному на прямых инструкциях. Этот генезис начинается с бессознательного, символического вместилища архетипических образов.

Подобное образование обладает в полном смысле этической природой, поскольку «испытывает на прочность самые глубокие убеждения и подход к жизни» (Noddings, 2006, р. 1), застарелые, изжившие себя привычки ума. Действительно, старые привычки могут и должны подвергнуться трансформации: новый способ существования, открытый герменевтикой Таро, можно охарактеризовать как «новые привычки и новые аффекты» (Deleuze, 1995, р. 164), т.е. новые способы мышления, переживания, восприятия и действия, составляющие автономную Самость. Человеческая жизнь не однородна, в ней встречаются проблемы и препятствия, подобные тем, что Праксис посылает Психее; наш опыт наделяется смыслом и ценностью в зависимости от того, как мы подходим к той или иной жизненной проблеме или решаем моральную дилемму.

Пост-формальное образование, которое включено в саму жизнь, может раскрыть свое внутреннее этическое, или, как назвал бы его Делез, «клиническое» измерение. «Критическая

⁴ reading, writing, arithmetic

и клиническая» (Deleuze, 1997) философия Делеза показывает, что ценности и смыслы ориентированы на будущее, готовы к становлению, ожидают сотворения самим человеком в ходе обучения на основании собственного опыта, глубинного переживания коллективного бессознательного. Неслучайно Таро как путь к Гнозису совмещает в себе и педагогический, и психотерапевтический элементы. Наши идеи часто обладают сложной формой со множеством складок «в душе, которые не так просто разглядеть и раскрыть» (Deleuze, 1993, р. 49) с помощью одних лишь когнитивных инструментов, пока сам опыт не наполнится аффективными, почти сверхъестественными факторами, приводящими к его разворачиванию, потому что это глубокое внутреннее, гностическое, «знание известно только в сложном состоянии» (Deleuze, 1993, р. 49).

Вновь и вновь проявляется символизм Верховной Жрицы! Мир опытов сам по себе имеет складчатую структуру: только таким образом, «когда вся сумма переживаний не достигает человека одновременно, оно может быть прожито... Здесь нет субъекта, но есть производство субъективности: она возникает только когда приходит нужный момент, собственно, поэтому и можно говорить об отсутствии субъекта. А момент приходит, когда собраны необходимые знания и силы; это приводит к постановке нового вопроса, который не мог быть сформулирован ранее. Субъективация является прежде всего творческой деятельностью» (Deleuze, 1995, pp. 112–114).

Такое творческое производство субъективности — функция времени, не произвольная, преднамеренная, но зависящая от обучения, осуществляющегося в ходе разворачивания опытов, в которых и возможна «постановка нового вопроса» именно благодаря тому, что эволюция, рост сознания, выдвигает на первый план тот или иной вопрос — проблемную ситуацию из жизни — которая «не могла быть сформулирована ранее».

Архетипические модели Юнга, отвечающие за бессознательную деятельность, тем не менее, склоняют нас к обучению, поскольку их «структура является частью самих объектов, [что] позволяет объективности в ее своеобразии быть задействованной в процессе обучения» (Deleuze, 1994, р. 64; курсив Делеза). Когда мы учимся у своей жизни, когда начинается это

пост-формальное образование, личность направляется к территориям будущего, возникающим из той виртуальности, в которой проходит наша жизнь. Актуализация виртуальных потенциалов «всегда есть подлинное творчество» (Deleuze, 1994, p. 212).

Человек учится не потому, что ему указано поступать таким образом, но потому, что он всегда соприкасается с объективным миром, воплощен в нем таким образом, что обучение становится равнозначным творчеству, сотворению новых смыслов наших опытов. Делез утверждает, что «никто и ничему не учится у тех, кто говорит: «Делай, как я» (Deleuze, 1994, p. 23); напротив, обучение представляет собой разворачивание складок опыта в бессознательном, представленных тем или иным арканом и сотворении Себя как целостной личности в ходе «творческой деятельности» по производству субъективности.

Процесс раскрытия своей истинной сущности есть процесс наделения смыслами, функция и обучения, и самой жизни. Следовательно, бессознательное непременно, как сказал бы Делез, *мрачно*, особенно, когда оно *проецируется* в образах Дьявола, Луны или Башни — это необходимое условие обучения, индивидуации, становления-другим. В следующей главе Таро будет рассмотрено именно в свете проективной психологии.

Глава 7

ТАРО И ПРОЕКТИВНАЯ ГИПОТЕЗА

Для Делеза все имеет «свою картографию <...> То, что мы называем „картой“ <...> есть совокупность различных линий, функционирующих одновременно (так линии руки образуют карту)» (Deleuze, 1995, р. 33). Если же, согласно Делезу, линии руки образуют карту, то ее образует и бриколаж Таро в ризоматической структуре, прослеживаемой в конкретном раскладе, например, в Кельтском кресте (рис. 3), который я использовала в ходе исследования при чтении для каждого из его участников.

По определению «проективная гипотеза подразумевает, что индивид сообщает структуру неструктурированным стимулам в манере, согласующейся с его собственной уникальной моделью сознательных и бессознательных потребностей, страхов, желаний, импульсов, конфликтов, способов восприятия и реагирования» (Cohen et al, 1992, р. 441). Поэтому проективная техника, которая экстернализует внутреннюю реальность человека на какой-либо материальный носитель, служит средством организации уникального опыта этого человека, неотделимого от его жизненного мира. Предпосылки проективной гипотезы базируются на динамическом подходе к человеческому развитию, что противоречит бихевиоризму (Abt & Bellak, 1959) и учитывает также реляционные аспекты в контексте самой человеческой личности. Личность, изучаемая через проективные процедуры, представляется как динамический процесс, захватывающий аспекты прошлого, настоящего и будущего в контексте отдельных взаимодействий и отношений, а также потребностей и мотиваций.

Проекция способна проявиться именно благодаря синхронической или трансверсальной связи, которую мы рассмотрели ранее. Юнгианское понятие о проекции является частным

случаем реляционной динамики, в которой архетип Тени активизируется и действует как бы за кулисами, косвенно воздействуя на разум человека и побуждая его к действиям невротического или компульсивного характера. Тень способна полностью завладеть психикой и, что важно, часто проецируется на окружающих, чьи нежелательные качества он, находясь в состоянии отрицания, не способен выделить в себе самом.

В рамках проективной гипотезы возможно увидеть незримую, неосязаемую, виртуальную реальность архетипов актуализованной и проявленной в проекции на вполне материальный и осязаемый носитель в виде изображений, в которых заложено глубокое символическое смысловое содержание. С этой точки зрения Таро становится сродни технике песочницы, названной «чудесной терапией» (Русе-Менуин, 1992). Как и песочница, Таро использует невербальные образы в качестве «психологических направляющих» (Русе-Менуин, 1992, р. 2). Проецируя жизненный мир человека на изображения, символизм Таро вмещает в себя мысли, эмоции, чувства, уровень осознанности и социальной адаптации, систему ценностей, способность к переживанию, отношения с значимыми другими и, помимо того, целый мир подавленного, готового вырваться и позволить изучить себя в течение сеанса.

Поэтому Таро можно рассматривать как дополнительный источник ценного клинического материала, и в этом качестве оно выступает не хуже, и даже превосходит тест Роршаха, если рассматривать его не только как «открытую и подвижную арену для изучения межличностных взаимоотношений» (Cohen et al, 1992, р. 449), но добавить к этому дополнительное, интерпсихическое измерение. С точки зрения проективных методов, Таро имеет и еще один слой; оно позволяет изучить не только то, что и как видит индивид (например, чернильное пятно), но и почему он это видит.

Когда по ряду причин восприятие ситуации целиком составляет проблему, и сложно уместить в единую картину на первый взгляд несвязные и бессмысленные фрагменты, расклад, символически представляющий сложным образом переплетенные аспекты жизни индивида, понимание которых дополнительно усложняется уникальным образом их восприятия индивидуальной

психикой, способен «соединить точки» и дать возможность увидеть, каким образом связаны все представленные элементы. Юнгианская трансцендентная функция, доносящая бессознательное до сознания, оперирует посредством проекции архетипических образов на изображения, и задача у читающего здесь такая ж, как и у аналитика, а именно «согласно Юнгу <...> послужить связующим звеном между пациентом и символической функцией <...> Когда архетип как таковой погружен в коллективное бессознательное столь глубоко, находится на самом его дне, он не может быть воспринят самостоятельно. Его познание возможно лишь через образы <...> как это происходит в песочнице» (Русе-Menuhin, 1992, pp. 20–22) и в раскладах Таро.

В ходе архетипического путешествия множество жизненных ситуаций и связанных с ними переживаний экстернализуются и предоставляют возможность буквально взглянуть на них со стороны делезовского «Внешнего», которое «более отдалено, чем весь внешний мир, [и] «скручено», «сложено» и «удвоено» Внутреннее, которое глубже любой внутреннего мира, и само создает возможность вывести соотношение между внутренним и внешним» (Deleuze, 1988b, p. 110).

Десять позиций, составляющих Кельтский крест, несут определенные коннотации и привносят важный контекст в каждую констелляцию архетипов при ее прочтении и интерпретации. Именно герменевтика Таро неотделима от проективной гипотезы. Различные позиции затрагивают и внешние ситуации, и внутренние ментальные и эмоциональные состояния, тем самым предоставляя богатый контекст, внутри которого каждый отдельный образ «читается» и интерпретируется. Но, тогда как каждая из позиций в раскладе обозначает часть внешнего и внутреннего миров, пережитую субъектом, они, однако, могут быть прочитаны лишь в целостности всего расклада и только в контексте текущей, существующей в настоящий момент проблемной ситуации. Мысли, эмоции, надежды, страхи, межличностные отношения, внутренние психические конфликты, влияние окружения, желания, мечты — или, короче, вся феноменология жизненного мира личности, о которой она, однако, может оставаться неосведомленной на сознательном уровне — проецируется в расклад, символическую репрезентацию означенного

жизненного мира. Как выразился Делез, мы «неотделимы от мира: внутреннее есть лишь отобранное внешнее, внешнее — спроецированное внутреннее» (1988а, р. 125).

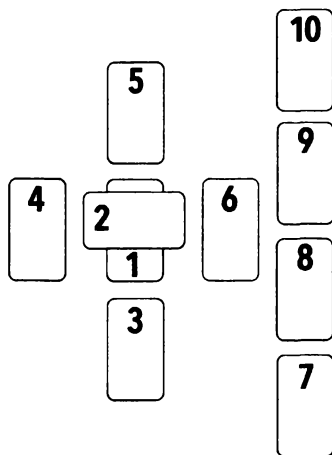

Рис. 3. Расклад «Кельтский крест»

Позиции на рис.3 формируют сеть взаимоотношений. Карта или картография, как было сказано в предыдущей главе, работает как канал визуальной коммуникации, способный передавать сообщения, которые можно вкратце охарактеризовать следующим образом:

1. Карта в первой позиции — «существующая проблема», ядро проблемы, признаваемой или отрицаемой субъектом в ходе чтения. В этом исследовании проблемы субъектов в основном затрагивают личную или профессиональную сферу. Вопросник (см. Приложение) предлагает также вариант «проблема отсутствует», поэтому участник может выбрать его, не давая никакой информации относительно того, что его беспокоит и не обозначая ту сферу своей жизни, на которой он хотел бы сосредоточиться. Символическое содержание конкретного изображения в контексте существующей проблемы позволит опытному

- читающему дополнить или подтвердить информацию, представленную субъектом.
2. Карта во второй позиции показывает влияние существенного фактора, выраженного импульсом, чувством, чертой характера, моделью поведения (не обязательно относящейся к самому человеку) или событием, усугубившим или облегчившим беспокоящую субъекта проблему. Под влиянием этого фактора ситуация может как развиваться и идти к разрешению, так и наоборот, прогресс и развитие могут быть осложнены.
 3. Карта в третьей позиции проецирует важные бессознательные мотивации, оказывающие влияние на существующую ситуацию на момент составления расклада. Возможно, человек пытается разрешить свою проблему на бессознательном уровне; или ее корни так глубоко погружены в бессознательное, что она находит отклик во снах, а может быть имеет место неизвестная переменная, делающая понятную до того ситуацию действительно сложной и запутанной.
 4. Четвертая позиция отражает то, что в гештальт-психологии называется «незаконченным делом», которое и могло стать причиной возникновения существующей проблемы. В отношении времени, это позиция пошлого: уже произошедшее событие, последствия которого проявляются в настоящем. В зависимости от количества изображений в этой позиции и их символического содержания, передаваемая ими информация может быть весьма важной. Феноменологически это указание на сущность тех событий прошлого, которые повлияли на возникновение существующей проблемы.
 5. Карта в пятой позиции намечает будущее развитие: как разовьется ситуация под влиянием сознательных мотиваций личности. Действия или мысли, осуществляемые в определенном ключе, привели к проекции ментального содержания в будущее. Эта позиция отражает потенциальное будущее, которое может как иметь место, так и не наступить вовсе. На этом этапе

читающий может предположить наиболее благоприятный для субъекта образ мыслей и действий (сообщаемый картой в данной позиции). Полезен он или вреден для благополучия субъекта? Какие последствия он может иметь для эмоционального и ментального здоровья?

6. Карта в шестой позиции показывает неизбежное развитие наличной ситуации. Здесь важно рассмотреть ситуацию с трансперсональной точки зрения и помнить о том, что трансперсональная психология признает духовную реальность, лежащую вне границ материального мира. Как утверждали Делез и Гваттари, «От виртуальностей мы нисходим к актуальным состояниям вещей, от состояний вещей мы восходим к виртуальностям, но ни те, ни другие невозможно изолировать» (1994, р. 160). Это сближение виртуального и актуального и можно назвать событием — состоянием вещей — отраженным в символическом содержании изображения (или изображений) в этой позиции и ждущим нас в ближайшем будущем.
7. Карта в седьмой позиции характеризует сознательный, ментальный подход человека к проблеме. Что занимает его мысли, доходя порой до фиксации? Символическое содержание, открываемое конкретным изображением (или изображениями) в этой позиции может говорить о связи (или отсутствии таковой) между мыслями и аффектами в нынешнем состоянии субъекта.
8. Карта в восьмой позиции указывает на нынешнее окружение человека или конкретных людей в нем, например, значимых других, членов семьи, друзей, коллег и т.п. Как они настроены по отношению к человеку? В каких условиях ему приходится бороться с проблемой? На каком уровне находятся его межличностные связи? Какова роль «другого» в его жизни? Карта в этой позиции может также указывать на наличие, либо отсутствие поддержки.
9. Карта в девятой позиции проецирует ожидания, стремления, надежды и идеалы человека, прямо

или косвенно связанные с существующей проблемой. Часто человеческие надежды связаны со страхом и тревогой. Связаны ли эти чувства с работой коллективного бессознательного? Связано ли все это с реальным положением дел?

10. Карта в десятой, последней позиции, показывает возможное развитие ситуации в целом, которое напрямую зависит от степени осведомленности самого субъекта. Однако, в рамках герменевтики Таро, вовлечение человека в диалог и задействование всего спектра его ассоциаций, порождаемых символическим содержанием изображений, как будет видно из главы 8, способствует росту осознанности и углублению его осведомленности. Эта «итоговая» карта должна читаться с учетом других карт расклада и ни в коей мере не должна восприниматься как нечто неизбежное. Это было бы, как отмечает Робертс (Roberts, 1987) «серьезнейшей ошибкой толкования <...> в высшей степени губительной в духовном плане для всякого, кто ее воспримет» (р. 4). Вместо этого данная позиция содержит информацию, дополнительно обогащенную динамикой, раскрытой в процессе всего предшествующего чтения и успешными возникнуть в ходе сеанса отношениями заботы.

Это может привести к переменам, к трансформации и, возможно, к перемене отношения к ситуации в следствие того, что человек становится осведомлен о глубинном смысле собственного опыта как конечного результата всех спроецированных раскладом сообщений. Символическое содержание изображения в этой позиции, рассматриваемого в контексте всех прочих, является терапевтическим материалом для личностной трансформации и «перемен, [для] сознательной эволюции [и] духовного роста, открываемых внутри себя» (Roberts, 1987, р. 4).

Действуя как проекция, ризоматический узор, создаваемый изображениями, выступает в качестве времени и пространства, представленных в масштабе и доступных к наблюдению. Именно благодаря проекции виртуальное пространство коллективного

бессознательного спатIALIZED и становится видимым. Структура расклада тоже в полной мере является проекцией, в смысле, вкладываемом в это понятие проективной геометрией, или статичным снимком динамического процесса, в котором происходит разворачивание архетипической динамики. Более того, структура Кельтского креста, идущая от первой к десятой позиции, не так прямолинейна, как это может показаться. Она отражает жизненные ситуации, но лишь с позиции тенденций и возможностей, поскольку свободная воля изменчива и не может быть вписана в расклад. Однако общее «настроение», передаваемое архетипами, составляющими поле коллективного бессознательного, «облекает» (как мы выразились ранее, цитируя Делеза) актуальную реальность человека даже оставаясь вне его сознательной осведомленности; и этот аффект улавливается Таро с поразительной точностью.

Это и наделяет Таро его целительными и образовательными качествами, а вовсе не сомнительное «гадание» как попытка предсказать грядущие события. Если в раскладе прослеживается чувство тревоги, то это и является выражением предупреждающей функции герменевтики Таро. Часто психологические проблемы начинаются с обилия стрессовых факторов и способности различить сигналы предупреждения; в такой ситуации герменевтика Таро крайне важна для оценки альтернативных вариантов. Чтение ни в коей мере не выступает в качестве самосбывающегося пророчества, побуждая человека поступать определенным образом, подсказанным синхроническим предвидением.

На деле люди склонны придерживаться принятого ранее курса действий, если сознательные привычки продолжают функционировать. Герменевтика Таро продвигает человека к пробуждению собственной осведомленности, создавая мотивацию к изменению привычного образа мысли и действий.

Это пробуждение, сродни инсайту, позволяет человеку взглянуть на вещи в новой, исполненной смысла перспективе, исследовать и рассмотреть новые возможности в своей собственной жизни. Безусловно, интуиция, «ориентированная интеллектуально, по своему характеру направлена к пониманию и осознанию» (Noddings and Shore, 1984. p. 80). Проецируя свое бессознательное на расклад человек обретает новые средства

выразить себя, открыть нечто, что до того бессознательно не мог — или сознательно не желал — облечь в слова. Оба аспекта предоставляют богатый терапевтический материал, поскольку, используя формулировку человека, создавшему само понятие «проективной методики», «самое важное о человеке — это то, что он не может или не желает сказать» (Frank, 1939. p. 395).

Расклад Таро — область с подвижными границами, определяемыми такими «приземленными» вещами, как размер стола, на котором выкладываются изображения. Подобно ограниченному пространству песочницы, расклад Таро становится вместилищем, одновременно в физическом и метафизическом смысле. Бессознательный материал, не будучи вымещен, может ударить по человеку, подобно бумерангу, а сам процесс фокусировки взгляда, внимания и мыслей на раскладе оказывает успокаивающее, заземляющее воздействие. Также ценно и то облегчение, которое испытывает человек, когда содержание, которым он был поглощен, буквально «выходит из головы» и оказывается, с помощью проекции, разложенным на столе перед ним.

Граничные условия иного рода создаются читающим, когда тот вмещает в себя свободные ассоциации, возникающие в процессе чтения, как это продемонстрировано в главе 8. Для человека с высоким уровнем тревожности гораздо легче построить коммуникацию, опосредованную раскладом, физическим «мостом, трансверсалью» (Guattari, 1995. p. 23) между ним самим и читающим. Однако, определенное сопротивление на вербальном уровне сохраняется, как и в любом классическом сеансе, но здесь оно может помочь оценке характера, как в случае Родни, описанном в восьмой главе, где наблюдалась тенденция к его ослаблению благодаря тому, что бриколаж изображений Таро вызвал у участника спонтанные ассоциации, приведшие к в равной степени спонтанным реакциям на них.

В данной ситуации отсутствуют постоянные вопросы, которые могут восприниматься человеком как угроза, и лишь повысить уровень тревожности и, соответственно, сопротивления. Как отметил Робертс (Roberts, 1987) «Сопротивление никогда не приносит обильных плодов» (p. 5). На невербальном же уровне сопротивление практически преодолено. В противовес таким проективным методикам, как, например, тематический

апперцептивный тест, всякое «преднамеренное желание выдать хорошие или плохие результаты» (Cohen et al, 1992, p. 462) попросту не имеет места: намеренный значит осознанный, а субъект не выбирает карты по их рисунку, он просто перемешивает колоду, карты из которой затем раскладывает уже читающий, следуя схеме на рис. 3.

Говоря о сопротивлении, стоит упомянуть о терапевтической технике, называемой «рассказыванием историй», где консультант берет на себя роль создателя историй, рассказчика, создающего историю из отдельных «ниточек», стремясь объединить разрозненные элементы, присутствующие в жизни клиента, а также обогащающего и развивающего историю с помощью мифов, создавая условия для изменений в ходе терапии. Рассказывание историй выступает в качестве терапевтического вмешательства. Подобным образом и герменевтика Таро создает историю человеческой жизни; и поскольку эта история основана на проекциях, с помощью которых психика воспринимает физические действия через юнгианскую синхроническую связь, историю здесь рассказывает уже сам человек. Читающий, однако, по-прежнему сплетает «нити» воедино, переводя пиктографический язык в вербальные конструкции и сообщая их человеку свою собственную версию истории, не забывая о том, что «психику — оголенную — должно сперва просто наблюдать, никогда окончательно не интерпретируя» (Русе-Менуэhin, 1992, p. 15). Человеческая психика может быть хрупкой, а это — незрелым, но это его собственность, его территория, и к этому следует относиться с уважением. Расклад Таро — это карта, а как гласит знаменитое изречение Грегори Бейтсона: «Карта не есть территория» (Bateson, 1979, p. 30).

В восьмой главе мы увидим, как отдельные расклады дают инсайт относительно текущей ситуации, ее благоприятных и сдерживающих факторов, способных оказать соответствующее влияние, относительно скрытых проблем и неоднозначных тем, значимых других в жизни человека, формирующих (или не формирующих) систему поддержки, как они помогают оценить, насколько функциональна (или дисфункциональна) система, принимая во внимание включенные в нее модели поведения, обращаясь к тревогам, ожиданиям, стремлениям, мечтам и мотивациям личности.

Именно позиции карт, включенные в реляционную структуру расклада, создают корреляции, дающие возможность смыслам возникнуть в процессе герменевтики. Что касается интерпретации, значения создаются динамически, при практическом применении метода герменевтики как такового. Все три «переменных», то есть человек, нуждающийся в чтении, читающий и сами символические изображения, включены в реляционную сеть «производства желания», если прибегнуть к терминологии Делеза и Гваттари. В этом отношении «ситуационная переменная», представленная читающим имеет определяющее значение, и это накладывает на самого читающего значительную ответственность и требует включения в процесс, восприимчивости и развитой интуиции. Символические сигналы, содержащиеся, например, в аркане Справедливость, должны быть обработаны самим читающим, во всей полноте осознающим важность своих функций в процессе герменевтики Таро.

Юнгианский психолог Джун Сингер (Singer, 1985) указывает, что аналитик должен быть не только отзывчив и мудр, но также испытан и закален. Лишь истинный читающий, чья психея в его собственном путешествии сквозь суровые жизненные испытания воссоединилась с Эросом, сможет помочь тем, кто нуждается в совете Таро, ведь никто не сможет пройти дальше, чем зашел он сам. Много лет назад, когда я встретила со своим читающим из Австралии, он был погружен в свое собственное архетипическое путешествие; всегда оставаясь вольным этнографом, кочевником, как сказал бы Делез. Он жил среди индейских племен Америки, с друидами в Европе, с хасидскими общинами Израиля, буддистскими монахами; в общем, среди духовных традиций всех концов света.

Читающий должен пройти индивидуацию, его собственное бессознательное должно быть полностью интегрировано, чтобы он мог явить миру свою подлинную Самость, а не персону.

Повторюсь, индивидуация не подразумевает индивидуализма; читающий всегда включен в «обоюдоострые» отношения на уровне личного бессознательного того человека, который обращается к нему за чтением на межличностном уровне коллективного бессознательного. На этом пересечении нескольких уровней, в том числе духовного, который также включен в ризоматическую

структуру возникает то, что Мартин Бубер назвал отношениями Я-Ты, в которых сообщение между людьми и Богом проходит словно «между человеком и человеком» (Buber, 1971).

Фактически, все человеческие отношения встречаются в извечном и неподвластном времени Ты. В рамках хасидской философии Бубера, читающий уже «подвел того, кто воспринимает [гностическое знание], если самовольно вмешался в него <...> это вмешательство разделяет доверенную ему душу, покорную и бунтующую части. Но незримое влияние, исходящее из его собственной целостности, обладает интегрирующей силой» (Buber, 1971. p. 90). Поэтому чтобы облегчить интеграцию бессознательного человека в сознание, бессознательное самого читающего должно быть полностью интегрировано.

Длительный процесс *самообразования* читающего, которого мы коснулись во второй главе, становится самой сутью его жизни, и тесно связан с символическим уроком, заключенном в архетипе Колесницы, который, как было отмечено в главе 4, неотделим от опасности инфляции собственного эго. Подлинные отношения Я-Ты могут выражаться, что особо отмечено Бубером, лишь целостным существом. Они выходят за границы буквы знания и заключают в себе то, что Бубер назвал истинным воображением. Проходимая опытным путем *школа жизни* состоит из множества архетипических уроков, которые предстоит усвоить, пережить и выстрадать, что позволяет читающему, подобному раненому исследователю Романишина, упомянутому в первой главе, поддерживать все юнгианские функции, включающие чувство, мышление, ощущение и — последнюю, но вовсе не по значимости — интуицию в равновесии, не позволяя ни одной из них стать подчиненной.

Интуиция определенно является ведущей в герменевтике Таро, равно как и в делезовском методе трансцендентного эмпиризма, разобранным в предыдущей главе. Она позволяет читать и интерпретировать архетипические, символические сообщения и преуспеть в «воплощении еще не существующего» (Deleuze, 1994, p. 147), но уже присутствующего в пространстве виртуального.

В своей книге *Awakening the Inner Eye: Intuition in Education*, Ноддингс и Шоур (Noddings and Shore, 1984) представляют интуицию как способ познания, приводят четыре отличительных

черты, которые в сущности разграничивают интуицию и аналитическую или концептуальную активность разума. Они, однако, продолжают дополнять друг друга, поскольку «невозможно выделить ни одно из них как дискретное и самостоятельное» (Noddings and Shore, 1984, p. 69).

Развитие интуиции становится испытанием для читающего, особенно если он принимает на себя роль, которую Ноддингс, в контексте этики заботы в образовании, назвала «заботящимся»: тем, кто проявляет заботу и вступает в отношения заботы с «получающим заботу». В герменевтическом процессе чтения Таро интуиция функционирует сообразно со своим буквальным значением как обучения изнутри (*in-tuit*), из самых глубин психики, наделенной жадной Гнозиса. Интуиция неотделима от духовного, религиозного элемента, особенно если рассматривать *re-ligio* этимологически, как связь с источником; как возвращение души в ее символический дом в *Anima Mundi*.

Страсть, Аффект, Любовь, Эрос! Как ни назови, это именно то, что выступает в качестве эротического «порыва мышления, которое проходит через разного рода бифуркации, отправляется от нервов, и сообщается с душой для того, чтобы прийти к мысли» (Deleuze, 1994, p. 147), достичь понимания, сделать бессознательное сознательным. Наши когнитивные способности не приспособлены к соприкосновению с нематериальным и виртуальным пространством бессознательного, и не будь оно спроецировано в материальной форме изображений, активизирующих интуицию и возвышающих «каждую из способностей до ее трансцендентного действия, когда она силится породить вторую силу, способную ощутить то, что может быть только почувствовано» (Deleuze, 1994, p. 165).

Вторая, интенсифицированная сила восприятия и становится шестым чувством, «способностью» к любви и состраданию, способной видеть «внутренним зрением» Ноддингс, который, в сущности, есть восприятие благодаря «единству любви и познания» (Idel & McGinn, 1999, p. 22) глубинных архетипических смыслов, спроецированных на изображения Таро в нашей физической реальности пространства и времени. То, что мы подразумеваем под актуальной реальностью трехмерного пространства и линейного времени, является лишь проекцией

виртуальной духовной реальности, лежащей буквально «вне» границ физического, непосредственно ощущаемого, видимого мира. Незримая реальность синхронично проецирует себя на материальном плане в форме расклада Таро, который «не один и не два <...> — промежуток» (Deleuze and Guattari. 1987, p. 293), аналогичный в своей промежуточности отношению Я-Ты Бубера в его имманентно-трансцендентном «качестве объединенных противоположностей» (Jung, CW 8, 189). Таким образом становится ясно, что наши привычные «пространство и время перестают быть чистым данными в пользу того, чтобы стать <...> связью дифференциальных отношений в субъекте, а объект перестает быть эмпирическим данным в пользу того, чтобы стать продуктом этих отношений» (Deleuze, 1993, p. 89). Рассматриваемый объект является объектом нашего знания, Гнозиса, включенного в структуру расклада, где изображения, находящиеся на определенных позициях, образуют ризоматическую сеть; и само время «раскладывается» или распадается на три своих измерения прошлого, настоящего и даже будущего, что отмечено соответствующими позициями Кельтского креста.

Виртуальное событие для Делеза всегда являет собой принадлежность «будущего и прошлого, дня до и дня после» (1990а, p. 77), оно существует в плане имманенции, где неограниченное число становлений другим как становлений истинным Собой разворачиваются перед нами. Причина «выпадения» определенных карт на определенных позициях, и ни на каких других рациональна и иррациональна одновременно. Если синхроничность отражает «само моделирование вселенной <...> не осмысляемое интеллектуально» (Boelen, 1979, p. 13) и только интеллектуально, но требует изменения убеждений и образа мыслей, то узкие границы дедуктивной логики, склонной к объяснениям, должны быть преодолены и расширены опытным путем и «спонтанными эмоциональными реакциями» (Boelen, 1979, p. 17) на уровне тела. «Подтверждение» же, являющееся прерогативой научного метода, приходит из источника, в эзотерической литературе называемого «голосом духов», проявляющемся в ощущении тепла или прохлады и других едва уловимых ощущениях, которые Юнг определял как чувственный тон. Гностическое знание ощущается в дополнение к пониманию

его на когнитивном уровне, и лишь таким образом может быть достигнута гармоничная ресимволизация Себя.

Самые глубины психики могут быть осмыслены, открыв новые смыслы наших собственных опытов, когда они, как писал Делез, *«развернувшись, стали шириной. Неограниченное становление целиком удерживается внутри этой вывернутой ширины»* (Deleuze, 1990a, p. 9; курсив мой) на поверхности или плане смыслов, проецируемых на сам этот план (расклад Таро), что напоминает фильм, динамика которого при просмотре развертывается, спроецированная на экран.

Мы воспринимаем глубину на поверхности, и глубина просвечивает через нее. Коллективное бессознательное обращает наше внимание на те или иные проблемные области. Либо же индивидуальное бессознательное человека обращает его на себя, добираясь до сознания; сейчас важно именно это, иначе конкретное изображение просто не появилось бы в раскладе. *«Почему сейчас?»*, может возникнуть вопрос, и он знаменует начало откровенного диалога с тем, о важности кого так много писал Бубер.

Или же другие образы приведут к осознанию того, как влияние прошлого, заботы настоящего и возможности будущего спроецированы на расклад, тем самым приглашая к исследованию множества новых измерений. Герменевтика Таро выдвигает на первый план клинический элемент философии Делеза, позволяющий по-новому рассмотреть и оценить структуру расклада: *«какие из [ризоматических линий] прерываются или упираются в другие, какие из них пересекают бездны, и, самое важное, та линия, невероятно выгнутая, как она влечет за собой все остальные в том же направлении»* (Deleuze, 1987, p. 120).

Но направление не является неизменным: получая информацию о том, куда ведет нас линия мыслей и действий, мы можем буквально изменить направление своего движения. Не только прошлое влияет на настоящее, на него способно повлиять и будущее. Эта крепчайшая из связей названа Делезом *«силой воздействия на себя, влияния себя на себя самого»* (Deleuze 1988b, с. 101; курсив Делеза). В этом отношении стоит упомянуть и еще одну едва заметную *«скрытую переменную»*: воздействие Самости на себя. Мы помним, что архетип Самости всегда

присутствует в складках коллективного бессознательного. Остается лишь найти линию становления, которую Делез и называл той невероятно выгнутой линией, синхроническую линию проекции (в терминах проективной геометрии), и герменевтика Таро является тем методом, который на это и рассчитан: помогать донести бессознательное до сознания и осознать свой потенциал, свои возможности и перспективы.

Карты выстраиваются в согласии с коллективным и личным бессознательным, и их мощный символический ряд способен преодолеть существующие блоки и защиты. По мере того, как в процессе герменевтики Таро поднимаются те или иные темы, возникает и терапевтический материал. Общая картина всего расклада может привлечь внимание к определенной архетипической констелляции, как это будет показано в главе 8; и через это рождается понимание важно части целого. Оба участника сосредоточены на перемешивании колоды, впоследствии расклад создает между ними связь, которая, оставаясь виртуальной, имеет вполне конкретную физическую форму. Метафизически эта связь закрепляется в коллективном бессознательном, с терапевтической же точки зрения она поддерживается благодаря отношениям, возникающим в процессе ее существования и сохраняется уже упомянутыми физическими и метафизическими средствами.

Расклад и его символическое содержание могут выявить наличие патологии, не в том смысле, которым наделяет это слово врачебная «библия», *Диагностическое и статистическое руководство по ментальным расстройствам*, скорее определяя области особой чувствительности: те, что отвечают болью на любое прикосновение. Что именно, каким образом и почему болит, можно узнать из проекций на изображения. Это ощущение близости читающего вносит в отношения согласие, особенно если в ходе контакта сам человек утверждается в своем невысказанном понимании себя.

Так создается связь, из которой впоследствии вырастает и доверие; трудно не доверять своему отражению в зеркале. Но все-таки возможно? Это напомнило мне о парадоксальной, но тем не менее, типичной ситуации. Однажды я делала расклад для женщины, основные заботы и огорчения которой были связаны с состоянием ее бизнеса. На сессии стало ясно, что ей попросту

не хватает базовых знаний, чтобы управлять своим делом. На более глубоком уровне она спроецировала свое подверженное инфляции эго и веру в собственную непогрешимость, тем самым приведя к формированию комплекса величия.

Ее реакция на последовательность изображений, намекающих на то, что неплохо было бы освежить свои знания на курсах или прочесть книгу-другую в своей профессиональной сфере, была строго негативной. Она отвергла само предположение об этом, настаивая на том, что сама лучше знает, что ей делать, и тем только подтверждая то, о чем говорили карты. Когда архетипические модели проецируются на карты, понимание читающим существующей ситуации углубляется благодаря тому факту, что несмотря на схожесть симптомов, в данный момент человек может находиться под воздействием совершенно иных архетипических констелляций, вследствие чего просто не будет способен избежать повторения своих прошлых ошибок.

Помощь в осознании этой возможности облегчает, может ослабить или вовсе устранить переживаемые стыд и вину, укрепить самооценку и внушить чувство человеческой самоценности; иными словами, ускорить процесс психологического исцеления. В этом отношении Таро выступает в качестве дополняющей юнгианской функции, сопоставимой со снами по значению для терапевтического процесса. Проекция бессознательного компенсирует недостающие моменты, как «внешний» элемент по отношению к сознанию. Чтение доводит до осознания этот материал, раздвигая границы индивидуального сознания.

В дополнение к их компенсаторной функции, Юнг также «признавал, что многие сны несут и другие функции, как, например, перспективную, позволяющую воспринять психологические тенденции или повлиять на развитие экстрасенсорно, предоставляя информацию о положении дел, выходящую за рамки той, что сообщается чувствами; или пророческую, предвосхищающую грядущие события» (Норске, 1992, р. 26). Ранее мы говорили, что шестая позиция из рисунка 7.1 отвечает за неизбежные события будущего, в то время как пятая указывает наиболее вероятное их развитие, а десятая — общий курс, по которому развивается ситуация.

Здесь я нахожу себя в любопытном положении: в попытке представить в логической линейной форме, в виде последовательно

выстроенных предположений нечто, что не является линейным и по природе своей отрицает всякую логику и рациональное обоснование. Интуитивно и эмпирически я понимаю, о чем я пишу, но всякий вербальный или линейный аналог лишь парадоксальным образом отражается «по всей видимости, непреодолимые трудности, препятствующие выходу из привычного образа мышления в контексте причин и следствий» (Koestler, 1972, p. 97). Здесь, в попытке применить пояснительные, каузальные понятия к феномену, действующему через акаузальный принцип юнгианской синхронии, присутствует логический парадокс и едва ли не ловушка. И тем не менее, эта попытка предпринята. В следующей главе мы сосредоточимся на практическом применении искусства герменевтического метода Таро. Реальные истории, отраженные в имевших место чтениях для пятнадцати участников, составляют ядро моего исследования и именно они, в первую очередь, мотивировали меня на написание этой книги.

Глава 8

ЖИВЫЕ ИСТОРИИ

Как отмечалось Максин Грин в Предисловии к небезызвестной книге «Живые истории: нарратив и диалог в образовании» [*Stories Lives tell: Narrative and Dialogue in Education*] (Witherell and Noddings, 1991), из которой и позаимствовано название этой главы, в наши дни повсюду можно услышать «отзвуки историй <...>. Разнообразные нарративы развертываются и изучаются. Обучение на всех уровнях сопровождается описательной работой: люди пишут автобиографии, составляют семейные истории, становятся авторами своих собственных жизней» (р. IX). Относя нарратив к исключительно «женским способам познания» (Belenky, Clinchy, Goldberger, & Tarule, 1986), Грин находит ему место как в школьных классах, так и в консультационных центрах.

В нем преодолевается разобщенность когнитивного, морального и эмоционального измерений, и обучение начинает ассоциироваться с холистическим «ощущением поиска, стремления найти подходящие понятия и язык для выражения всего подавляемого и вытесняемого годами <...> [и придать] форму и выражение тому, что иначе могло бы оставаться невысказанным» (Witherell and Noddings, 1991, р. X). Преодолеть эту разобщенность, значит освободить собственное воображение (Greene, 2000). Для Грин воображение на глубочайшем уровне связано с искусством целителей; освобождение воображения эквивалентно раскрытию способностей к эмпатии, и вдобавок — разрыву с тем, что мы принимаем как данность, нарушая все пространство ожидающих нас возможностей. Воображение лишает Эго его положения в центре личности, а само становится способно без помех сосредоточиться на «собственных нуждах [и] том пространстве, где мы встречаемся с другими лицом к лицу» (Greene, 2000, р. 31).

Эта встреча с Другим происходит в процессе герменевтики Таро, где разворачиваются истории жизни, человеческих опытов, воплощенных в образах и символах. Эти истории объединяют учителя в классе и «консультанта или аналитика <...> в процессе терапевтического диалога, пастора, жреца или рабби в притче о вере и об утрате» (Witherell and Noddings, 1991, p. 1). Образы Таро ведут общение «в ином тоне», который выводит на первый план отдельные моменты, характерные для подхода Кэрол Гиллиган к нравственному развитию и Нэл Ноддингс к этике отношений (Noddings, 2002). Ноддингс (1993а) утверждает, что наше современное образование, лишенное измерений чувствования и заботы, не обогащает человеческий разум и дух, но скорее сужает спектр их восприятия.

Утвердив феминистскую духовность как альтернативу традиционной патриархальной религии, Ноддингс делает вывод, что роль женщины в течение долгого времени принижалась господствующими теологическими и философскими концепциями. Она предлагает знакомить учеников одновременно с историей Грехопадения и ее феминистской критикой, базирующейся на религиях Богини, в которых библейский змей представляется не злом, но учителем человека, дарующим Гнозис и приносящим исцеление. Это гностическое знание, как было продемонстрировано в предыдущих главах, воплощено в древнем сократовом изречении «Познай Себя», и доступно для нас через метод герменевтики Таро, где в процессе чтения образы и символы описываются и интерпретируются, тем самым выражая индивидуальные и коллективные опыты школы жизни, равно как и многие другие этические, интеллектуальные и духовные уроки.

Во второй главе я обращалась к бриколажу Таро в контексте своего исследования как к методу, лежащему на границе феноменологии, герменевтики и описательного знания; а также проективной психологии, как это указывается в главе 7. Чтобы соблюсти требования колледжа Пасифик Оукс, касающиеся данных участников исследования, я проводила чтение для определенного списка отобранных лично людей. Каждый из них подписал форму, подтверждающую его согласие, как это и предусмотрено исследовательской этикой. Каждый сеанс длился

по пятьдесят минут, как и обыкновенная консультация. Единственным условием для проведения бесплатного чтения было заполнение каждым из участников анкеты (см. Приложение), где обозначалась проблемная область или «существующая проблема», как ее обычно называют в ходе консультационных или терапевтических сессий; также обозначалась цель чтения, подобно тому, как на первой консультационной сессии клиента спрашивают о том, каких результатов он ожидает от предстоящей терапии.

Причина того, что для детального рассмотрения было отобрано лишь пятнадцать человек, достаточно проста. После пятнадцати сеансов я просто прекратила сбор материала, поскольку объем уже имеющихся, почти дословных описаний, превышал требуемое для моего исследования количество страниц. Отобранные участники, как оказалось, смогли представить все разнообразие взрослых мужчин и женщин из различных этнических групп. Более детальных вопросов, касающихся, как это принято в стандартных формах для консультаций, прошлого, отношений в семье и т. п. не задавалось. Вся релевантная информация, по моим ожиданиям, должна была сама спроецироваться (см. главу 7) в расклад каждого из участников. Я, однако, готовилась к тому, что проводя бесплатное чтение, могла бы столкнуться с тем, кто при других обстоятельствах никогда не обратился бы к услугам консультанта. Тем не менее, расклады таких участников также содержат важный материал для проработки, что мы и увидим далее.

Приведенные ниже описания сессий составлены по аудиозаписям сеансов и содержат копии раскладов, сделанных в процессе каждого из чтений; каждый индивидуальный случай отражает уникальные особенности личности участника, придерживаясь, однако, универсальности архетипической динамики, актуализованной здесь-и-сейчас, в процессе самого чтения. Архетипическое содержание, возникающее из глубин бессознательного, подталкивает нас к «всеохватывающему бодрствованию <...> активности воображения и <...> свежему взгляду на открывающиеся возможности» (Greene, 2000, p. 43), которые формируют актуальное для участника по мере того, как разворачивается его история. Все имена изменены.

1. МАЙКЛ

Майкл, белый мужчина, слегка за сорок, квалифицированный специалист. Основным вопросом для чтения он обозначил проблему отношений. В анкете отметил, что надеется на романтические отношения, свободные от ошибок прошлого. Основной задачей чтения для Майкла было получение информации о своем будущем и значимых других в нем, а также разбор поведенческих особенностей и нахождение путей работы с ними. Его расклад представлен на рис. 4.

Карта в первой позиции, пятерка пентаклей, говорит о чувстве разочарования и ощущении утраты. Причиной для таких глубоких переживаний стали прошлые переживания Майкла, связанные с отчуждением от чего-либо. Когда ему представлялась та или иная возможность, он предпочитал «отказаться» от потенциальной «награды», что вело, как следствие его пассивности, к ощущению поражения, неприятию и убеждению, что он «остается за бортом». Здесь Майкл вмешался, уточнив, что его последние отношения закончились по его инициативе, из-за ощущения собственной неспособности принять на себя обязательства перед партнером, и горечь этих переживаний не оставляет его до сих пор. Карта во второй позиции показала препятствия, вставшие на пути Майкла в контексте его настоящей ситуации. Четверка пентаклей показывает, что на бессознательном уровне он отчаянно стремится удержать нечто, не желая с ним расставаться. Было ли это его привычной моделью поведения? Изображение четырех пентаклей отражает скупость, когда человек цепляется за то малое, что у него есть, будь то материальные или эмоциональные ресурсы, и не желает делиться ими с окружающими его людьми. Судя по всему, Майкл был не способен делиться своими чувствами и эмоциями с теми, кто в перспективе могли бы стать его значимыми «другими», и виной всему его шаблон поведения, парадоксальным образом дающий ему чувство защищенности, хотя бы ценой избегания риска. Однако, это чувство было обречено обернуться утратой, как это демонстрируют пять пентаклей в первой позиции, обозначившие ядро проблемы Майкла.

Старший аркан, находящийся в четвертой позиции, ответственной за «прошлое», говорит о том, что в определенный момент

Вероятно, бессознательное стремление Майкла не принимать на себя обязательств, предполагаемых отношениями, основывалось на ошибочном убеждении, что находясь в отношениях, он теряет способность влиять на ситуацию. Но какие события прошлого сделали Майкла настолько чувствительным в вопросах контроля и силы? Я спросила, связано ли это с его прошлым опытом отношений. Майкл ответил, что примерно двенадцать лет назад его отвергла та, кого он любил, что стало сильнейшим травмирующим переживанием. И под архетипическим влиянием Императора, словно отравленный им, Майкл — выбирая не вступать в отношения, и тем совершая пусть негативный, но свой собственный выбор — мог сохранять искаженное представление о собственном влиянии, предотвращая тем самым собственную виктимизацию, однако в итоге он все равно оставался жертвой.

Его ощущение себя отверженным впоследствии интернализировалось и стало проецироваться на все последующие отношения; подсознательное желание Майкла не быть отверженным снова заставило его, фактически ощущающего себя незащищенным, проявлять свою власть и, в качестве защитной реакции, делать выбор в пользу прекращения отношений, чтобы избежать очередного воспроизведения той ситуации, которая закрепилась в его разуме, была вытеснена и с тех пор никогда не прорабатывалась на сознательном уровне.

Карта в третьей позиции, тройка пентаклей, как корень проблемы, показала мне, что хотя Майклу и не хватало отношений, его устремления были отнюдь не романтическими. Это скорее походило на социальную обусловленность или давление со стороны членов семьи, воздействующие на него совокупно. Император указывает на то, что его семья может придерживаться традиционных, патриархальных ценностей и оказывать давление на Майкла, часто прибегая к выражениям вроде «ты обязан» и «ты должен» так же, как Император часто прибегает к силе закона для поддержания статус-кво.

Архетип Императора, воздействующий на психику Майкла, внушил идею о повышении его социального положения и статуса для достижения успеха в отношениях. Ни о какой эмоциональной вовлеченности речи не шло, однако в раскладе прослеживалась динамика от тройки пентаклей в начале, через четверку,

«перекрывающую» то, что являлось сутью проблемы, до карты в пятой позиции, выражающей вероятное развитие всей ситуации, десятки мечей.

Изображение человека, неподвижно лежащего на земле и словно пригвожденного к ней десятью мечами одновременно, находящееся в позиции предполагаемого «курса», говорит о том, что если Майкл продолжит придерживаться своего нынешнего образа действий, мотивы которого не соотносятся с реальным контролем его чувств, все последующие отношения не только потерпят крах, но и сам Майкл может испытать глубочайшую депрессию.

В феминистской трактовке Гирхарт и Ренни (Gearhart & Rennie, 1981) изображение десяти мечей говорит о возложении важной части своей жизни на алтарь патриархата подобно символическому жертвенному агнцу. Впрочем, десятка мечей, будучи последней картой масти, означает разрешение ситуации в том виде, в котором она представлена, подразумевая, что самое страшное уже позади. Поэтому для Майкла возможность изменить свои привычки и модель поведения уже «витала в воздухе» (карта «отсечения» в пятой позиции), что подтверждает и шестая карта, шесть мечей в позиции неизбежных событий будущего, говорящая об уверенном движении от деструктивной поведенческой модели к конструктивной, пусть и подробности этих перемен пока не ясны.

Женщина на карте шести мечей пока не заглядывает в будущее; она довольна уже тем, что ей удалось выбраться из сложной ситуации и, не строя планов на будущее, бежит от неприятностей, которые носят временный характер. Такое умиротворение является характерным результатом смены привычной модели поведения.

На этом этапе Майкл добавил, что в прошлом он чувствовал себя парализованным, но теперь у него возникло ясное понимание того, что с этим нужно что-то делать. Однако, мне все присутствующие карты говорили лишь о том, что рассудочное решение Майкла вступить в новые отношения и через это проявить активность было изначально обречено на провал. В прошлом Майкл был вовлечен в отношения на эмоциональном уровне, и его «незаконченное дело», что показал Император и подтвердила четверка пентаклей, «живет и здравствует» в данной ситуации.

Поэтому, чтобы избежать ошибки в будущем, Майклу необходимо проработать проблему не только на ментальном уровне с помощью рационального мышления, но и на более тонком уровне чувств. Как же это сделать? Продолжительность каждого сеанса в рамках исследования ограничивалась всего лишь 50 минутами, как это принято на стандартных консультациях, поэтому мы могли рассмотреть лишь несколько вариантов. Для типа личности и характера Майкла более всего подошла бы гештальт-терапия, поскольку разум, Логос, действовал столь «успешно» (под личиной Императора), что ему удалось подавить эмоции, которые Майкл испытывал до того. Также использование образного ряда могло бы помочь в работе на глубинном «психоидном» уровне психике, где вместе с чувством незащищенности залегали проблемы, связанные с властью и контролем, образуя парадоксальное и предельно болезненное единство.

Появление карты большого аркана, Справедливости, в седьмой позиции, указывающей на сильную фиксацию, показало глубокую озабоченность Майкла самой идеей справедливости. Его глубоко ранила мысль, что ранее с ним обошлись несправедливо, и это привело к зарождению его последующих опасений. Эта идея, едва не ставшая определяющей во всем мировоззрении, поработила его разум. Майклу требовалась серьезная работа над различением своих субъективных ценностей и объективным социокультурным миром, чтобы не транслировать свои опасения и настороженность вовне. Здесь он возразил, сказав, что в большей мере озабочен социальной несправедливостью, чем той, что имеет место в его собственной проблеме; его комментарий только укрепил меня в убеждении о том, насколько глубокому влиянию архетипа Справедливости он подвержен. Было ли ожидание несправедливости чем-то вроде самоисполняющегося пророчества, разрушающего его личную жизнь и межличностные отношения?

Карта в восьмой позиции, обозначающая текущее окружение Майкла, оказалась двойкой пентаклей. Судя по всему, работа не приносила ему того удовольствия, которое он мог бы от нее получить. Он выполнял свои обязанности, но скорее вынужденно, а не по собственной инициативе. Ему приходилось, к удовольствию своих коллег, прилагать усилия, чтобы угодить им. Все выглядело так, будто на рабочем месте им с легкостью

манипулировали. А это отнимало силы на постоянной основе, и изображение двух пентаклей предупреждало о необходимости быть бдительным к тому, как он ведет себя с коллегами, поскольку привычка стараться ради удобства других могла довести Майкла до того, что в нужный момент он не сможет совладать с собой и окажется бессилён в стрессовой ситуации. Два пентакля в этой позиции также могут говорить о вошедших в обыкновение одноразовых встречах, а не длительных романтических отношениях (вспомним, что Майкл отметил их отсутствие в качестве наличной проблемы при заполнении анкеты).

Три карты, выпавшие на девятой позиции обозначили тот факт, что более всего Майкла заботила надежда на будущие отношения и связанная с ней тревога. Девятая позиция говорит о страхах и надеждах. Три карты — королева кубков, Дурак и паж кубков — явно подводили к тому, что возможность к реализации желаний Майкла лежит в выборе в пользу длительных отношений, возможно даже в создании семьи (о чем говорят паж и королева одной масти в одной позиции).

Это могло бы ознаменовать новый этап в жизни Майкла, что символизирует Дурак, новое начало, счастливый случай и вход в новый жизненный цикл, в котором не место его старым настроениям. В ином толковании, что вполне возможно, Майкл мог бы встретить женщину с ребенком в будущем. Поэтому, ему стоило готовиться к тому, чтобы сделать шаг, принять риски и столкнуться с неизведанным, если он захочет дать начало новым отношениям. Майкл же добавил, что на данном этапе, намеренно удалившись от общественной жизни, он все же предпринял попытки социализироваться вновь.

Десятая карта, туз жезлов в итоговой позиции, показала, что у задуманного дела есть отличный потенциал к реализации, и идея об отношениях может стать для Майкла реальностью.

Три дополнительных карты на 11, 12 и 13 позициях подтвердили то, что некоторые из его желаний уже начали исполняться, как девятка кубков, знаменующая переход от стагнации и бездействия к стабильности. Рыцарь пентаклей указал на стабильную работу, десятка кубков позволила предположить возможность новых свершений в области межличностных отношений, особенно теперь, когда Майклу удалось достичь финансовой защищенности.

Тут Майкл отметил, что чувствует себя более уверенным в себе, особенно в карьерной сфере (на что указывал и практичный рыцарь пентаклей), но тем не менее часть замечает за собой неспособность познакомиться с теми, кого он находит привлекательными, даже когда речь идет о простом приветствии. И сам факт того, что сознательно он замечал наличие подобных моделей поведения, уже было путем к выходу из безнадежности и пассивности к новым устремлениям (туз жезлов).

Туз как итоговая карта помог Майклу решиться на новые начинания и надеяться на плоды, которые они могут принести, пусть те и находятся пока лишь в зачаточном состоянии; эта карта также позволила пересилить депрессивные настроения, навеянные десяткой мечей в пятой позиции. Карта, характеризующая ситуацию в целом, оказалась Королевой жезлов и относилась к реальной женщине среди знакомых Майкла, с которой он, однако, не состоял в романтических отношениях. Однако именно благодаря ей (Королеве) ситуация начала меняться к лучшему. С большой вероятностью Королева жезлов обозначала коллегу Майкла, которая оказала содействие его карьерному росту.

И вот, незадолго до конца консультации (50 минут), я спросила Майкла, не хотел бы он что-либо уточнить. Более всего в процессе чтения он был озабочен тем, как справиться с проблемами власти и контроля, побороть архетипичного Императора в собственной психике. И вопрос Майкла показал, что в ходе сеанса ему удалось добраться до корней существующей проблемы. Он вытянул карту из колоды, тем самым позволяя коллективному бессознательному развеять свои сомнения, и перевернув ее, обнаружил четверку жезлов. Еще до того, как я начала интерпретацию изображения на ней, Майкл невольно рассмеялся; вероятно, из-за свободных ассоциаций, связанных с образами беспечных и радостных людей, несущих цветочные венки, которые присутствовали на карте. Это изображение несло в себе послание о возможности позитивных отношений, крайне благоприятных для Майкла и, возможно, способных стать основой будущего брака.

Такова история Майкла, который смог открыть для себя возможность глубоких отношений, и тем самым стал способен бороться с препятствующими им проблемами силы и контроля.

Майкл собрал воедино все, что нам удалось прочесть; он сказал, что осознание того, что никто нежданно не постучит в его дверь, дало толчок к тому, чтобы выйти наружу и самому искать нужного человека; и то, как он это сказал, его выражение лица, тембр голоса, несли ни горечи, ни страха — все эти аффекты были вымещены под воздействием его новоприобретенной осознанности. Майкл добавил, что все это «крайне, крайне верно». В своей анкете он отметил: «Я смог лучше понять причины своих прошлых действий» и ответил «да» на вопрос о том, было ли чтение полезным, пояснив: «чтение было сосредоточено на позитивных результатах позитивных действий». Майкл также выразил желание провести еще один сеанс, объясняя это тем, что «произошедшее обсуждение помогло мне понять, как разрешить вставшие вопросы и проблемы». По его словам, прошедшее чтение оказалось крайне важным и полезным для поиска «подходящих решений. И для того, чтобы я смог «отпустить» лишнее и обрести уверенность в том, что все пойдет на лад, пока я готов на риски, зная, что неудача — это лишь временно».

2. ЛОЛА

Лола, молодая белая женщина, не достигшая тридцати, получила образование. В качестве основной причины обращения к чтению указала профессиональную проблему: в тот момент Лола работала над осуществлением собственного проекта в своей профессиональной области. От чтения она ожидала получить понимание себя, текущего состояния проекта и его вероятного результата, а также хотела прояснить отдельные моменты и найти пути к разрешению ситуации, «понять, чем вызвано сопротивление, и что мешает мне воплотить свое намерение в жизнь». Расклад Лолы представлен на рис 5.

Большой аркан Сила находится на первой позиции, перекрытый десяткой пентаклей во второй. Это показывает, что при работе с проектом наиболее важным моментом для Лолы являлось удовлетворение собственных амбиций и закалка воли, что укрепило бы ее позиции как специалиста. Также вероятно, что имела место отстраненность от людей и сложности в построении отношений с окружающими. Десять пентаклей, карта, благоприятная

сама по себе, демонстрирующая картину стабильности и защищенности, во второй позиции говорила также и о сдерживающих влияниях: возможно, бессознательным стремлением Лолы было не само завершение проекта, но создание за счет него своего рода страховочной системы, подтверждение соответствия определенным профессиональным стандартам.

Судя по картам, запросы, которые Лола предъявляла к себе, были в определенной степени завышены. И это, естественно, вылилось в ощущение неполноты и отрешенности, выраженное картой в третьей позиции, девяткой пентаклей, говорящей также о напряженной мыслительной работе, которая и заставила Лолу к анализу нынешнего состояния своих дел. В прошлом ей пришлось пережить тяжелый внутренний конфликт или испытывать глубокую неуверенность в себе, что предполагает изображение на пятерке жезлов в четвертой позиции, и только собственные выносливость и целеустремленность помогли ей двигаться дальше, но все говорит о том, что на данный момент целеустремленность постепенно перерастает в потакание собственным желаниям.

Однако движение в сторону самоконтроля прослеживалось по вертикали, где девятка пентаклей последовательно, через Силу, развивалась в двойку жезлов в пятой позиции. Изображение на этой карте предполагало, в перспективе, исполнение намерения Лолы, стоит лишь углубиться в вопрос.

Судя по всему, в настоящем не происходило ничего определенного, и несмотря на всю свою целеустремленность, Лола начинала беспокоиться. Результатов в обозримом будущем не ожидалось, а настроена она была именно на результат. Наиболее благоприятным для Лолы стал бы период длиной в, по меньшей мере, семь недель, за которые на могла бы глубже изучить состояние своего проекта.

Карта в позиции неминуемых событий будущего иносказательно говорила о «воздушных замках», тогда как Лоле следовало бы сосредоточиться на анализе данных по проекту, ведь если все останется без изменений, исход всего мероприятия будет крайне сомнительным. Сам он выглядел неопределенно, и казался более продуктом убеждений и идей Лолы, нежели реальных действий.

Вероятно, излишняя работа таланта, навыков и воображения привели к тому, что ясное понимание изначального замысла

затуманилось множеством альтернативных вариантов и подходов. На тот момент ей следовало бы остановиться на одной из целей и четко сформулировать, чего именно она хочет достичь, вместо того, чтобы вдаваться в излишние и множественные детали, и тянуться во все стороны сразу, как на изображении семерки кубков. И тем не менее, присутствие двойки жезлов в потенциале привносило в картину определенное равновесие. Здесь Лола вмешалась, заявив, что она проходит терапию и посещает еженедельные консультации. Так что же мешало ей достигнуть результатов? Пребывало ли ее внимание в иных областях? Она более заботилась о своей личной жизни и состоянии отношений, нежели уделяла время тонкостям и отдельным моментам своей работы.

Три дополнительных карты (помимо стандартных позиций Кельтского креста), Король кубков, Колесо Фортуны и Иерофант предполагали стабильные и длительные отношения с мужчиной, близким Лоле эмоционально, и весьма серьезным в своих намерениях, возможно, даже желающим вывести их на новый уровень, закрепив традиционным институтом брака. Лоле повезло с таким «посланным судьбой» мужчиной рядом. Сама она согласилась и подтвердила, что он действительно стремится к общепринятой, стабильной форме отношений.

Однако связка из трех карт в седьмой позиции ясно показала, что на уме у Лолы совсем другой человек, к любовным отношениям с которым она и стремится, и сейчас находится перед выбором (Любовники).

Этот второй мужчина, Король мечей, был символически охарактеризован как обладатель свободолобивого характера и в целом весьма самодостаточная личность, что, вероятно, и привлекло в нем Лолу, поддерживая ее привязанность к нему. Она становилась просто-таки одержима мыслями о Короле мечей; эти сложности в личной жизни и отвлекли Лолу от проекта, а также помешали направить силы и время на выполнение своих профессиональных обязанностей и достижение поставленных целей. Следующая карта, семь пентаклей, показала наличие тревоги относительно тех ресурсов, что были вложены в проект, и возникающее, за отсутствием результатов, ощущение потраченных впустую усилий, растущие сомнения и возможность потери средств. И действительно, Лола сказала,

что вложила в проект свои собственные деньги. Символически эта карта, однако, говорила о том, что ей совсем не следует оставаться, но стать последовательной в дальнейших действиях, возможно, еще раз взглянуть на то, что уже сделано, оценить то, что еще предстоит сделать и пересмотреть собственные мотивы и подход к делу.

Поскольку весь расклад говорил о наличии у Лолы сильной мотивации к продолжению работы над проектом, следовало пристальнее рассмотреть бессознательные движущие силы ситуации, чтобы понять, что же мешало его завершению.

Карта в восьмой позиции, восьмерка мечей, охарактеризовала окружение Лолы как в значительной степени подавляющее. Но поскольку ее проект был индивидуальным и выполнялся в одиночку (девять пентаклей), не было никаких факторов, продиктованных внешним воздействием, как, например, обилие бумажной работы или трудности с начальством, которые помешали бы завершить проект. В ситуации Лолы все ограничения исходили из ее собственной дезориентации, подавленных эмоций, символической слепоты. Эта карта также говорила о наличии необходимости пересмотра собственных мотивов.

Тройка жезлов в девятой позиции говорила о работе в команде и возможности объединения усилий. Но Лола, вероятно, хотела пожать лавры самостоятельно, учитывая, что индивидуальная работа и составляла ядро ее проблемы; на данном же этапе какой-либо прогресс без взаимодействия с другими был маловероятен, проект просто не двигался с места. Большой аркан в «итоговой», десятой позиции, символизировал волю Лолы в образе Колесницы. Чтобы проект сдвинулся с места и пришел к успешному завершению, Лоле требовалось преодолеть созданный ей самой конфликт между амбициями и потребностями ее творческого начинания.

С чего это началось? Судя по всему, проект мог легко отойти на второй план, тогда как первичным становилось стремление Лолы утвердиться в своей профессиональной области. Колесница говорит о вероятности того, что благодаря самодисциплине она научится контролировать противодействующие силы, которые тянут ее в разные стороны, весьма велика. Саму Лолу появление Колесницы только укрепило в мысли о том, что благодаря самоконтролю все образуется. Возможно, ей предстоит

период ожидания, обозначенный двойкой жезлов, и в это время у нее может возникнуть потребность в дальнейших консультациях, чтобы проработать те проблемы, которые были отмечены во время чтения, а также поучиться отличать свои бессознательные позывы от осознанно принятых решений.

Лола прокомментировала, что на этом этапе самопознание стало важной частью ее проекта. Карты, однако, предостерегали от возможности оставить первоначальный замысел в пользу культивации сомнений, ведь в облаке семи кубков легко принять одно за другое. Лола также захотела прояснить шестую карту, и после того, как я предложила вытянуть вспомогательную карту, она вытянула ее из колоды. Когда карта была перевернута, на обратной стороне обнаружился старший аркан Дьявол. Ассоциации, которые он обычно вызывает, носят пугающий характер. Но если взглянуть на это с другой стороны, когда коллективное бессознательное заставляет человека вытянуть именно эту карту (все они были предложены рубашками кверху), это значит, что к представленному архетипу крайне важно обратиться именно в данный момент. Поэтому неудивительно, что в итоге расклад указывал на необходимость дальнейших консультаций, поскольку Дьявол, сама Тень человека, требует длительного и пристального изучения.

Временной лимит сессии, пятьдесят минут, не позволил рассмотреть эту карту глубже, и тем не менее, она помогла Лоле понять многое. Тогда она воскликнула «Как же пугает, когда вытягиваешь Дьявола!», и я спросила, что же в этом страшного (запуская ассоциативный процесс). Лола сказала что-то о тьме, затем замолкла ненадолго и прибавила слово «страх».

На бессознательном уровне психика Лолы была заполнена бездной страха и подавляющих эмоций. Ее не оставляли фантазии о проекте, и в итоге она оказалась поработана той идеей, которую сама же и породила. Теперь уже не она контролировала работу, связанную с проектом; вместо того, архетип завладел ей и привел к одержимости. Ее захватила идея, определившая все дальнейшие действия Лолы. Вместо того, чтобы давать силы, она скорее перегружала ее. Тогда Лола вытянула еще одну карту, чтобы понять, что же такое, о чем она и не знает, могло «приковать» (по ее словам) ее к Дьяволу. И эта карта оказалась тройкой пентаклей,

благоприятным знаком, в совокупности с Дьяволом говорящим, однако, о раздутом эго, сильном желании к укреплению собственного социального статуса и завоеванию одобрения тех, кто наделен влиянием. Здесь Лола призналась: «Да, я хочу признания!» Так почему же тогда не двигался проект? В дальнейшем Лоле еще предстояла работа со своими мотивациями, разделением реальности и фантазий, способности концентрироваться на одном деле и в целом над тем, чтобы стать более целостной личностью и через это принести целостность в свои начинания. Несколько раз за весь сеанс Лола повторяла: «Вот она, история моей жизни...» Я же предложила ей вытянуть еще одну карту, чтобы узнать о том, что могло бы помочь в разрешении выявленных в течение сеанса проблем. Изображение шести кубков указало на честный и открытый разговор, в процессе которого Лола могла бы выразить все, что ее беспокоит тому, кому она могла бы доверять, тем самым, возможно, продолжив терапевтический процесс, который принесет с собой исцеление.

Лола отметила, что чтение позволило ей продвинуться в достижении своей цели, и утверждала, что «получила ясное понимание того, что мешает [мне] прийти к [моей] цели, а именно страх и растерянность относительно собственных намерений относительно проекта». Она также упомянула о том, что хотела бы провести следующую сессию, движимая желанием «узнать больше». Лола сказала и о том, что чтение было крайне важно для нее, и выразилась следующим образом: «Оно привнесло определенную ясность в те моменты, которым мне следовало бы уделить больше внимания. Я поняла, как работает Таро в качестве средства самопознания, позволяя выявление проблем личности и их раскрытие для дальнейшего исследования».

3. ОМАР

Омар, чернокожий специалист, глубоко за тридцать, обратился ко мне, не имея какой-либо конкретной проблемы, которую он хотел бы рассмотреть в ходе чтения. Его основным мотивом было то, что его «всегда интересовала наука Таро <...> и хотелось получить персональное чтение». Основной целью чтения стало познание всех перечисленных моментов: прошлого, настоящего,

будущего, самого себя, значимых других, а также желание узнать больше о Таро. Расклад Омара приведен на рис. 6.

И первую, и вторую позицию заняли карты больших арканов, Иерофанта и Дурака. Поскольку Омар не обозначил никакой наличествующей проблемы, я связала первую карту, Иерофанта, с духовным поиском в жизни Омара. В середине своего жизненного пути он, вероятно, очутился в сумрачном лесу, и теперь искал

Рис. 6

выхода из этой ситуации, как это было у Данте в Божественной Комедии. Судя по всему, Омар достиг определенных высот в материальном мире, и теперь ему представлялась возможность начать новый жизненный цикл, о чем говорил Дурак. Здесь Омар заметил, что он всегда хотел заняться чем-то новым, и на данный момент готов был начать свое дело. Иерофант же показал, что Омар, ощущая благодать внутри себя, готов двинуться в мир и испытать свои ценности и убеждения самостоятельно, применив их на уровне физической реальности. Поэтому ему и следует начать новый путь, предложенный Дураком, и встретиться с множеством неведомых ранее переживаний.

Вероятно, не так давно он уже проводил некоторую подготовительную работу, о чем говорит восьмерка жезлов, и его разум не встретил никаких препятствий в своих изысканиях. Теперь же пришло время для новых дел и начинаний, и сейчас Омар как раз стоял на пороге грядущих свершений.

Тройка кубков в третьей позиции прояснила вопрос о том, что же сподвигло Омара на этот поиск. В его личной жизни царили покой и благодать, и теперь, чтобы сохранить счастье — свое и значимых других — он чувствовал необходимость в завоевании новых высот.

Но были ли эти славные намерения сообщены ему коллективным бессознательным? Ответом стало одновременно и нет, и да! Десятка жезлов в пятой позиции служила предостережением: хотя Омар и был человеком, привычным к тому, чтобы сносить все бремя ответственности на своих плечах, его новая цель и связанный с ним выбор могут стать для него слишком тяжелой, вероятно, даже непосильной ношей. И ее он, со всей определенностью, готов взвалить на себя сам. Вопрос стоял в подходе к новому делу, и наставление другого большого аркана, Умеренности, стоящей на шестой позиции, говорило о том, что стоит успокоиться, пересмотреть прошлые достижения и, возможно, пересмотреть приоритеты, на которых строится жизнь Омара. Умеренность пойдет ему только на благо; не стоит торопиться и нужно отнестись к себе более снисходительно. Здесь Омар, руководствуясь возникшими свободными ассоциациями, сделал некоторые комментарии, которые только подтвердили сказанное картами. Его мать была разведена, и можно предположить,

что Омар принял на себя роль и обязательства отца, чтобы облегчить ее жизнь. Его первый брак также закончился разводом, и в существующих отношениях Омар прилагал серьезные эмоциональные и физические усилия, чтобы создать видимость идеальной семьи. Рыцарь кубков, показывая ситуацию в целом, охарактеризовал Омара как чувствительного и внимательного мужчину, склонного к идеализму и романтическим переживаниям и надеющемуся заполнить чашу в своих руках добрыми делами для тех, кто в них нуждается. Его моральные стандарты находились на высочайшем уровне, и сам он стремился к совершенству. Подобно рыцарям в поисках Святого Грааля, Омар также стремился к тому, что почитал единственно Истинным.

Образ Умеренности в этом ключе стал особенно важным и своевременным напутствием для Омара, особенно если учесть, что его дело касалось грядущих инвестиций для улучшения финансового благосостояния своей семьи.

Все чаяния Омара были сосредоточены на безопасности и благоденствии его семьи, о чем можно было судить по тузу пентаклей и девятке кубков в седьмой позиции. Сознательно он был готов сражаться за свою семью, и семь жезлов продемонстрировали его доблесть и верность своим идеалам.

Однако, тот факт, что три карты, выпавшие в седьмой позиции, что рациональное мышление Омара и без того перегружено, что еще раз подтвердило важность следования наставлению Умеренности и необходимость временного перерыва. Тройка жезлов в восьмой позиции показала, что значимые «другие» Омара оказали ему необходимую поддержку, и с радостью примут часть его забот, стоит только Омару позволить им это сделать. Сам же Омар признал это, его жена и без того помогала ему во множестве дел, однако, мне показалось, что эмоциональная нагрузка тем не менее, полностью лежала на нем — пусть лишь на бессознательном уровне, потому лишь, что так ему было привычнее.

Тут я снова повторила предостережение десятки жезлов, сказав, что эмоциональная и ментальная нагрузка, если Омар продолжит сносить ее в одиночку, может стать для него той самой последней соломинкой, что переломит его спину. Омар же ответил, что просто хотел, чтобы его семья была счастлива, и чтобы счастливы были его дети от первого брака. Был ли в этом

след вины? Карта в девятой позиции, семь мечей, указала на тревогу, связанную с некоторым событием, а также вызванные им неудобства и тенденцию к эскапизму. Омар объяснил это тем, что своих детей от предыдущей жены он воспитывал в одиночку. Настроение же семерки мечей, передаваемое персонажем, вовлеченным в некоторое неприглядное действие, в сочетании с девятой позицией, отвечающей за надежды и страхи, сообщало, что что бы Омар ни сделал для своих детей, этого, по его ощущениям, все равно не будет достаточно. Эта идея осела в его бессознательном и проявилась в едва уловимом — но все же отразившемся в раскладе — ощущении вины, смешанным с обостренным чувством ответственности и преданности; возможно, подсознательно Омар предполагал возможность предательства и потери доверия между ним и детьми к определенному моменту.

И тем не менее, шестерка мечей в десятой позиции показала, что общий фон, связанный с новым начинанием Омара, характеризуется удовлетворением, победой и умиротворением ума. Эта карта обозначила и спад того напряжения, что толкало Омара на все новые и новые дела. Оно было связано, по всей видимости, с тяжелыми воспоминаниями о ссорах (со своей женой, о чем можно судить по расположенным рядом пятерке мечей и шестерке кубков на вспомогательных позициях), связанными с его новым предприятием (тройка монет там же).

Омар попросил разъяснить, что значит карта Умеренности; он хотел более определенной информации. Тогда он вытянул еще одну карту, оказавшуюся четверкой мечей. Она помогла выделить конкретные моменты, и в целом была созвучна с посланием Умеренности: необходимостью взять временную передышку, ненадолго отдалиться от дел и хорошенько обдумать все происходящее. Карта также обещала прояснение, следующее за размышлением над поставленными во время чтения проблемами.

Ранее Омар указал, что хотел бы, чтобы его семья была счастлива, неразлучна и защищена. Тогда он вытянул Повешенного в качестве карты-совета от коллективного бессознательного относительно этого вопроса. Поскольку карта оказалась старшим арканом, а мне все же хотелось дать Омару более конкретную информацию, я попросила вытянуть его еще две карты. Они, в свою очередь, оказались Королем и девяткой мечей. Ассоциации, вызванные

этой последовательностью из трех карт в контексте вопроса о семье Омара, касались того, что нет необходимости жертвовать собой и чем бы то ни было ради благополучия семьи. Не стал ли Омар излишне догматичен или даже агрессивен в своей фиксации на проблемах безопасности и защищенности? Повешенный ясно говорил о том, что все мы живем в достаточно нестабильном мире, и чем больше Омар будет обращаться к этому факту, тем больше бессонных ночей его ожидает в будущем, что проиллюстрировала девятка мечей. Принятие на себя роли Короля мечей может привести Омара к изменению своего характера в таком ключе, который окажется губителен для сохранения благоденствия семьи. Может дойти до того, что гармония семейных отношений будет удерживаться последней тонкой ниточкой. Это Омар прокомментировал, сказав, что подумывал приобрести оружие в целях самозащиты, но не встретил одобрения жены, которая высказалась однозначно против (тему этой ссоры отлично отразила пятерка жезлов). Так что Повешенный в данном случае предлагал принять ситуацию такой, как она существует на сегодняшний день и перестать плодить конфликты внутри семьи, беспокоясь о том, на что сам Омар все равно не сможет повлиять. После этого он приступил к анкете, отметив, что чтение помогло ему приблизиться в своей цели и дополнив свой выбор следующими словами: «Дало мне своего рода понимание о том, как я смотрю на определенные важные для меня вещи». Он также хотел провести следующую сессию, отметив, что «точность ответов только усилила мое любопытство». Чтение было для него крайне важно и исполнено смысла, поскольку ему удалось «многое из него вынести». В целом же он отозвался о нем так: «Прекрасный сеанс. Получил положительные комментарии, которые позволяют эффективнее двигаться дальше».

4. СЭМ

Сэм, белый образованный мужчина сорока лет. Основной причиной для чтения для него стала проблема, возникшая на работе. Целями чтения стали получение информации о его дальнейшем карьерном продвижении, нахождение выхода из сложившейся ситуации, кроме того, он хотел ближе познакомиться с Таро. Расклад Сэма приведен на рис 7.

Рыцарь Кубков в первой позиции показал, что события, имеющие место в жизни Сэма, разворачивались не так стремительно, как он бы того хотел; в сущности, идеалы и устремления Сэма могли до поры оставаться нереализованными. Вероятнее всего, профессия Сэма была связана с миром искусства, поэзии или иных способов эмоционального самовыражения. Сам же он уточнил, является актером, но жить вынужден перебиваясь не связанными с его профессией заработками.

Рис. 7

Старший аркан Суд в третьей позиции дал возможность предположить, что предыдущий этап жизни для Сэма закончился, и сейчас он следует новому зову, как это изображено на самой карте. Глас бессознательного пытался пробудить Сэма ото сна, чтобы его психика наконец раскрылась на новом уровне осознанности. Из расклада следовало, что и сам Сэм понимал, что пришло время выйти на верный путь, и останься он при своих нынешних занятиях, ощущение того, что он сам хоронит себя заживо, как это отражено в сюжете Суда, окончательно его подавит. Для него пришла пора осознать свое истинное призвание. Сэму просто необходимо было двигаться туда, куда движут его таланты и способности, отображенные в другом большом Аркане, Маге на пятой позиции; туда, где они будут оценены и вознаграждены должным образом.

Однако, все выглядело так, будто в прошлом для этого не было серьезных предпосылок. Семерка мечей в четвертой, отвечающей за прошлое, позиции, показало, что нынешняя стагнация для Сэма была вызвана глубочайшим переживанием поражения, возможно, даже предательства. Тут Сэм заметил, что он действительно чувствовал себя обманутым, поскольку некто не выполнил своего обещания, касавшегося важного для его карьеры предложения или контракта, и произошло это сравнительно недавно. Были ли какие-либо психологические причины тому, что Сэму не удалось получить обещанный контракт, причины, не связанные с внешними обстоятельствами?

Все ментальные ресурсы Сэма, судя по карте Пажа кубков в седьмой позиции, были направлены на обеспечение благосостояния его ребенка или детей в ущерб карьере, на которую у него не оставалось ни сил, ни времени, ни энтузиазма. Многие из идей и планов Сэма до сих пор не воплотились в жизнь по вине выработанных за долгие годы черт характера, на которые указала восьмерка мечей, выложенная вне позиций, с двумя дополняющими ее картами, тузами жезлов и пентаклей: творческими начинаниями и профессиональными успехами. Так, согласно восьмерке мечей, Сэм не в полной мере осознавал собственный творческий потенциал, и долгое время закрывал на него глаза, даже когда представлялась возможность работать по профессии. Сэм двигался по жизни вслепую, то и дело натываясь на вытесненные чувства, невыраженные эмоции

и не давая им возможности проявиться. Более того, большой аркан Императрица во второй позиции говорил о том, что на глубинном уровне в психике Сэма господствовал мощный материнский архетип. Перекрывая первую карту, Императрица, вместо того, чтобы оказать благоприятное влияние на Сэма, лишь сдерживала его, воздействуя на его личность так, что всякий личностный и профессиональный рост осложнялся до предела.

Преданный идеалам Рыцарь кубков, нынешняя персона Сэма, ничего не мог противопоставить архетипу Матери. Будучи потрясающей сама по себе, нежная, «материнская» натура Сэма тем не менее никак не помогала ему в достижении желаемых целей. Наоборот, часть этой материнской природы, склонная к гиперопеке, готова была работать сверх нормы, не получая за это никакой платы. Этот разлад между противостоящими друг другу силами сознания и бессознательного и завел его в тупик, о чем говорила восьмерка мечей. Это тупиковое состояние, однако, служило показателем того, что теперь Сэму ничего не остается, кроме как оборвать пуповину. Пришло время обратить взгляд к тому, что мешает дальнейшему продвижению, особенно с учетом того, что кто-то уже успел воспользоваться недальновидностью и нерешительностью Сэма (Рыцарь кубков) и передал обещанный ему контракт другому претенденту — вероятно, менее талантливому, но более предприимчивому. Безусловно, Сэм мог добиться успехов в своей области (Маг на пятой позиции), но придерживаясь нынешнего Я, готового позаботиться о других в ущерб себе, он едва ли окажется способен их развить.

Последовательность из трех карт в пятой позиции — Маг, шестерка мечей и Дьявол — говорила о высокой вероятности того, что Сэм продолжит колебаться между своими подлинными талантами и амбициями и теневой частью его личности, делающей его зависимым и постепенно погружающей все глубже и глубже в бездну бессознательного и удерживая там, словно на цепи. Эта теневая цепь Дьявола была, судя по всему, была куда сильнее, чем инструменты Мага, потенциально доступные Сэму и представленные в форме множества способностей и талантов. Но Сэм возразил и указал на мою неправоту: по его мнению, он вовсе не был зависим; в поддержку своих слов он упомянул о том, что мог бы отказаться от работы, если бы ему не приходилось обеспечивать

жену, пока та получает юридическое образование. Это было его рациональным обоснованием того, что зависим был вовсе не он, а его жена, которой необходима его финансовая поддержка. Вот такая вот бессознательная защита собственной Тени!

Важно отметить, что тройка мечей, будучи одним из наиболее драматических образов в колоде, оказалась на восьмой позиции, связанной с окружением, и показала, что дома Сэм определенно был лишен какой бы то ни было поддержки.

Прежде, чем рассказать о значении карты Сэму, я спросила, ощущает ли он поддержку, исходящую от домашних, ведь тема была весьма деликатной. Он же ответил, что никогда не чувствовал таковой, но постепенно свыкся и научился жить с этим. Таков был Дьявол в действии: он отобрал у Сэма чувство собственного достоинства и заключил Сэма в кандалы, заставляя сдерживать свои истинные чувства, пребывая в состоянии полного отрицания сложившегося положения дел.

Как писал Юнг, архетип Тени с легкостью завладевает человеческой психикой, подкрепляя любые проекции. Тройка мечей также позволила судить о связанных с Императрицей аффектах и воздействиях. Сэм был движим пришедшим в действие архетипом Матери, придерживаясь модели поведения, направленной на проявления любви, внимания и поддержки по отношению к значимым другим, как дома, так и на работе; не ощущая взаимности, он лишь растрачивал свою энергию и стал попросту неспособен достигнуть собственных целей в профессиональной сфере. Сэм был рабом эмоциональной, а также, вполне вероятно, и сексуальной зависимости, стоящей за образом Дьявола; словно скованный своими чувствами к жене, он не был способен ни увидеть ситуацию со стороны, ни предпринять каких-либо действий. Однако, его жена никак не отвечала на его чувства (и, если судить по трем мечам, вполне могла угрожать разводом, который окончательно разбил бы сердце Сэма), тем самым создавая дисбаланс в его психике. Дьявол также говорил о том, что Сэм, хотя и сознательно приучил себя «жить с этим», действовал движимый одними лишь теньными инстинктами и образовавшейся созависимостью, полностью лишенный эмоциональной поддержки и любви. Проблема созависимости, обозначенная Дьяволом, требовала дальнейшего изучения и проработки.

Король кубков в позиции ожиданий советовал Сэму наладить контакт с этой стороной своей личности, перестать отрицать свои истинные чувства и принять тот факт, что отрицание имеет место быть. Положительным моментом стала Колесница, характеризующая общее положение дел и Смерть, стоящая в «итоговой» позиции, обе карты обозначили готовность к началу трансформаций, в результате которых Сэм из Рыцаря кубков превратится в той же мере благородного и великодушного, но помимо того, еще и мудрого Короля кубков. Колесница указала на то, что у Сэма определенно хватает энергии, необходимой для того, чтобы добиться желаемого, а также чтобы удержать под контролем свои бессознательные склонности через их осознание. Из инертности, идеализма и незрелости Рыцаря кубков, Сэм, увлекаемый Колесницей, войдет в новый жизненный цикл, характеризующийся изменениями и преобразованиями, которые символизирует Смерть. Но безусловно, влияние Дьявола может проявляться параллельно с трансформационным процессом развития и взросления, и Смерть здесь говорит о том, что путь к индивидуации не будет безболезненным: Сэму предстоит самостоятельно разорвать свои оковы и пережить изменения основополагающих шаблонов собственной психики, чтобы прийти к заслуженному успеху. На бытовом же уровне Королева жезлов в шестой позиции, отвечающей за неизбежные события грядущего, обозначала активную поддержку, оказываемую женщиной, возможно, коллегой Сэма, которая будет внимательна к его положительным качествам, и с готовностью поможет ему в профессиональных вопросах. Здесь Сэм уточнил, что уже собирался позвонить своему агенту и ожидал от нее поддержки в своих делах. После этого он задал вопрос относительно состояния своего здоровья (что стало реакцией на поднятую в чтении тему перерасхода энергии).

Он вытянул карту, оказавшуюся тузом мечей. Здоровье Сэма было подорвано, вплоть до той степени, когда ему просто необходимы уход и забота, ведь до сего момента его жизнь была непрекращающимся сражением с бесчисленными трудностями, негативно сказавшимися на его состоянии.

Тем не менее, поднятый острием вверх меч сулил победу над болезнью, особенно с учетом того, что эмоциональное

и ментальное состояние Сэма должны были пойти на лад в результате тех озарений, которые дало ему чтение. Проблемы, выделенные в ходе чтения, оказались особенно болезненными для Сэма, и его ответы в анкете только подтверждали это. Он указал, что изначальная цель была достигнута чтением лишь отчасти, и не написал ничего более.

Безусловно, Смерть как итоговая карта лишь запустила нужный процесс, а не дала мгновенного ответа на все мучавшие Сэма вопросы, и пребывать в некотором замешательстве для него на тот момент было вполне естественно, особенно учитывая тот факт, что он оказался в конце одного жизненного цикла и в начале другого. Он также захотел провести повторный сеанс, не объясняя, однако, зачем и почему, а лишь отметив, что чтение было важно для него, поскольку «наметило некоторые проблемы» в его жизни. В целом же он охарактеризовал весь процесс следующим образом: «Я, в самом деле, остался доволен чтением. Оно заставило меня понервничать, задевая за самое болезненное». Что ж, архетипическое влияние Смерти и Дьявола в одном раскладе может быть невыносимым: разрыв со старыми привычками, представленными цепями Дьявола и избавление от давно поблекших мыслей и чувств начали процесс взросления и выработки характера для Сэма.

5. ЛИНА

Лина, чернокожая девушка, моложе тридцати, с образованием. Ей чтение требовалось, чтобы определиться с дальнейшей профессией. Саму проблему она обозначила следующим образом: «Я не удовлетворена той работой, на которую меня назначили. Мой статус и обязанности даже толком не определены». Лине хотелось бы узнать о будущем и понять, насколько успешны будут ее начинания, а также понять, насколько верными были решения, принятые относительно профессии. Расклад Лины представлен на рис. 8.

Общее настроение расклада продиктовано большими арканами Солнце и Маг, говорящими о целостности и гармонии. Это также охарактеризовало Лину как человека, свободного от внутренних конфликтов, по крайней мере, на момент чтения.

Все в ее жизни и психике, на первый взгляд, пребывало в гармонии, и Лина подтвердила это, добавив, что считает себя одаренной свыше, поскольку ей посчастливилось иметь хорошее детство и любящую семью.

Паж и туз кубков на первой и второй позициях соответственно, показывали эмоциональную связь, которая началась весьма неуверенно, но на данный момент вышла на новый, более

Рис. 8

глубокий уровень романтических отношений, основанных на взаимопонимании и поддержке. Вероятно, поначалу Лина была не до конца уверена в собственных чувствах, поскольку до сего момента вела себя весьма настороженно, когда дело касалось вступления в новые отношения.

Девять жезлов в четвертой позиции «прошлого» говорили о том, что Лина действительно держит ухо востро, возможно, ожидая нового удара, поскольку старые раны до сих пор напоминают о себе. Однако, в запасе у нее было еще достаточно сил. Сама она сказала, что некоторое время назад готовилась к свадьбе, но помолвка была разорвана. Не удивительно, что новые отношения она рассматривала крайне серьезно, принимая во внимание такие факторы, как зрелость, искренность намерений партнера и его надежность, что отражалось тузом пентаклей в третьей позиции, говорящей об истоках возникшей ситуации.

Солнце в пятой позиции указало на удачное и благоприятное продвижение всех дел Лины, и когда она задала уточняющий вопрос относительно того, верным ли был выбор, совершенный ей в личной жизни, из колоды вышла Королева кубков, подтверждая, что ее решение было продиктовано искренними чувствами, а партнер действительно испытывает к ней глубокую эмоциональную привязанность. Лину же как Королева кубков характеризовала определенная степень осознания собственных эмоциональных глубин, а такие ее качества, как чуткость и нежность, уравновешенные самодостаточностью, завоевали любовь партнера.

Перед лицом ожидающей ее ответственности Лина хотела бы чувствовать себя столь же самодостаточной и на работе; и тут Маг в шестой позиции однозначно предвещал достижение ее целей. Лина обладала не только необходимыми способностями, решимостью и ясным осознанием пониманием собственных устремлений — образ Мага также включал идею помощи свыше, словно ангел-хранитель Лины постоянно присматривал за ней. Здесь вмешалась сама Лина, сказав, что после кончины отца она ощущала его присутствие и поддержку, прислушиваясь к его советам, словно он был жив до сих пор. Это сопровождалось достаточно ярким проявлением эмоций, но даже слезы Лины были чисты, словно отражая чистоту ее души.

Ее ум, однако, был занят оценкой ситуации с работой. Она ощущала, что с ней обошлись не должным образом (карта Справедливость в седьмой позиции), и нынешняя должность не давала ей возможности проявить инициативу (Паж жезлов), к тому же платили ей меньше, чем она того заслуживала (Рыцарь пентаклей), а дела с повышением обстояли крайне неясно.

Пятерка мечей в восьмой позиции, характеризующей окружение и систему поддержки, указала на становящееся все более угнетающим положение на работе; Лина, однако, выбрала верный курс действий, сохраняя спокойствие и воздерживаясь от пререканий.

Такое поведение могло вызвать у ее коллег ошибочное мнение о том, что Лина не знает себе цену, но действовать так, проявляя гибкость и приспособляемость (тройка пентаклей в девятой позиции) на работе было единственно верным решением.

Не ввязываясь в ненужные споры, Лина, пусть и обделенная той силой, благодаря которой она могла бы двигаться вперед, все же совершила верный шаг, сделав повышение возможным для себя — она получила сертификат или диплом, который в будущем мог бы помочь ей избавиться от ограничений, налагаемых ее нынешней должностью (восьмерка мечей и Паж пентаклей на дополнительных позициях). Этот шаг должен был принести Лине победу, и она была обречена на успех, как о том говорила соседняя шестерка жезлов.

Лина подтвердила сообщение, выданное картами, сказав, что она прошла преподавательскую аттестацию и ожидала результатов.

Королева жезлов в десятой позиции указала на то, что повышение будет зависеть от женщины, под руководством которой она работает. Далее была вытянута десятка жезлов, дополнившая придворную карту, Королеву, стоявшую в итоговой позиции и потому, как и любая карта двора на этом месте, требовавшую разъяснений. И дополнительная карта несла сообщение о том, что Лине стоит быть осторожной и не принимать на себя обязанностей, лежащих вне области ее компетенции, ведь Королева жезлов склонна использовать своих «слуг» на полную.

Тройка пентаклей, характеризующая ситуацию в целом, однако, показала, что достижения и профессиональный рост

Лины были приняты во внимание работодателем, и оценены крайне положительно.

По окончании чтения Лина отметила в анкете, что чтение послужило обозначенным целям, объяснив это так: «Я считаю, что чтение укрепило мою уверенность». Она не была уверена относительно необходимости следующего сеанса, поскольку была удовлетворена и уже состоявшимся чтением, а также добавила, что «возможно ей это понадобится, если что-нибудь изменится». Чтение стало для нее значимым и важным, сама она пояснила это так: «со значительной частью того, что я узнала из чтения я могу согласиться, это дало мне более ясное представление о себе», а в целом охарактеризовала все следующим образом: «Чтение было очень информативным, это позволило мне по-новому посмотреть на талант такого рода и оценить его».

6. МАРИНА

Марина, белая образованная женщина около тридцати, была выпускницей колледжа Пасифик Оукс и именно там подобрала мой флаер. Обозначив проблему в отношениях как основную причину обращения к чтению, она не чувствовала себя в тупике и хотела получить понимание настоящего, будущего, а также себя и значимых других. Также ей хотелось прояснить иные вопросы и лучше понять себя, что она объяснила, что хотела бы разобрать этот период своей жизни «структурировав и оценив его с помощью Таро». Расклад Марины показан на рис 9.

Карта в первой позиции, обозначившая существующую проблему, оказалась десяткой кубков, перекрытой десяткой мечей во второй позиции, и обе десятки указывали на то, что на данный момент ее счастливые и искренние отношения подходили к концу, создавая ощущение, что вся ее жизнь пошла прахом, а истощение ее эмоциональных резервов неуклонно двигало Марину к депрессии. Марина уточнила, что эти отношения длились три года и несколько месяцев назад она вступила со своим избранником в брак.

Грозный вид десятки мечей, однако, говорил не только о возможном завершении отношений, но и об оторванном от реальности, ошибочном восприятии ситуации самой Мариной.

Не исключено, что эти отношения пережили такой относительно долгий срок благодаря тому, что Марина приняла ту перспективу, которая позволяла поддерживать статус-кво все это время. Три карты (вместо одной) для разъяснения третьей позиции отметили сильную жажду осознания Мариной своих бессознательных мотиваций и навалившихся на нее проблем. В раскладе Марины превалировала масть мечей, но было ли это характерным для ее типажа? Вовсе нет. Множество мечей указывало на определенное число юнгианских комплексов и фрагментарное,

Рис. 9

«расщепленное» состояние психики, осколки которой терзали Марину и разрушали ее целостность и понимание себя.

Король мечей в четвертой позиции обрисовал характер ее супруга, и до определенной степени личность самой Марины растворилась в его, что привело к проблемам созависимости (Дьявол как долговременное, пусть и «скрытое» архетипическое присутствие, отмеченное в дополнительной, одиннадцатой позиции), ставшим основной темой чтения.

Дьявол подтвердил наличие влияния юнгианского архетипа Тени, ставшего определяющим фактором в ситуации Марины. В свою очередь, властный и влиятельный мужчина (Король мечей), ее супруг, оказал столь сильное воздействие на ее жизнь и психику в прошлом, что до определенной степени оно прослеживалось и в настоящий момент. Ближайшее будущее, однако, грозило разрушением существовавших до сей поры структур, что отразилось в карте Башни, архетипическом теменосе, в шестой позиции. Изначальное значение греческого слова «теменос» — изолированное священное место, наподобие храма; его синонимом может служить герметически запечатанный сосуд с запаянным верхом, в который ударяет молния.

Теменос в рамках юнгианского анализа обрел коннотации как психологически заряженная область, образовавшаяся вокруг комплекса и переживаемая в символах любого закрытого пространства, как это утробы, тюрьмы или, в данном случае, Башни.

До сего момента Марина только тратила время, оказавшись в тупике, неспособная определить, как ей изменить свой курс и куда двигаться дальше (четверка и двойка мечей в третьей позиции). Она была настолько напугана и до такой степени лишена уверенности в себе, что все ее начинания и взаимодействия (Туз мечей) приносили ей одни поражения, запутывая ситуацию все сильнее и делая ее все менее ясной. Это сообщение подкреплялось и Луной в пятой позиции, говорящей о том, что продолжи Марина действовать в том же ключе, что и сейчас, веря в то, что если не касаться проблем, они рано или поздно исчезнут без ее участия, она придет к одному только самообману.

Возможность архетипического влияния Луны и ее призрачного, окутанного бледным светом мира стало для Марины предостережением о том, что ее нынешнее плачевное состояние

может перерасти в клиническую депрессию или иное серьезное расстройство, если она продолжит игнорировать проблему.

Здесь Марина сказала, что у нее возникали ссоры с мужем, но он, судя по всему, не понимал того, что она хотела ему сказать. Не понимал вполне осознанно, и Марине оставалось только принять ситуацию как она есть, а конфликт тем зашел в тупик (двойка мечей). Стресс достигал критической точки, и Марина ощущала себя беспомощной перед эмоциональной нагрузкой, которая переходила все пределы (десятка жезлов, характеризующая общее состояние дел) на фоне разрывающих ее чувств и противоречащих друг другу мыслей. Она едва справлялась с тем грузом противоречий, который и заточил ее в символической Башне, говорящей в том числе и о существующем распаде. Неслучайно Юнг иллюстрировал идею внутренних противоречий образом башни, которую он на символическом уровне соотносил с Вавилонской, символом ложного всемогущества и необоснованной убежденности, которая априори обречена на разрушение вследствие постоянно присутствующих неразрешенных несоответствий.

Но расположение Башни в ближайшем будущем Марины предполагало, что вскоре тяжкая ноша падет с ее плеч, что и послужит причиной пробуждения осознанности и активизации работы сознания в результате разрушения привычных моделей мышления и поведения.

Этот момент и стал поворотной точкой в ходе сеанса. Когда карты были выложены, мысли Марины были сосредоточены только на желании снова привлечь к себе супруга, возобновить близость (Рыцарь мечей в седьмой позиции) в обоюдной надежде и жажде воплотить в жизнь ностальгические фантазии о романтических отношениях, построенных на взаимном доверии (шестерка кубков в девятой позиции) — но вскоре эти противоречия должны были разрешиться! Фактически, последовательность дополнительно выложенных карт — тройки мечей, стоящей между Дьяволом и Королем кубков — выявила конкретный поведенческий шаблон, присутствовавший в прошлом и имевший тенденцию к повторению в настоящем. Неразрешенный комплекс созавимисности или проблем, связанных с привязанностью и разделением (Дьявол) в конечном итоге должны были

привести к болезненному расставанию (тройка мечей) с человеком, который на деле заслуживал всей полноты доверия и безусловной любви (Король кубков). Это событие и должно было разбить сердце Марины (буквально, изображение тройки мечей). Мечты же о счастливых отношениях обязательно воплотятся в будущем, но лишь после осознания Мариной того, что именно ей стоит взять на себя ответственность за решающий шаг. Таково было послание Башни в позиции неминуемого будущего, говорящее о «крушении», переходящем в новое «возведение» Самости Марины в процессе осознания бессознательного, индивидуации, творения себя.

Разумеется, всякий юнгианский архетип имеет темные и светлые стороны, и это остро проявляется в символизме Башни. Гром и молния с небес, разрушая существующий порядок вещей, а с ним и статическое положение личности в рамках сложившейся ситуации, одновременно и освещают путь к новому порядку и новой идентичности, не только избавляясь от старого, но и создавая новое: сама Марина на тот момент была более не способна выносить мук, причиняемых ее обливающимся кровью сердцем (тройка мечей в одиннадцатой позиции), что вызвало поток словесных ассоциаций, ознаменовавший катарсис (Башня), предсказанный шестой позицией расклада в ближайшем будущем. Ее психика освобождалась от цепей Дьявола, а слабое эго выбиралось из Тени, полной страха и зависимости, двигаясь к Самости путем индивидуации.

В разговоре Марина упомянула, что они с супругом, обсуждая методы контрацепции, достигли обоюдного согласия относительно использования кондомов. Но было ли решение действительно обоюдным, или же продиктованным одной из сторон? Марина признала, что идея принадлежала мужу, и ей лишь оставалось на него согласиться. Тут она, однако, упомянула, что является специалистом по вопросам репродукции; конфликт, таким образом, возник из-за того, что она имела полное понимание собственных циклов, но, находясь во власти Дьявола — т.е. под влиянием теневых проекций ее супруга — она ощущала собственное бессилие (двойка мечей) и неспособность настоять на своем в диалоге с мужем. Он же, будучи воплощением архетипичного Короля мечей, являлся человеком, слабо осознающим собственные

чувства. Я спросила, а проявлял ли он свои чувства вообще? Марина сказала, что лишь единожды он не смог сдержаться и дал волю слезам. Конечно! Типаж Короля мечей предполагает наличие глубоких архетипических проекций сродни юнгианской Персоне. Но между тем, время, отведенное на чтение (50 минут) уже не позволяло нам углубиться в эту проблему, однако, тот факт, что супруг Марины настаивал на использовании кондомов характеризовал его как человека, испытывающего страх перед близостью, что часто свойственно Королю мечей. Тело и телесные контакты (символически относимые к стихии земли) — не то, что предпочел бы Король мечей (мечи ответственны за стихию воздуха). Поэтому муж Марины смог с легкостью спроецировать на нее свою подчиненную функцию, и как бы она ни стремилась получить помощь извне, прибегнув к консультации, он все равно остался бы в своем амплуа Короля мечей.

Шестерка мечей в восьмой позиции показала наличие тенденции к избеганию последствий неудач в отношениях, способность выходить сухой из воды, вопреки всему достигая чувства гармонии.

Эта карта также указала на возможность прихода к примирению и уходу напряжения и тревоги после того, как непростой для окружения Марины период закончится, что подтвердила и девятка кубков в десятой позиции. Эта «итоговая» карта несла в себе сообщение об эмоциональной защищенности и ощущении удовлетворения, исполнении желаний — что станет возможным как следствие осознания Мариной содержания своего бессознательного! А для этого ей потребуется пройти через актуализацию Башни, стремительное и внезапное когнитивное, эмоциональное и духовное пробуждение — процесс, начавшийся уже сейчас, в самый момент чтения.

Переживание этого процесса сопровождалось нескрываемой болью (влияние тройки мечей!), но вместе с тем приносило с собой прилив сил, характерный для инсайта. Через ассоциации, связанные с разложенными перед ней картами, она упомянула о своем желании участвовать в конференции, что потребует от нее четырехдневной отлучки, против чего выступал ее муж, говоря, что будет скучать и отговаривая от поездки. Это звучало как достаточно явная манипуляция, что было вполне в духе Короля

мечей, с его изощренным умом, имеющим склонность к контролю.

Сама же Марина, по ее признанию, боялась, что он может найти другую. За четыре дня? Что ж, это были слова Дьявола, дающего выход глубинной тревоге и созависимости Марины, и теперь пришло время разорвать его узы.

Данная мной интерпретация символики Дьявола позволила выделить новые мотивы в раскладе, такие, как низкая самооценка Марины, недостаток уверенности в себе, скрытый на глубочайшем уровне страх одиночества и боязнь разлуки (что было связано с незаконченным делом, отраженным тремя картами в дополнительных позициях 11–13).

Впоследствии Марина сказала, что решение принято, и она поедет на конференцию. Динамика прослеживалась и в шестерке мечей: символическое движение к тихим водам актуализировалось в реальном путешествии, которое она и собиралась предпринять, а оно в свою очередь, должно было «вызвать» дальнейшее развитие отношений с супругом. Также я предложила Марине достать одну карту из колоды, чтобы проверить, как складывается ситуация и, возможно, получить совет от коллективного бессознательного, на что она согласилась. Перевернув карту, она обнаружила большой аркан Маг. Маг, ментор, полная противоположность Дьяволу, говорил о том уроке, который Марине только предстояло пройти в школе жизни.

На глубинном уровне Маг представлял собой Гермеса, бога-вестника, покровительствующего быстрым действиям и решениям, что открыло для Марины ее потенциал и побудило взять инициативу в свои руки и направить усилия на достижение собственных целей. Он же убедил ее поговорить с мужем, вселив уверенность в то, что она сможет подобрать верные слова, а он будет готов ее выслушать. Энергия архетипа, теперь открывшаяся Марине, взывала к дерзать, желать и действовать. Ее сознание буквально восстало из глубин бессознательного «ада», подвластного Дьяволу, и вознеслось к «небесам», где правит Маг.

Марина ответила утвердительно на вопрос о том, помогло ли чтение в достижении ее целей, пояснив это так: «оно позволило мне обозначить полюса таким образом, который дал мне возможность помочь себе самой на пути роста и обретения необходимого мужества <...> чтобы войти в новый цикл». Она также выразила

желание провести повторный сеанс, чтобы «обратиться к Таро за разъяснениями, как только я войду в новый жизненный цикл». Чтение оказалось важным для Марины и помогло ей, по поводу чего она написала: «Очень помогло! Оно вывело меня из состояния шока и укрепило мои силы». В целом она охарактеризовала сеанс так: «Очень важная, профессиональная работа! Тот самый вид помощи и консультации, который был так необходим и смог обеспечить многоплановый подход к психике».

7. РЕНАТА

Рената, белая женщина за сорок, аспирант колледжа Пасифик Оукс. Она пришла с ребенком на руках, а неподалеку играла ее маленькая дочь. Как основную причину для чтения она назвала проблему в профессиональной сфере, сказав также, что хочет упорядочить собственную жизнь. Целью чтения она отметила желание обрести понимание настоящего, будущего и самой себя, а также рассмотреть наиболее подходящие варианты дальнейших действий. Помимо того она хотела прояснить некоторые сомнительные моменты, узнать о путях решения существующих проблем и обрести осведомленность относительно того, что она назвала «вехами на пути — поглубже взглядеться в то, что находится прямо передо мной». Расклад Ренаты представлен на рис 10.

Преобладание больших арканов указало на то, что с большой вероятностью Рената была человеком высокого духовного уровня, способным воспринимать тот курс, которым ведет ее бессознательное. На такую интерпретацию Рената ответила, что по духовным воззрениям она является буддистом и часто прибегает к медитации. Карта Умеренности в первой позиции, перекрытая другим большим арканом, Отшельником, показала, что в нынешнем жизненном цикле Рената достигла состояния принятия и сдержанности, и уже встала на путь юнгианской индивидуации своей Самости. Юнгианский архетип Мудреца (Будда как Отшельник) направлял ее в духовном поиске; она обрела мудрость на пути самопознания и научилась применять закон кармы в своей повседневной жизни, свободной от столкновений и конфликтов.

Основой ее жизненной философии и мировоззрения служил активизированный архетип Матери, который также руководил ее

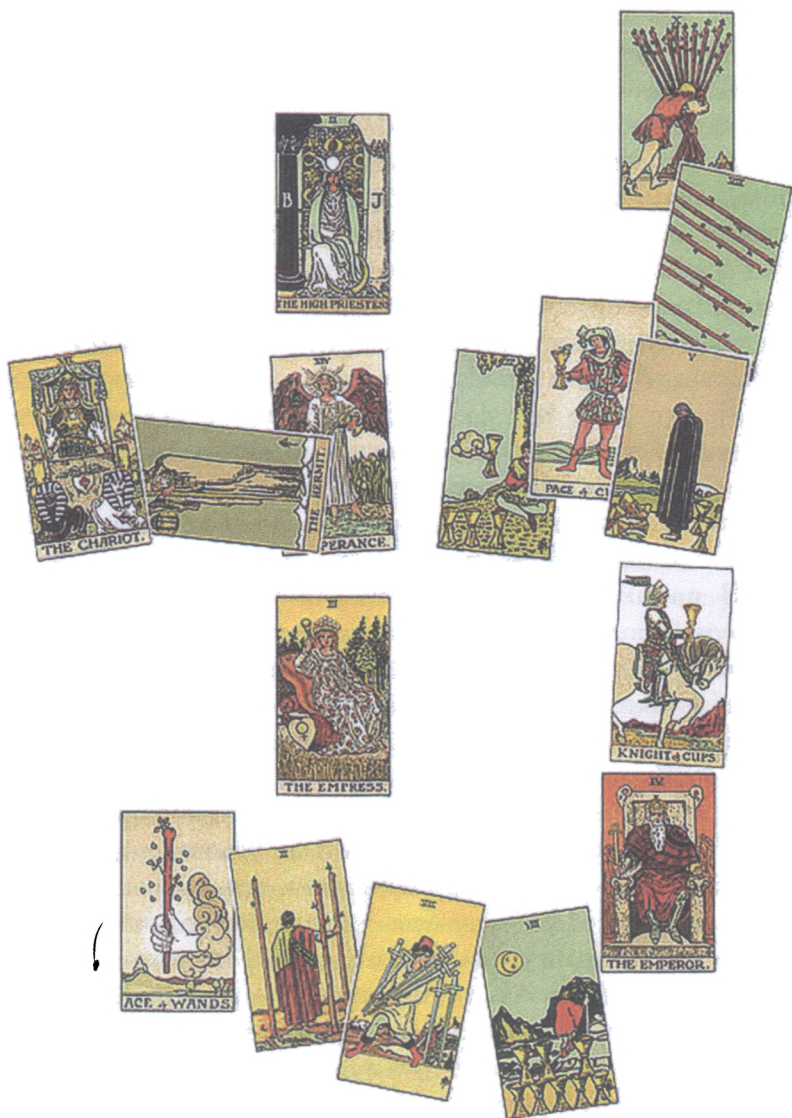

Рис. 10

продвижением по пути, Императрица на третьей позиции стала неотъемлемой частью психики Ренаты. В душе она была человеком заботливым, способным дарить и принимать любовь, но при этом ее разум дополнял сердце с помощью актуализованного архетипа Отца — Императора на седьмой позиции.

В психике Ренаты установился безупречный баланс, что и проявилось на бытовом уровне как наличие идеального партнера. Здесь вмешалась сама Рената, сказав, что встретились они в поздние годы, но при этом она была одарена прекрасным супругом. Рыцарь кубков в восьмой позиции изображал ее мужа как чувственного и благородного человека с духовными устремлениями и притом весьма молодого сердцем; к Ренате он и сейчас испытывал те же романтические чувства, что и в тот день, когда сделал ей предложение. Верховная Жрица в пятой позиции указала на возможность достижения еще более высокого уровня духовной осведомленности. У нее имелся потенциал буквально исполниться благодати, если уроки умеренности и достижения компромисса будут усвоены, необходимые ограничения приняты, а почтение к духовным силам станет частью ее повседневного опыта.

В прошлом, как говорил большой аркан Колесница на четвертой позиции, Рената уже усвоила урок сдерживания и отслеживания своих конфликтующих черт характера и преодоления препятствий, оставаясь верной себе. Это сделало для нее доступной силу знания, когда бы она того ни пожелала. Такая интерпретация вызвала у Ренаты поток свободных ассоциаций, касающихся чтения, где она упомянула землетрясение в Лос-Анджелесе, во время которого она, руководствуясь интуицией, решила отправиться в поездку на день раньше, и в ночь, когда произошло Нортриджское землетрясение, она с семьей уже покинула долину Сан-Фернандо, где располагался их дом, по стечению обстоятельств разрушенный той же ночью! Карта в шестой позиции, неизбежного будущего для Ренаты, четверка кубков, вернула нас с высот духа в материальный мир. Она советовала Ренате обратиться к медитации прежде, чем принять какое-либо предложение, и хорошенько подумать перед любым решением. Руководствуясь ассоциациями, возникшими при виде изображения на карте, Рената сказала, что ей представилась возможность пройти обучение в своей профессиональной

области: четверка кубков, однако, советовала не торопиться (что было весьма в духе Умеренности), ведь вскоре может возникнуть другая возможность, и выбор повременить с окончательным решением может пойти только на благо.

В восьмой позиции, ответственной за надежды и страхи, встали три карты, что отмечало важность этой конкретной позиции для самой Ренаты. Я истолковала последовательность Паж кубков, пятерки кубков и восьмерки жезлов интуитивно, спросив Ренату, не пришлось ли ей в прошлом потерять ребенка, и не скорбела ли она до сих пор, надеясь на новую беременность. Тема была очень деликатная, и вне чтения я бы, вероятно, даже не задала такого вопроса. Рената же ответила, что все верно, дважды у нее случился выкидыш, и несмотря на то, что она была одарена двумя детьми, они с мужем хотели завести еще одного, как только младший подрастет.

Десять жезлов в качестве наиболее вероятного разрешения ситуации предлагали Ренате набраться сил перед тем, как взять на себя очередную ответственность. Ей требовалось заняться здоровьем, поскольку работала она весьма усердно, и пусть дух ее был на высоте, физические ресурсы приближались к своему пределу. Это сообщение было тесно связано с советом четверки кубков, подумать над возникшими идеями и прибегнуть к медитации перед тем, как воплощать их в жизнь, что согласовалось с принятой Ренатой буддистской практикой медитации и осознанности.

Эта карта служила предостережением, которое, в совокупности с Верховной Жрицей на пятой позиции, предлагало Ренате всерьез прислушаться к советам всего расклада!

Дополнительные карты Туза жезлов, тройки жезлов и семерки мечей наглядно продемонстрировали, что далеко не все воплощаемые Ренатой идеи пойдут ей во благо, и в определенный момент она может просто сорваться.

Тут Рената выразила желание задать несколько уточняющих вопросов. Ее дом, разрушенный землетрясением, уже восстанавливался, и она хотела узнать, насколько профессионально выполняет свою работу нанятая бригада. Из колоды она вытянула две карты, перевернув которые, обнаружила Паж мечей и семерку кубков. Эта связка говорила о весьма халатном отношении к делу, пусть и не имеющем под собой злого умысла, но явно связанном

с безразличием к потребностям других; работа велась поспешно, «без души». Простые моменты намеренно запутывались, что-то укрывалось, так что Рената поняла, что нанятым рабочим нельзя полностью довериться. Когда она задала бытовой вопрос относительно того, что делать с оплатой этой бригаде, коллективное бессознательное через шестерку жезлов, которую она вытянула, подтвердило уже существовавшее у Ренаты намерение, касающееся того, как провести оплату — оно было лучшим выбором в данной ситуации и результат был бы оптимальным.

Ее также интересовала возможность получить новую работу, особенно с учетом совета не спешить с принятием уже предложенного ей варианта. Она вытянула карты, оказавшиеся старшим арканом Колесо Фортуны и двойкой жезлов. События уже готовы были произойти, и новая глава ее жизни готова начаться, уже скоро новые возможности представятся Ренате. Представившийся период ожидания лучше потратить на изучение состояния рынка труда, до тех пор, пока не придет нужное время. Помимо того, она спросила о возможности закончить аспирантуру досрочно. Выпавшими картами оказались Королева мечей и восьмерка мечей, говорящие о препятствиях и ограничениях, связанных, вероятно, с существующими сложностями в отношениях между Ренатой и женщиной, находящейся на руководящей позиции, вероятно, ее научным руководителем. А поскольку расклад в целом указывал на то, что не следует принимать новых обязательств, которые могут негативно сказаться на здоровье Ренаты, эти карты только подтвердили идею о том, что лучше не торопиться, а принять ситуацию как есть — пожалуй, то же посоветовал бы Будда — и прибегнуть к медитации, что было бы наилучшим решением, а помимо того, сосредоточиться на завершении исследовательского проекта, необходимого для окончания обучения, пусть это и слегка ограничит свободу и самостоятельность Ренаты на этот период.

Рената заполнила анкету, указав, что чтение помогло ей в достижении собственных целей и она «получила информацию о том, как стоит встретить грядущий период в жизни — с медитацией и принятием того, что придет». Она также выразила желание провести второй сеанс и написала следующее: «Инна крайне внимательный человек. Ее озарения меня очень порадовали».

Чтение также показалось ей важным и полезным, поскольку она «получила четкие ответы о том, что следует предпринять». В целом же чтение она охарактеризовала так: «Прекрасное начинание. Прошу, оставайтесь на связи!»

8. ПЭМ

Пэм, белая женщина с образованием, старше сорока — она пригласила меня к себе домой для проведения двух чтений, для нее и для ее мужа (см. 9. Росс). Основной причиной для чтения она обозначила проблему в профессиональной сфере, пояснив, что собирается сделать выбор между несколькими возможными вариантами продвижения своей карьеры. Целями чтения для Пэм стали обретение понимания будущего, себя и значимых других, а также поиск возможных решений в сложившейся ситуации, обретение уверенности и самопознание. Расклад Пэм представлен на рис. 11.

Первая позиция оказалась занята большим арканом Суд. Это свидетельствовало о том, что по духовному уровню Пэм уже переросла свою нынешнюю профессию, и на глубинном уровне «психоида» коллективного бессознательного ясно чувствовался позыв к оценке своих прошлых достижений и себя самой. Остаться в нынешнем положении для нее означало деградировать духовно или, на бытовом уровне, продешевить, не зная себе цены. Однако, вовсе не в материальном плане. В сопоставлении с уровнем личностного развития Пэм, ее нынешняя должность стала для нее слишком «тесной», и пришло время перешагнуть сдерживающие ее рубежи и устремиться к новым горизонтам.

Трубный глас уже гремел на всех уровнях психики Пэм, и она была готова к символическому «перерождению». Аркан Суд часто говорит о профессии как призвании, в противоположность простому способу заработка. Процесс оценивания уже шел полным ходом, и здесь коллективное бессознательное сообщало ей о необоснованной недо- или переоценке себя.

Здесь Пэм вмешалась, сказав, что уже готова была сделать выбор касательно смены карьерного пути, перейдя от должности школьного учителя к преподаванию либо в правовой академии, либо в академии художеств, либо взявшись за кандидатскую программу.

Рыцарь кубков во второй позиции говорил о возможности выбора в пользу области искусств, что, однако, может наложить некоторые ограничения на стремление Пэм обеспечить благополучие семьи (десять кубков в четвертой позиции). Другой большой аркан, Иерофант, стоящий на пятой позиции, служил репрезентацией скорее консервативных, в противовес творческим, влияний, и как карта большого аркана, говорил о большей силе этих влияний, нежели тех, что олицетворял Рыцарь кубков.

Рис. 11

Судя по всему, более традиционное карьерное направление, для которого характерны символизируемые Иерофантом утвердившиеся порядки, законы и правила, стало бы для Пэм куда лучшим выбором, согласующимся с ее глубинными желаниями на духовном уровне. На психическом уровне такой выбор также нес в себе высокую вероятность обеспечения защищенности и стабильности всей семье, о чем говорила карта в «итоговой», десятой позиции — десятка пентаклей.

Могло ли быть так, что в жизни Пэм присутствовала женщина, вероятно, родственник, которая была особенно расположена к ней, оказывала поддержку в ее начинаниях и была близка к ней настолько, что общение происходило на тончайшем уровне? Королева кубков на третьей позиции олицетворяла также женскую энергию, движущую Пэм по ее пути и не исключено, что находящую отражение в ее снах. Тут Пэм сказала, что часто видит во сне свою бабушку, уже почившую, которая действительно разговаривает с ней. Королева кубков, оказывающая столь мощное и позитивное влияние на Пэм, пребывала в области бессознательного, и, следовательно, к посланиям бессознательного, получаемым через сны, следовало относиться крайне внимательно, поскольку они направляли Пэм по пути, наиболее благоприятному для нее.

Последовательность из трех карт, оказавшихся на дополнительных позициях с одиннадцатой по тринадцатую, указывали на присутствие энергии, наполняющей повседневную жизнь Пэм (также я заметила, что пара из Пажа кубков и пятерки кубков расположилась так же, как и в раскладе Ренаты). Сперва смутившись, я все же спросила, не мучали ли ее мысли о потерянном ребенке (и тут пятерка кубков явно свидетельствовала о том, что она все еще скорбит о потере близкого человека). И Пэм признала, что несколько лет назад у нее действительно случился выкидыш. И чувства скорби и утраты, судя по положению карт, были свежи, как никогда, и их переживание было крайне эмоционально. Пэм все еще не могла расстаться с прошлым (двойка жезлов), постоянно возвращаясь мыслями к своей утрате. Но будущее уже готовило ей новые возможности по прошествии периода ожидания. Пэм определенно пыталась сформировать новый взгляд на вещи, и двойка жезлов указывала на то, что для этого может потребоваться

значительное упорство, которое сможет перебороть любые препятствия, а изображение на карте намекало на некоторый не реализованный до поры потенциал. Здесь Пэм сказала, что подумывает о том, чтобы усыновить ребенка.

Шестая позиция неминуемых событий будущего представлена связкой из трех карт, и именно она вызывала у Пэм наиболее сильное беспокойство. Существовала высокая вероятность конфликта — возможно, непрямого, но тем не менее, крайне чувствительного для Пэм, и инициирован он будет не ей самой, а другой женщиной, представленной Королевой жезлов, и столкнутся они в связи с переездом (пятерка жезлов и рыцарь жезлов). На такую интерпретацию Пэм ответила, что к ней приехала подруга из Тайланда и остановилась у нее дома. Весь день Пэм провела в непрекращающемся внутреннем конфликте, вызванном присутствием под ее крышей другой женщины. Когда же она спросила, возможно ли как-то прояснить эту проблему, выпавшей картой оказался Повешенный. Все вело к тому, что сложившаяся ситуация была своего рода испытанием для Пэм, и вероятно, из нее она сможет вынести некоторые уроки. Этот старший аркан нес в себе определенные коннотации относительно времени, тем самым усиливая сообщение шестой позиции и советуя Пэм подготовиться к испытанию Повешенного. Это будет своего рода жертвой, которую необходимо принести, и возможно, именно во благо этой подруги. Восемьмерка пентаклей в седьмой позиции, характеризующей общий ментальный настрой, показала, что какой бы выбор ни был сделан, следует готовиться к планомерной и обстоятельной, идущей поэтапно работе.

Пэм немного пугала идея получения нового образования с самых азов, но тем не менее, под влиянием Суда она отнеслась к этой идее с энтузиазмом.

Новые начинания всегда идут лучше, когда присутствует поддержка значимых других. Но десятка мечей в восьмой позиции резко выделялась на фоне позитивного и вдохновляющего настроения всего расклада. Эта карта говорила о том, что нынешнее окружение Пэм было наполнено негативной энергией, и в своих действиях она не получала от него поддержки. Это выглядело странно, особенно при учете десятки кубков, отображающей картину искренних и благополучных отношений. Судя

по всему, существовала некоторая проблема, и коллективное бессознательное стремилось привлечь к ней внимание через образ десятки мечей, где бездыханное тело пронзено со спины десятью клинками. И притом само изображение очевидным образом говорило о том, что некоторое вероятное разрушение уже достигло крайней точки, и дела обстоят хуже некуда, пусть Пэм и не видит проблемы, скрытой глубоко в бессознательном. Ее личность была охарактеризована девяткой пентаклей на девятой позиции, что, вероятно, говорило о том, что большинство проблем Пэм решала самостоятельно и была весьма самодостаточна, это касалось и ее нынешнего курса действий, по итогу которого она должна была только углубить эту самодостаточность.

И наконец, итогом всех свершений Пэм, что вполне вероятно, стало бы закрепление установленного образа жизни, как это демонстрировала десятка пентаклей.

Пэм также хотела спросить совета у коллективного бессознательного относительно дальнейшего развития карьеры, поэтому она вытянула три карты, на каждый из возможных путей.

Десятка кубков, относящаяся к правовой академии, говорила о достижении как эмоциональной, так и материальной защищенности, а также о том, что этот курс не несет для нее особых трудностей (На это ли указывал Иерофант? Вероятнее всего, да). Карта, характеризующая выбор в пользу кандидатской, оказалась Колесницей. Через целеустремленность, упорство и самоконтроль Пэм достигнет успехов и на этом пути, но здесь ей понадобится как следует побороться за свои интересы, и времени на получение степени потребуется куда больше, чем на посещение курсов в правовой академии. Для академии художеств была вытянута тройка кубков. Тут речь шла скорее о хобби, нежели о профессии, и совет заключался в том, чтобы не отбрасывать эту идею окончательно, но воплотить ее в компании друзей в свободное время. Так мы рассмотрели все три варианта, привлеки к этому информацию из коллективного бессознательного — но окончательный выбор все равно оставался за Пэм.

Она заполнила анкету, отметив, что чтение помогло ей в достижении ее целей и объяснила это так: «Я чувствую, что получила необходимое подтверждение в беспокоивших меня вопросах и поддержке там, где я сомневалась в собственном

восприятию ситуации. Пусть по мнению моих друзей и коллег я сильный человек, но я знаю, что склонна «отталкиваться» как от других людей, так и от самой реальности. Поэтому я постоянно проверяю, адекватны ли реальности мои чувства, ощущения и цели». Она также хотела бы посетить повторную сессию, по поводу чего написала: «По моим ощущениям, чтение было **ОЧЕНЬ** актуально для меня, и включало несколько моментов, с которыми я сталкивалась в последние двадцать четыре часа!» Чтение также было важно и ценно для Пэм, что она объяснила следующим образом: «Да, особенно информация о: мыслях о потерянном ребенке (выкидыш несколько лет назад), взаимодействии с женщиной (ссоре), женщине, направляющей меня (бабушка), достижимости любой из выбранных целей, стоит только двигаться к ней шаг за шагом, и успех будет достигнут!» В целом же Пэм охарактеризовала все чтение так: «Мне очень понравилось! Инна, ты очень чутка в своем чтении карт, спасибо тебе, надеюсь, ты сможешь «проработать» меня снова».

9. РОСС

После сеанса Пэм я также провела чтение для ее мужа, Росса. Он был аспирантом в колледже Пасифик Оукс, где и увидел мое объявление. Свой возраст он отнес к категории «за сорок». Основной причиной для обращения к чтению для него стала проблема в профессиональной сфере, с уточнением, что ему требуется помощь, чтобы разобраться с написанием своей кандидатской. Как основные задачи чтения были отмечены желание узнать о будущем и обрести понимание себя. Расклад Росса представлен на рис. 12.

Первым делом в глаза бросалась повернутая карта на второй позиции, десятка мечей, которая задала тон всему раскладу или обозначила основной аффект, спроецированный Россом — депрессию, отчуждение и ощущение беды; возможно, это было связано с проблемами, касающимися материальной защищенности. Но не только с ними: эта же карта в раскладе Пэм занимала восьмую позицию, указывавшую на ее окружение, значимых других и существующую (или отсутствующую) систему поддержки. Стало ясно, что атмосфера в семье была наполнена

Рис. 12

депрессивными настроениями, проецируемыми Россом, что оставалось загадкой, когда десятка мечей выпала для Пэм в позиции, указывающей на ее систему поддержки. Росс не только не был в состоянии обеспечить эмоциональную поддержку своей жене, но и сам едва справлялся с собственными источниками стресса. Своевременное указание на это от коллективного бессознательного было важно, как никогда.

Картой на первой позиции, указывающей на актуальную для Росса проблему, оказался большой аркан Смерть. Его появление сместило фокус с профессиональной проблемы, как изначально было заявлено Россом, на более глубокий архетипический уровень.

Психика Росса находилась под воздействием архетипа перемен, обновления и трансформации. Его бессознательное бунтовало против сохранения всякого статус-кво, воспринимая его как стагнацию. Росс претерпевал процесс перехода, который начался достаточно резко, с разрушения существовавших основ жизни Росса, что было представлено в образе Башни. Действительно, символическая смерть часто рассматривается как способ освободить пространство для действительно больших перемен, а Башня уничтожает то, что уже отжило, оказалось излишним и только мешало росту и развитию личности.

Башня в четвертой позиции недавнего прошлого содержала в себе коннотации, касающиеся того, как шокирующим образом судьба вмешалась в жизнь Росса. Ударившая в Башню молния уничтожила все то, что не требовалось для его движения вперед, пусть даже эту Башню воздвигал он сам на протяжении всей жизни.

Однако, когда время пришло, молния, это новое видение, наполнило Росса свободной — выбирать, разрушать устоявшиеся формы во имя создания новых. Не касаясь духовного смысла произошедшего, из расклада было не совсем ясно, что же произошло на психическом плане. Лишился ли он работы (что вполне могла подразумевать Башня), в результате чего чувствовал себя подавленным и ослабленным?

Росс ответил, что ушел по собственному решению, с работы, на которой продержался немало лет, чтобы сменить поле деятельности, для чего ему требовалась кандидатская степень и, следовательно, возвращение к занятиям. Его ответ только подкрепил идею, которую несла Башня — отказ от старого мировоззрения и привычек.

Однако, если решение было принято самим Россом, почему эта перемена оказалась столь болезненной для него и, если верить десятки мечей, подтолкнула его к депрессии?

Карта Смерть говорила о том, что такое спонтанное решение стало началом процесса перехода, в котором эго Росса трансформировалось в индивидуированную Самость, проходя через все более сильную боль, и к моменту чтения Росс уже достиг точки невозврата. И в этом отношении десятка мечей указывала на завершение цикла, говоря, что худшее уже позади, и с новообретенной осведомленностью ментальное состояние Росса пойдет на лад.

Это Росс затерялось где-то между его «Ид» (в терминах Фрейда), представленного Королем Пентаклей на третьей позиции и сверх-эго, представленным Рыцарем кубков на седьмой, отражающей его взгляд на ситуацию. Существование этого раскола в личности Росс вызвало внутриспсихический конфликт, приведший его к переживанию опустошения, сомнений и одиночества, как это свойственно десятке мечей.

В то время, как сознательно Росс стремился к благородной цели помочь другим, руководствуясь благими намерениями и духовными идеалами, а также идеалистическими устремлениями (Рыцарь Кубков), его бессознательное (в лице Короля пентаклей со всей его практичностью), на третьей позиции показывающее корни проблемы, всячески препятствовало ему. Здесь Росс заметил, что в его намерениях присутствовал определенный альтруизм. Но в то же время он бессознательно отвергал факт того, что ему придется лишиться дохода на то время, что он посвятит образованию, и именно для этого он усердно трудился, создавая себе финансовый буфер.

Так в деньгах ли дело? Исходили ли его опасения из необходимости платить за обучение, не имея при этом ничего? Росс подтвердил, что именно это его и беспокоило. Семерка пентаклей в восьмой позиции показала, что средства уже были вложены в дело, и сам Росс сказал, что уже внес оплату. Что ж, Туз пентаклей на шестой позиции, отвечающей за ближайшее будущее, предполагал, что ему не стоит беспокоиться о материальной стороне дела, поскольку деньги (в виде налогового возврата, дохода от вложений, а возможно, гранта или стипендии) придут к нему и у него будет возможность оплатить образование. Рука помощи будет протянута Россу, как говорил Туз пентаклей, и это согласовалось с сообщением девятки кубков, показывавшей, что желания Росса исполнятся. Выходит, о финансовых вопросах стоит беспокоиться в последнюю очередь, спросил Росс. Так оно и выглядело, если судить по раскладу.

Однако, он нес и предостережение для Росса: если его старое я — Король пентаклей — останется без внимания и не будет проработан, вероятность того, что депрессия выразится в заболеваниях тела (тройка мечей в пятой позиции), весьма велика. Таким образом, весь расклад обращал внимание на то, насколько

уместно вмешательство коллективного бессознательного на данный момент. В архетипическом переживании такой глубины, как предполагает карта Смерти, менялась вся личность Росса. Его старое мировоззрение медленно, и не без мучений, покидало его психическую модель, чтобы освободить место для новой системы ценностей, которую предстояло оформить и взрастить. Боль, вызванная переживаемой Россом архетипической Смертью, была связана с той его частью, которая не желала и не могла покориться неумолимому ходу эволюции и трансформации. Девятая же позиция страхов и надежд была представлена тремя картами: Тузом кубков, Королевой жезлов и восьмеркой мечей. Это указало на высокий уровень тревоги: в то время, как отношения Росса с женой (см. 8. Пэм) находились на уровне глубокого эмоционального союза, наполненного любовью, его собственное восприятие совокупно с бессознательными страхами (особенно теми, что были связаны с картой Смерти) говорило, что его жена, будучи женщиной сильной и независимой, в определенной мере подавляла его. Видение Росса, пребывающего в экзистенциальном кризисе, было далеко от реальности; и тут коллективное бессознательное, принимая это и щадя чувства Росса, тем не менее, привлекало его внимание к тому факту, что для этих переживаний не было никакого основания.

Наоборот, весь его опыт был наполнен активным воздействием Умеренности и Императрицы, а также десятки кубков, как показали карты на дополнительных позициях с одиннадцатой по тринадцатую. Эта последовательность карт предполагала, что именно брак должным образом уравнивает его жизнь, привнося в нее сочувствие и успокаивая его психику в те моменты, когда его личность находится на грани распада.

Пэм готова была поддержать его и помочь в этом переходном процессе, при необходимости идя на компромисс. Она уже выполнила жизненные задачи своего текущего цикла и, в образе Императрицы, проецировала необходимые энергии материнского архетипа на Росса, облегчая его переход.

Императрица доносила до внимания Росса знание о том, что каждый возраст имеет собственную фазу, и она неизменно должна заканчиваться, когда возраст миновал. Этот урок Росс и усваивал в данный момент, что определенно оказывало дополнительное

стрессовое воздействие на его разум. Здесь я предположила, что, хотя Россу и удастся проходить этот непростой жизненный период самостоятельно, ему может понадобиться еженедельное консультирование, чтобы отслеживать ход процесса индивидуации.

Десятая карта, шестерка жезлов, стала весьма своевременным ободрением, данным Россу. На говорила о том, что высока вероятность благоприятного исхода его деятельности. Предшествующая фаза расчистила место (десятка мечей) для перехода, и скоро усилия Росса будут вознаграждены.

Шестерка жезлов говорила об ощущении выполненной цели в ближайшем будущем, именно того, которого Росс, находясь в депрессии, так жаждал. В целом, все выглядело многообещающе.

После сеанса Росс заполнил анкету, ответив утвердительно на вопрос о том, выполнило ли чтение свою цель, и пояснив свой выбор следующими словами: «Мое ощущение того, что я делаю верный жизненный выбор, подтвердилось». Он не был уверен в необходимости повторного сеанса, поскольку «все еще разбирался с [своими] чувствами и реакциями». Чтение стало важным и значимым для Росса, поскольку оно было «достаточно конкретным, чтобы соотнести его с существующими мыслями и беспокоящими вопросами». В целом же он охарактеризовал чтение так: «Я могу принять это чтение и ту личность, что вырисовывается в его процессе. Не думаю, что я и вправду стремлюсь к мирским благам, тут не все так просто». Последнее предложение только подтвердило, как глубоко старое я Росса укоренилось в его бессознательном. Ранее это действительно была погоня за мирскими благами (Король пентаклей склонен использовать материальные блага по назначению), и это вызывало конфликт в психике Росса, своего рода конфликт с той личностью, что была представлена Рыцарем кубков с его романтизмом и высокими идеалами. Этот Рыцарь кубков никогда не признает в себе существования чего-то, не согласующегося с его чистыми помыслами и жесткими принципами!

10. ДОННА

Донна, белая женщина, с образованием, подпадала под категорию «старше сорока». Основной причиной для чтения она назвала проблему профессионального плана, уточнив, что дело

касается выбора дальнейшего направления развития в профессии. По итогам чтения ей хотелось обрести знание о будущем, и дополнительную поддержку. Расклад Донны представлен на рис. 13.

Ключевой картой, стоящей в первой позиции, оказался Паж пентаклей, показывавший, что Донна находится еще в самом начале своей карьеры и, что весьма вероятно, озабочена получением степени или сертификата. И ради этой цели она трудилась со всем своим усердием и прилежанием. Тут Донна отметила, что она действительно подала заявку на преподавательскую сертификацию. Пятерка пентаклей на второй, перекрывающей первую, позиции, предполагала тревогу Донны относительно исхода этого дела, а также ощущение того, что время стремительно уходит. Изображение на карте также предполагало, что Донна ощущает себя упустившей возможности, что могло привести к ощущению отстраненности и отсутствия профессионального признания.

Однако, пусть даже и на подсознательном уровне, Донну вдохновлял образ Иерофанта, большого аркана в третьей позиции, отвечающей за истоки сложившейся ситуации. Иерофант символизировал сформировавшееся у нее невыраженное желание стать «частью системы». Иерофант сам по себе является символом установленного в обществе закона и порядка, диктат логики, патриархальную политику, религиозную догму (в некоторых колодах эта карта также называется Папой) и/или маскулинный рационализм. Однако, с тройкой мечей на пятой позиции (как линейная, пусть и неоднозначная прогрессия, идущая от Иерофанта) выбор такого карьерного пути выглядел не особенно благоприятным для Донны.

В прошлом Донне приходилось совершать серьезные волевые решения, она обладала той силой, что требуется для достижения желаемого, об этом говорила Колесница в четвертой позиции.

Донна училась добиваться своего, но поставив целью карьеру, достигала ее за счет ценностей иного порядка, до поры не рассматриваемых как приоритетные. Но шла ли такая цель ей во благо? Тройка мечей в пятой позиции предполагала возможность того, что был выбран неверный курс, поскольку, будучи достигнута, такая цель ни принесла бы ей ни удовлетворения, ни радости. Скорее наоборот, тройка мечей с изображенным на ней кровоточащим сердцем говорила о ране, наносимой самой себе.

Рис. 13

Это послание из коллективного бессознательного подкреплялось и Башней в шестой позиции, характеризующей ближайшее будущее Донны. Вероятно то, что на данный момент виделось для нее столь желанным, вскоре потеряет всякую ценность и важность. Вся ее нынешняя система убеждений должна была потерпеть крах, чтобы уступить место зарождающейся осведомленности.

Изображение Башни несет в себе идею внезапного крушения установленного порядка вещей. Двое изображенных на карте персонажей построили башню, закрыв ее от неба; но оказалось,

что они сами заточили себя внутри своего детища — жесткой фаллической ментальной конструкции «ложного сознания» — и выбраться наружу стало возможным лишь благодаря разрушительной силе, одновременно травмирующей, но также и приносящей пробуждение, новый опыт и выводящей сознание на новый уровень.

Творящая же сила, стремящаяся пробиться вовне, будет действовать как бы изнутри, подобно Афине, в греческой мифологии вырвавшаяся из головы Зевса. В случае Донны все может сложиться так, что ее система убеждений, сложившаяся на данный момент и все попытки организовать свою жизнь в согласии с обычаями (которые символизирует Иерофант) основывались на ошибочной (именно для нее!) жизненной философии, а верной еще только предстоит сформироваться. Это Донна прокомментировала так, что все предпринятые ей попытки осесть и получить стабильную работу оказались тщетны.

Но не были ли и нынешняя дилемма, и сохраняющееся стремление к спокойной жизни для нее излишними ограничениями?

Стенам, сужающим ее перспективу, вскоре предстояло пасть в той внезапной и весьма жесткой встряске, которую готовила Башня. Ведущим архетипом для Донны на данный момент являлся тот, что Юнг называл Мудрецом. Этот помощник был символически представлен картой Отшельника на его обобщающей, четырнадцатой позиции. Он вдохновлял Донну на продолжение поиска, обращенного не вовне, но вовнутрь.

Образ Отшельника также говорит, что тот, кто ищет, всегда найдет. Он держит фонарь, символизирующий свет внутреннего знания, Гнозиса, ее духовного проводника, способного помочь в разрешении возникшей дилеммы. Традиционно Отшельник олицетворяет древний принцип «Познай Себя» как призыв к самопознанию и раскрытию самого себя, рефлексивную осведомленность, способную наполнить существование смыслом и подлинными ценностями. Свет фонаря Отшельника вел Донну к тому, чтобы взглянуть на себя со стороны, и через это прийти к индивидуации, открыть в воплощении собственного опыта свою истинную Самость, способную на выбор. Но путь самопознания полон подобных дилемм, а потому требует учиться на опытах, представляемых школой жизни.

Донна выучила немало жизненных уроков через свои опыты и приобрела достаточно мудрости, чтобы самостоятельно решить, следует ли ей продолжать стремиться к «стабильности» как к единственному и непреложному критерию счастья и подлинности жизни. Пришло время переоценить значимость духовного поиска и принять ее. Эта необходимость взвешивания всех возможных жизненных возможностей и путей была подчеркнута также большим арканом Справедливость на дополнительно позиции. В прошлом Донне пришлось пройти через жесткий отбор, проявив решимость и приложив немало усилий к преодолению препятствий, представленных Тузом мечей. Я уточнила, успела ли она предложить свою кандидатуру на позицию преподавателя. И Донна ответила «да»; судя по картам, она уже прошла собеседование, проявив упорство и смелость. Ее целеустремленность и настойчивость были отдельно отмечены картой еще одного большого аркана, Силы, выразившего идею самодисциплины и контроля.

Сила сулила скорое преодоление сомнений и помех и поддержку в нынешнем поиске Донны, направленном на открытие для себя истинных ценностей и потенциальных возможностей через освоение новых навыков, в процессе которого она сможет избавиться от собственных ограничений.

Мысли Донны были до предела сосредоточены на идее движения, отраженной в шестерке мечей в седьмой позиции. Было ли это бегство от сложностей или стремление к успокоению ума, а возможно, она задумала настоящее путешествие? Или все сразу? Когда я задала этот вопрос, Донна подтвердила, что действительно задумывалась о поездке, и почти приняла решение. Эта же идея раскрывалась и в девятой позиции (страхов и надежд), имеющей для Донны особую важность.

Связка из трех карт, восьмерки жезлов, семерки кубков и Короля пентаклей предполагала сближение с женщиной и — пусть иные варианты и не отбрасывались — она готова была двигаться в этом направлении. Здесь она уточнила, что хотела съехаться со своим парнем, которого карты характеризовали как человека хорошо обеспеченного, вероятно, владельца их нового дома.

При всех его положительных качествах, что же останавливало Донну в ее желании к сближению? Семерка кубков говорила

о возможности наличия иллюзий, более того, о «воздушных замках» в ее отношении к ее избраннику.

То, что сподвигло Донну на переезд и обстоятельства, с ним связанные, стоило разобрать подробнее, пусть даже формат разового пятидесятиминутного сеанса и не позволял этого в полной мере.

Итак, было ясно, что в определенной мере успех всего предприятия зависел от решения Короля кубков. И разумеется, «итоговая» карта — семерка мечей в десятой позиции, говорила о том, что сама Донна ограничивает себя в выборе, что опять же напоминало ей о том, что следует еще раз оценить все возможные варианты, особенно с учетом того, что карта Силы, отвечающая за ее нынешнее окружение, побуждала Донну быть смелее и позволить своим духовным силам, заключенным в ее психической модели (женский персонаж на карте) преодолеть заботы о материальном (олицетворяемые львом).

Тут Донне захотелось получить наставление относительно ее творческих начинаний, которые до сего момента являлись для нее лишь хобби и не были связаны с карьерными амбициями и работой, которую она стремилась найти. Сосредоточившись на своем вопросе, она вытянула карту, и когда перевернула ее, обнаружила Звезду. Звезда — весьма примечательная карта: она несет в себе весь спектр смыслов, связанных с надеждой, исцелением, вдохновением, креативностью и воплощением духовных чаяний. Как первый персонаж на картах — и женский персонаж, что особенно важно — появляющийся нагим, Звезда символизирует освобождение от тяжелого груза строго патриархального рационализма, жестких рамок нравственных ограничений, налагаемых без учета обстоятельств, догматических императивов. Ее сосуды красного цвета, и он воплощает тело, тело из плоти и крови в его единстве с духовной сущностью, представленной водой синего цвета.

Звезду часто называют Звездой Надежды: надежды на новое видение и понимание. Эта карта стала хорошим знаком для Донны, вдохновляя ее двигаться в направлении раскрытия собственных талантов, которые, под Звездой Надежды, дадут ей ощущения осмысленности и полноты жизни, борьбы за подлинную цель, в противовес иллюзиям ложной стабильности

и соответствия. Раскрытие таланта Донны пойдет ей лишь на благо. И в этой области для Донны не будет предела, как на то намекало чистое небо карты Звезда.

Но вот чтение подошло к концу, и я попросила Донну заполнить анкету. Там она ответила «да» на вопрос о том, достигло ли чтение поставленных целей, объяснив это следующим образом: «Я поняла, что должна двигаться в сторону развития своих талантов». Она не выразила потребности в повторном сеансе, объяснив это тем, что «в этом не будет необходимости, что бы там ни было внутри меня, это пройдет». Чтение стало для нее важным и ценным, поскольку оно «укрепило [ее] веру в [ее] искусство», итоговым же ее комментарием стала фраза: «Прекрасное чтение!»

11. ТЕСС

Тесс как раз заканчивала свою магистерскую диссертацию и нуждалась в чтении в связи с возникшей проблемой личного характера. Ее она охарактеризовала как жажду близких отношений. Свой возраст она обозначила в промежутке между двадцатью и тридцатью. Прежде всего, ей хотелось обрести понимание своего прошлого, настоящего и будущего, а также себя самой и рассмотреть возможные варианты разрешения вставших проблем, а также продвинуться в самопознании. Расклад Тесс представлен на рис. 14.

Картой в первой позиции оказалась тройка пентаклей, показавшая, что корни проблемы, связанной с отсутствием отношений, уходят в наличие в ее жизни иных вещей, а именно, борьбы за улучшение своего социального статуса и признание среди своего окружения.

Такая ориентация, весьма позитивная сама по себе, лишала Тесс тех сил, что при ином положении вещей могли бы пойти на поиск партнера и развитие отношений. Здесь она прервала меня, сказав, что отец с детства привил ей тягу к саморазвитию и стремление к достижению определенного профессионального и социального статуса.

Быть может, родители были для нее опорой и в финансовом плане? Туз пентаклей в четвертой позиции изображал руку

Рис. 14

помощи, протянутую с целью поддержания статус-кво (тройки пентаклей). На это Тесс ответила, что родители действительно поддерживали ее и в том числе оплачивали обучение. Что ж, это делало ее положение весьма удобным, разве нет? Семерка мечей, перекрывающая первую карту, однако, указала на тенденцию к эскапизму и саморазрушительному поведению. Стремление Тесс к повышению своего социального статуса приводилось в движение за счет иных ценностей так, словно она сознательно обедняла собственную жизнь и тайно боролась против себя самой, не гнушаясь никаких средств.

Так почему же бессознательно Тесс любой ценой стремилась к бегству в созданный ей обманчивый и ненадежный мир лунных фантомов (ведь в третьей позиции мы видим Луну), лишь бы этим оправдать, пусть и не осознавая этого, свой нынешний образ жизни?

Луна здесь служила символом того, что бессознательное взяло верх, и на уровне архетипов выражало себя в самых неожиданных, неконтролируемых аспектах. Коллективное бессознательное взывало к Тесс, чтобы предупредить ее об опасностях обманчивого мира Луны и привлечь ее внимание к необходимости проработки означенных аспектов и их осознания. Если же архетипическое воздействие Луны продолжится, то велика вероятность того, что Тесс, как это показывала пятая карта, Королева жезлов, так и останется одинокой женщиной, пусть и обладающей определенным статусом в обществе.

Оставаясь защищенной, как благодаря финансовой поддержке семьи, так и благодаря социальным связям в студенческой среде, Тесс, тем не менее, казалась в определенной мере замкнутой, не допускающей ни единого мужчины в свою жизнь, в которой просто не оставалось место для отношений. Послание семи мечей о том, что человек становится злейшим врагом себе самому, особенно погружаясь в иллюзорный мир луны, полный призраков и видений, в противовес реальным людям и настоящей жизни, звучало вполне ясно.

Но почему именно теперь? Что же могло происходить в жизни Тесс и так влиять на ее состояние, если судить по информации, выданной раскладом в последовательности карт на дополнительных позициях, с одиннадцатой по тринадцатую? Четверка жезлов, четверка кубков и пятерка жезлов стояли вместе, поэтому нельзя было игнорировать передаваемое ими сообщение. Судя по всему, существовала некоторая связь, способная стать фундаментом брака, но Тесс либо отвергла предложение, либо проигнорировала его, пустив все на самотек, либо еще раздумывала над предложением, не торопясь переходить от намерения к действию. Так ли иначе, она не воспользовалась шансом, и под влиянием неудовлетворенности от упущенной возможности, эмоции обратились вовнутрь, что привело к возникновению непрекращающегося внутреннего конфликта (пятерка жезлов) и борьбы строго противоположных переживаний в психике Тесс. Тут она уточнила, говорю ли я о прошлых,

или о настоящих событиях. Этого я не могла узнать из расклада, но вне зависимости от того, происходили события в настоящем или в прошлом, чувства Тесс были задеты, и связанные с этими событиями аффекты были актуальными, как будто случившееся имело место в настоящем моменте. Тут стоит отметить, что вспомогательные позиции куда чаще говорят о прошлых опытах, значимость которых столь сильна, что их отголоски заметны и в настоящем.

Тесс дала волю слезам, и словно повторяя выданное раскладом, сказала о том, что у нее действительно были отношения, но она так и не определилась со своим решением относительно их дальнейшей судьбы, а вскоре узнала, что ее молодой человек погиб.

До того Тесс не приходилось переживать скорби и утраты, поэтому она замкнулась в себе, уйдя в мир счастливых фантазий о близких отношениях. Был ли у нее ребенок? Почему его наличие (Паж кубков в позиции, характеризующей всю ситуацию в целом) стало центральной идеей, захватившей ее психику? Тесс сказала, что у нее есть племянник, и его она любит, как своего собственного сына, проводя с ним так много времени, как только может себе позволить. Что ж, как это ни иронично, мир Тесс теперь выглядел вполне законченно: она получает степень, ее родители обеспечивают ее жизнь, предоставляя финансовую поддержку, а ее потребность в ребенке удовлетворена через нахождение объекта для любви и заботы вовне.

В тесных рамках этого мира просто не осталось места для кого-либо еще.

Разум Тесс был полон (три карты на седьмой позиции) блоков и ограничений, которым она собственноручно себя подвергла. Таких, как, например, ее неспособность двигаться вперед с ясным осознанием собственной цели и направления (Колесница), или принимать на себя большую меру ответственности, чего непременно потребуют любые отношения, которые возникнут в ее жизни (десятка жезлов и тройка жезлов). До сего момента она лишь пользовалась хорошо освоенным ей защитным механизмом — всегда оставаться папиной дочкой.

Чтобы выбраться из этого замкнутого пространства, полного добровольно принятых ограничений, Тесс требовалось пройти по дороге самопознания, на что намекал Рыцарь кубков на шестой позиции. Осознание наличия у себя духовных устремлений, а не

сугубо материальных интересов, пошло бы Тесс только на пользу. Она должна была искать свою правду и настроиться на то, что ничто не отвлечет ее от этого поиска.

Звезда, старший аркан на восьмой позиции, побудила меня спросить у Тесс, есть ли у нее какой-то талант, который она хотела бы развить. Она же ответила, что любить писать стихи. И тут Звезда советует продолжать развитие в творческой сфере, поскольку самовыражение через поэзию способно было создать надежную систему поддержки на пути индивидуации и раскрытия себя. Вдохновленная Звездой, Тесс могла бы осознать свое предназначение (в противовес тому, что было продиктовано ее родителями) и залечить раны, нанесенные утратой. Еще два больших аркана на девятой и десятой позициях показали, что духовная поддержка станет доступна Тесс по мере ее дальнейшего продвижения. Иерофант обещал появление наставника, возможно, священника, способного дать напутствие в духовных вопросах, или школу, а может и сами те ценности, которые она примет в качестве своего духовного смысла жизни.

Отшельник, Мудрец собственной персоной, был еще более конкретен в своем послании к Тесс. Он ясно говорил о том, что для нее пришло время отвлечь свой ум от внешних раздражителей и сосредоточиться на духовном поиске. Для Тесс это могло обернуться периодом временного одиночества, ведь пока она не найдет своей Самости, никто и не сможет увидеть ее в Тесс и выстроить с ней глубоких отношений.

Тесс также заполнила анкету, ответив утвердительно на вопрос о том, помогло ли чтение в достижении ее целей. Свой ответ она пояснила так: «Чтение попало просто в точку. Оно рассказало о некоторых прошлых проблемах и о том, как подъем по социальной лестнице не позволял мне впустить мужчину в мою жизнь». Она также хотела провести повторный сеанс, но не ранее, чем через полгода (урок Отшельника уже проявил себя). Помимо того, она указала, что чтение оказалось для нее важным и значимым, поскольку, как она выразилась, «оно дало мне понимание ситуации и заставило рассмотреть некоторые непростые проблемы, которых я до того избегала». В целом же Тесс прокомментировала все так: «Чтение мне действительно понравилось. Надеюсь, на этом опыте я смогу духовно вырасти».

12. КЭТИ

Кэти, белая образованная женщина за сорок, сообщила мне, что зачислена на магистратуру в колледж Пасифик Оукс. Чтение требовалось ей для разрешения личных и профессиональных проблем. Она надеялась получить понимание себя, а также прошлого, настоящего и будущего. Вдобавок она хотела проанализировать свои переживания, прояснить некоторые проблемы и просто узнать о Таро. Перед началом чтения она упомянула, что уже слышала о Таро, и ей захотелось испытать его работу на собственном опыте. Такова была вся предоставленная ей информация. Расклад Кэти приведен на рис 15.

Первая карта, представляющая ядро проблемы Кэти и находящаяся в центре Кельтского креста, оказалась Королем мечей. Она говорила о негативном воздействии мужских энергий на психику Кэти. Сама карта указывала на наличие агрессивной, склонной к контролю личности в ее жизни, будь то ее партнер, отец или сразу оба. Сострадание чуждо такому типу, и никак не проявлялось в его отношениях с Кэти. Был ли вообще в ее жизни человек, который хоть раз сказал, что живет ради нее? Из расклада следовало, что нет, и сама Кэти могла только согласиться с этим заключением.

Тем не менее, карта во второй позиции, Рыцарь жезлов, перекрывающая первую, создала позитивный противовес негативному влиянию Короля мечей.

Олицетворяя собой созидательную силу, Рыцарь показывал, что Кэти уже готова была сдвинуться с места в поисках более подходящего ей места. Когда я спросила у нее, так ли обстоит дело, она признала, что постоянно думает о том, чтобы переехать и сменить жизненные условия.

И тем не менее, бессознательное стремление поддержать статус-кво (четверка пентаклей на третьей позиции) тянуло Кэти назад, противодействуя движущей силе Рыцаря жезлов. На подсознательном уровне Кэти отчаянно пыталась сохранить шаткую стабильность и поддержать ощущение защищенности в единственной семье, что у нее была (десятка пентаклей в пятой позиции). Ее глубокая вера в собственную неспособность пойти даже на малейший риск здесь слилась с убеждением в том,

Рис. 15

что лучше иметь нечто, чем его не иметь. Однако, она не осознавала, что крайне нестабильный гомеостаз в семье поддерживался именно за счет того, что она оказывалась в положении жертвы, и не исключено, что жертвы своих же домочадцев. Здесь сама Кэти вмешалась, сказав, что последние четыре года постоянно посещает психотерапевта.

Но не пыталась ли она выйти из этой ситуации, просто оставить ее позади, как это предполагала восьмерка кубков на четвертой позиции? Ответ Кэти был утвердительным. Судя по изображению восьмерки кубков, она действительно пыталась выбраться из сложившейся ситуации, ощущая, что происходит

что-то не то. Но и понимания того, что должно происходить у нее тоже не было, что вводило ее в замешательство и снова загоняло в порочный круг, все глубже погружая в депрессию, окончившуюся темной ночью души (десятка мечей).

Период депрессии, однако, подходил к концу, как о том говорила сама десятка мечей на шестой позиции, предвещающая, что совсем скоро Кэти предстоит увидеть ситуацию в ином свете. Но когда это случится, зависит только от нее и ее готовности изменить условия жизни, а вместе с ними и саму жизнь. Здесь она вставила, что терапевт говорил ей то же самое.

Что ж, возможно, раньше она и была не готова, но теперь коллективное бессознательное представило ее в роли Пажа жезлов (в дополнительной позиции, выражающей общую идею расклада), что говорило о живости и оптимизме. И этот образ убедил Кэти, что такие качества не чужды и ей, пусть даже потенциально.

Впрочем, общее состояние девушки, как это продемонстрировала связка из трех карт на седьмой позиции, характеризовалось множественными ментальными блоками и существованием тех или иных ограничений. Большой аркан Суд здесь был особенно важен, ведь в колоде Таро он следует сразу за Солнцем, символом перерождения, необходимого для обретения целостности. Суд — это символ, говорящий о возможности перерождения и обновления, пробуждения жизни и слияния с миром. Символически оно также неразрывно связано с воскрешением или, как выражалась известной юнгианский психолог Мария-Луиза фон Франц, восстанием из Гадеса и выходом из могилы. Пусть сама фон Франц и не ссылалась на данный аркан, символическое значение и поэтические образы здесь схожи. Изображение на карте Суда говорит о призыве к действию. Но при этом Суд также указывал и на то, что Кэти уже услышала «трубный глас», пытающийся пробудить ее сознание от глубочайшего сна, вырвать из могилы, в которую она была положена живой, но ей не суждено было обрести успокоение ума и эмоциональную стабильность (девятка кубков) из-за влияния присутствующей в той же позиции шестерки кубков.

Кэти бессознательно препятствовала своему росту и развитию, всеми силами сопротивляясь обретению подлинности

бытия, обозначенному образом Суда. Важно отметить, что карта шестерки кубков, находящаяся в седьмой позиции в контексте ментальной фиксации, говорила о том, что Кэти блокирует свои детские воспоминания. Таким образом, чтобы преодолеть возложенную на себя вину и заниженную самооценку, обрести уверенность в себе, взять себя в руки и двигаться дальше ей требовалось восстановить эти воспоминания.

Когда Кэти услышала такое толкование представленных карт, она упомянула о том, что участвовала в сеансах терапевтического гипноза, но воспоминания из детства, будь они хорошими или плохими, у нее попросту отсутствовали. Выходит, она все же знала о необходимости их восстановления? Этот вопрос я задала именно сейчас, когда она осознала всю важность этого процесса. И Кэти ответила, что ее психотерапевт после четырех лет наблюдения поставил ее в известность о том, что у нее присутствуют все признаки пережитого в детстве сексуального насилия, полное же отсутствие воспоминаний являлось серьезной проблемой и не раз обсуждалось в ходе терапии. Именно поэтому коллективное бессознательное так настойчиво обращало внимание на этот момент: пусть тема насилия и не присутствовала в раскладе как таковая, спектр эмоций, связанных с этими событиями и следовавшей за ними холодности в отношениях присутствовал в полной мере. Карта Суда отсылала к юнгианской «подчиненной» функции чувствования, сопутствующей ведущей функции рационального мышления; вероятно, единственной из тех, что были доступны Кэти в ходе ее — по всей вероятности, когнитивно-поведенческой — терапии! Неудивительно, что все четыре года не принесли желаемых результатов. Активизировавшаяся архетипическая сила Суда, однако, исключала всякую возможность для Кэти оставаться в текущем состоянии. С. Николс ассоциировала аркан Суд с «предельно тщательной переоценкой ценностей, основывающейся на собственных ощущениях <...> а не на возможных мыслях, касающихся их» (Nichols, 1980, p. 340).

Факт физического и эмоционального насилия в прошлом, а также, что весьма вероятно, и в настоящем, отразился в последовательности карт на дополнительных позициях с одиннадцатой по тринадцатую (добавленных к стандартным десяти для получения информации об особенно значимых событиях). Колесница

показала, что несмотря на то, что у Кэти порой находилось достаточно энергии для того, чтобы достигать поставленных целей и приложить силы к отстаиванию своих позиций, она не только не находила поддержки в этих начинаниях, но и наказывалась за них, вследствие чего чувствовала себя виноватой и брошенной. Ей также не забывали напоминать, насколько бесполезной, дурной и опасной для себя самой она являлась (пятерка кубков). Более того, на нее ополчалась и родная мать (что показывала Королева мечей, супруга Короля мечей, стоящего на первой позиции и символизирующего существующую проблему Кэти).

И действительно, здесь Кэти сказала, что родители постоянно оскорбляют ее, называя сумасшедшей и упрекая в том, что она недостаточно зарабатывает и т.д. Налицо случай продолжительного эмоционального насилия. Прошрое повторяло себя в настоящем, а психика Кэти прилагала немалые усилия к тому, чтобы закрыться от детских воспоминаний. Так, бессознательный саботаж развития собственной личности стал единственно возможным способом выживания в сложившихся обстоятельствах. Однако, девятка жезлов в позиции надежд говорила, что вопреки ощущения Кэти относительно того, что она дошла до предела своих возможностей в отстаивании собственных интересов, у нее еще оставался резерв воли и сил. Пусть ее раны и причиняют боль, победа будет достигнута терпением.

Тройка пентаклей в качестве «итоговой» карты в десятой позиции говорила о высокой вероятности того, что Кэти все же предпримет первые шаги на пути к духовному росту и личностному развитию.

Столь желанное чувство самооценности, уважения к себе и признания окружающих должно было стать ее наградой, если она решится выйти из подавляющего окружения. Она не останется без системы поддержки — Паж пентаклей на восьмой позиции указывал не только о том, что Кэти получит ученую степень, но и на то, что ее соученики смогут оказать ей требуемую поддержку и окружить тем уважением, которое она заслужит своим неустанным и кропотливым трудом. И, повторюсь, значение Суда как «призвания» (Nichols, 1980, p. 341), было очевидно.

На этом этапе Кэти сказала, что осознает необходимость переезда, но все еще не знает, как восстановить свои

воспоминания. Ей требовалась помощь коллективного бессознательного, для чего была вытянута карта, оказавшаяся Дураком. Новый, исполненный счастья жизненный цикл, откроется для нее, как только Кэти будет готова начать все с чистого листа. Кэти заметила, что ее терапевт также говорил ей о том, что здесь все зависит только от нее. Оставаясь, образно говоря, в привычных стенах, она не сможет соприкоснуться с прошлым, поскольку это будет для нее слишком болезненным переживанием. Переезд же, в свою очередь, и связанное с ним расширение пространства опытов (о чем говорила и карта Дурака) позволит ей ощутить себя защищенной — чего так не хватало в окружении семьи. Так внутренний ребенок Кэти сможет родиться заново, в безопасной и благоприятной атмосфере.

По окончании сеанса я предоставила Кэти анкету. Она утвердительно ответила на вопрос о том, помогло ли чтение в достижении ее цели и дополнила ответ следующими словами: «я была настроена скептически, но теперь утвердилась в своей вере. Моя ситуация действительно была отражена картами». А также добавила: «Я живу с родителями и своим парнем. И он, и отец постоянно оскорбляют меня, а мать часто принимает их сторону. Она не делает ничего кроме того, что хочет от нее мой отец». Кэти не была уверена в необходимости повторного сеанса, поскольку «не знала, что еще может из него вынести». Она также признала чтение важным и значимым для себя, уточнив: «оно подтвердило все то, что говорил мне мой психотерапевт».

13. РОДНИ

Родни на момент проведения исследования как раз работал над получением степени магистра. Ему требовалось чтение как для себя, так и для своей девушки, Горданы (см. 14. ГОРДАНА). Свою возрастную группу он обозначил как «старше сорока». Основной причиной для обращения к чтению стала личная проблема. Уже после сеанса Родни добавил некоторые уточнения: «Мне хотелось получить более ясное понимание своих связей и взаимоотношений с окружающими». Тогда же он указал и основную цель чтения как стремление понять свое будущее, «узнать больше о своих ожиданиях

Рис. 16

в отношении других в контексте из полезности для себя и своей полезности для них». Ему также хотелось обрести некоторое понимание себя. Это стремление он охарактеризовал так: «в идеале мне хотелось бы разобраться, почему большинство моих каждодневных социальных взаимодействий проходят в иррациональном ощущении напряжения, как будто каждый контакт может обернуться триумфом или катастрофой». Расклад Родни приведен на рис. 16.

При первом взгляде на расклад я ощутила определенный диссонанс. Когда я только начала выкладывать карты, единственно доступной информацией было наличие у него проблемы личного характера. Вся прочая информация была указана, как я замечала выше, уже по завершении чтения, лишь после того, как я сама напомнила Родни о том, что он обязался заполнить представленную в рамках исследования анкету. Ощущение того, что что-то тут не сходится преследовало меня уже с первой карты, ядра проблемной ситуации. Ей оказалась шестерка жезлов, обозначающая чувство удовлетворения от достигнутого, успех, победу. Изображение на карте предполагало, что Родни пребывает в окружении, которое признает его и разделяет его успехи.

Прекрасная карта, стоящая, однако, в позиции, которая передавала послание коллективного бессознательного относительно существующей проблемы! Это выглядело очень странно, если только не предположить, что проблема заключалась в самом характере Родни, жаждавшего признания больше, чем всего прочего, и готового преодолевать любые трудности и препятствия ради воплощения этой фантазии (как о том говорила девятка кубков в четвертой, указывающей на прошлое позиции, связанной с некоторым «незаконченным делом». Это сообщение подкреплялось и предшествовавшей ей восьмеркой жезлов, говорящей о том, что некогда Родни приходилось брать инициативу на себя).

И все же обе эти карты, восьмерка жезлов и девятка кубков, вышли после пятерки пентаклей. Прошное Родни, его «незаконченное дело», отраженное этими тремя картами, а не одной, как обычно, было особо отмечено коллективным бессознательным как проблема высочайшей важности. Так в чем же состояла ситуация Родни, которая, пусть и бессознательно, была скрыта, если верить сообщению пятерки пентаклей? От чего именно он хотел избавиться? Родни сказал, что дело в его последнем браке — сейчас же он жил со своей девушкой в ее квартире.

Туз мечей на обобщающей, четырнадцатой позиции, говорил о том, что даже в беде следует сохранять выдержку, и о том, что из любого зла может, тем не менее, родиться что-то доброе. Гирхарт и Ренни (Gearhart and Rennie, 1981) также толковали эту карту как способность побеждать в словесных играх. Вероятно, все попытки Родни достичь успеха были лишь способом

удовлетворения его Эго. Возможно, именно из этого возникло мое ощущение диссонанса: сам Родни, бессознательно, совершенно парадоксальным образом, нуждался в крахе собственной персоны, рассеивании ауры одобрения, распространявшейся на всех без исключения, в том числе на его противников.

Несколько до того казавшихся противоречивыми образов наконец обрели смысл, и ко мне пришло интуитивное понимание того, что в раскладе отобразились черты личности Родни, связанные с нарциссизмом и пассивной агрессией. Такой личности просто необходимо идентифицироваться с юнгианской Персоной, чтобы представить себя миру, и вот она: Рыцарь кубков на седьмой позиции.

Характерной чертой психического состояния Родни была фиксация на идее приложения сознательных усилий к тому, чтобы быть человеком альтруистичным, благородным, обладающим высокими нравственными стандартами. И здесь он сам высказался так: «Это впечатление, которое я хочу произвести. И да, это фиксация». Эту идею была хорошо им продумана и воздвигнута на прочном фундаменте (большой аркан Солнце в третьей позиции, говорящей о корнях проблемы) стремления к структуризации и регуляции собственных чувств в согласии со строго рациональным мышлением, логикой и расчетом.

Парадоксальная же природа его пассивной агрессии заключалась в том, что движущая сила Родни, представленная Солнцем, была полностью бессознательной, что и придавало его поведению описанные черты, а также формировало его «аполлоническое», предельно рациональное мироощущение. Образ Солнца, обычно отождествляемого с юнгианским архетипом Перерождения, и ребенка, нежащегося в его лучах, в случае Родни проявился двойко, что характерно для всех юнгианских архетипов, имеющих свои темный и светлый аспекты. Родни явно противился самой возможности символического перерождения. Солнце же испускало как прямые, так и змеевидные лучи, что само по себе говорило о двойственности его архетипической природы.

Поэтому, несмотря на весь свет, источаемый Солнцем, в данной ситуации оно проявляло свои темные, негативные аспекты, указывая на то, что его урок не был усвоен должным образом, и в каждом из последующих жизненных циклов Родни обречен

на повторение собственных ошибок. Здесь он сам добавил, что порой вступает в споры с коллегами, на которые он их будто бы провоцирует; но все это происходит само собой. Здесь с определенной уверенностью можно было сказать о том, что сознательно Родни не имел никакого представления о сложившейся ситуации. Так, как если бы ослепленный яркими лучами солнца, он стал излишне рационален. Как карта старшего аркана Солнце говорило о сильном влиянии данного архетипа, едва ли не одержимости им психики самого Родни.

А что же творилось у Родни дома? Как складывались отношения с его девушкой, охарактеризованной коллективным бессознательным как Королева мечей, что стояла на второй позиции и перекрывала первую карту? В качестве Королевы мечей Гордана проявляла себя как разумная и независимая женщина, связанная с Родни скорее в плане мышления и интеллекта, а не эмоций и аффектов. Родни говорил, что вместе они были счастливы. Через свободные ассоциации с изображениями карт он описал ее как весьма умную женщину, имеющую докторскую степень и занимающую университетскую должность. Судя по всему, эти ее качества и привлекали его в первую очередь, в то время как на бессознательном уровне проявлялась тяга к близким отношениям, возможности делиться самыми сокровенными мыслями, словно невинные дети, которые, согласно Библии, могут войти в Царство Божие, как это изображено на карте шести кубков, стоящей в пятой позиции.

Между тем, последовательность карт на дополнительных позициях с одиннадцатой по тринадцатую явно намекала на то, что его выбор партнера строился с одной стороны на логических умозаключениях, а с другой, был связан с неким испытанием (Любовники). Карты на этих позициях также указывали на разрыв предыдущих отношений, что было выражено тройкой мечей, хотя сам Родни и сознательно отгородился от причиненной ими боли. Одиночество (Отшельник), которое он мог бы посвятить своему духовному поиску, его пугало. Однако, его новая девушка, Гордана, была крайне благоприятной для Родни парой, и их отношения шли ему только на пользу, по крайней мере, на момент чтения, о чем говорил помогавший Родни в его выборе Мудрец, архетип, выступающий под личиной Отшельника и схожий с Мудрецом самого Юнга, Филемоном.

Последняя карта в этой связке, тройка мечей, с учетом того, что Родни повторял один и тот же цикл, обозначенный сокрытым в бессознательном Солнцем, вскрыла присутствующие в отношениях проблемы. Я спросила Родни, имели ли место ссоры с Горданой. Он же весьма эмоционально ответил, что ссоры были, и они были ужасны, но случались гораздо реже, чем ранее. Выходит, коллективное бессознательное обращало внимание на нестабильные, в определенной мере невротические модели поведения, установившиеся в паре. Видимо, сколь бы ни была умна Гордана, ей все же не удавалось пробиться через пассивную агрессию Родни (ситуация Горданы будет в деталях рассмотрена в ее собственном чтении, см. 14. Гордана).

Здесь я спросила, рассматривали ли они вариант посещения консультаций. Он же ответил, что и он, и его девушка проходили длительный курс терапии психоаналитической направленности. Интуиция подсказывала мне (а три карты вместо одной в позиции «прошлого» только подтвердили мои догадки), что Родни с глубоко усвоенными пассивно-агрессивными чертами характера, выбрал именно психоанализ потому, что на уровне психоида ему хотелось остаться в прошлом, а не разобраться с настоящим и проработать его, чтобы через изменение своей позиции и модели поведения повлиять на будущее. Моя убежденность только укрепилась девяткой жезлов в шестой позиции, характеризующий события ближайшего будущего. На карте был изображен Родни, стоящий на страже своей психики. Пусть он и обжегся на предыдущих отношениях, урок не был усвоен, защитный механизм не был преодолен, и было ясно, что в отстаивании своей заповедной территории он добьется «успеха».

Но что карта ребенка, Пажа кубков, делала на восьмой позиции, говорящей об окружении Родни? Он пояснил, что его дети от предыдущего брака планируют навестить его (как оказалось позже, на чтении для Горданы, все было гораздо сложнее, и речь шла о серьезной проблеме в их семье). Паж жезлов на девятой позиции подтвердил, что Родни ждет долгожданная встреча с детьми. На бессознательном уровне именно они были источником жизненной силы для Родни, пусть он и выражал определенную тревогу касательно того, что их визит может нарушить его привычный жизненный уклад. В целом же

расклад символически выражал мысль о том, что Родни необходимы взаимоотношения с людьми, чтобы включиться в процесс проективной контр-идентификации, сбросить маску Персоны, которую он всеми силами пытался удержать.

Карта вероятного разрешения ситуации, тройка пентаклей, стоящая на десятой позиции, предполагала, что значимая для Родни цель, по всей вероятности, будет достигнута; поэтому, силой собственной воли он может преуспеть в воплощении мечты выглядеть «больше и лучше» в глазах тех, с кем проходит его общение. Они продолжают взирать на него «сверху-вниз», но за это он заплатит тем, что его эмоциональные раны так и не затянутся, и рациональное мышление одержит верх.

Воздвигнутая защита, на которую указала девятка жезлов, по всей вероятности, выстоит, и сам Родни признал, что действительно принимает оборонительную позицию. У него не было каких-либо дополнительных вопросов, поэтому я передала ему анкету. Когда он возвратил ее мне, там были лишь отметки в предназначенных для этого полях, без каких-либо пояснений, что весьма характерно для любой пассивно-агрессивной личности. Было это провокацией или испытанием для меня, попыткой позлить, как это происходило при большинстве межличностных коммуникаций Родни? Пятидесятиминутный формат чтения не позволял разобраться с этой проблемой, поэтому я вновь терпеливо попросила Родни подробно заполнить анкету, как это было оговорено в условиях участия в исследовании и подтверждено его подписью. Тогда он заполнил анкету так, как я указала выше. Он также отметил что «не уверен», помогло ли чтение в достижении обозначенных им целей. Свой ответ он объяснил таким образом: «Не думаю, что получил какую-то новую информацию или усвоил что-то новое, но некоторые выявленные проблемы могли бы быть рассмотрены с иной точки зрения. Хочу посмотреть, что я буду чувствовать по этому поводу через день-два». Повторная сессия ему не требовалась. «На данный момент мне кажется, что ничего из высказанного на чтении не нашло во мне достаточно сильного отклика, чтобы можно было продолжать копать в том же направлении».

Родни также указал, что «не уверен» в том, что чтение стало для него важным и значимым. Когда же я обратила его внимание

на то, что в форме имелась просьба объяснить свой выбор, он выдал развернутое объяснение, возможно — что вполне укладывалось в рамки его нарциссической личности — пытаюсь смягчить то, что воспринималось им как приближающаяся угроза. Все это было созвучно той причине для обращения к чтению, которую он указал в анкете, в нашей «транзакции» он явно демонстрировал напряжение и тревогу. Расклад же ясно показал, что его защита на данный момент останется непоколебимой. Итак, Родни написал следующее: «Если завтра меня настигнет какое-нибудь осознание, вытекающее из этого чтения, то оно будет важным. Но как по мне, человек восприимчивый, умный и со сложно организованной психикой, уверенный в себе и наделенный интуицией (каким вы определенно являетесь), при использовании любой из множества доступных техник, способных вытянуть наружу психологические проблемы человека (гадание по ладони, хрустальный шар, ассоциации и проч.) осветил бы те же моменты. Иначе говоря, все, о чем мы говорили, в большей степени определялось моей готовностью открыться, чем картами». В целом же Родни охарактеризовал чтение так: «Наталкивает на определенные мысли, но в валидности метода я все же сомневаюсь. Недавно я прошел курс по психологическому тестированию. И что я усвоил наверняка, так это то, что, хотя большинство тестов имеют серьезные недостатки, они все же способны вытягивать наружу недоступные в ином случае проблемы». Фактически же постановка Таро в один ряд с психологическими тестами была комплиментом, хотя он, рассуждая в своей предельно рациональной манере, и упустил этот парадокс!

14. ГОРДАНА

Гордана, девушка Родни, имела латиноамериканские корни, жила и работала в Лос-Анджелесе. Она получила докторскую степень по физике и занимала должность в университете. Основной причиной для чтения она обозначила проблему в отношениях, охарактеризовав ее как «желание создать семью и иметь детей». И проблема рождения ребенка как раз проявилась в раскладе Родни, в позиции окружения и значимых других, из чего можно было заключить, что он либо отрицал важность

этого вопроса, или просто решил не привлекать к нему моего внимания. Могло ли быть так, что Гордана никогда не высказывала Родни своего желания иметь детей, или же разговор имел место, но Родни предпочел похоронить этот вопрос в своем бессознательном? А может быть, он просто делал вид, что такой проблемы и не стояло, а следовательно, ее и не нужно было решать? Целью чтения для Горданы было получить понимание настоящего и будущего, что она объяснила так: «Если я пойму свое настоящее, то и мое будущее станет лучше». Она также хотела понять себя, получить консультационную помощь и узнать больше о Таро. Расклад Горданы приведен на рис 17.

Первая карта, девятка мечей, выражала послание от коллективного бессознательного об отчаянии, в котором пребывает Гордана. Казалось, что она была задавлена всеми теми обязательствами, которые взяла на себя; ответственность за планирование семьи и рождение ребенка стала для нее непосильной ношей, готовой вот-вот сломить Гордану (десятка жезлов во второй, «перекрестной» позиции). Изображение на девятке мечей побудило меня спросить, не страдает ли она бессонницей, не просыпается ли слишком рано, не посещают ли ее приступы неконтролируемого плача (на что она неохотно ответила «иногда»), и не испытывает ли она сложностей с тем, чтобы взяться за то или иное дело. Эта карта говорила о том, что Гордана страдает от депрессии; сама же она, по ассоциации с изображением на карте, произнесла «она страдает», характеризуя изображенного там персонажа, застигнутого посреди бессонной ночи и не желающего прожить еще один день.

Депрессия Горданы была прямым следствием (как указывала третья, расположенная ниже, позиция) тех настроений, которые проецировал Король пентаклей, мужчина из ее жизни, оказывающий значительное воздействие на ее психику.

Карты на первой, второй и третьей позициях показывали, что у Горданы просто не оставалось выбора, кроме как сносить ту ношу, которую Король с легкостью, и при том в согласии со своим приземленным практицизмом (характерном для масти Пентаклей), водрузил на ее плечи. Так пусть она несет этот груз, если сама так отчаянно стремится к этому — именно такое сообщение несли эти карты. Однако, карта девяти мечей часто

имеет и коннотации духовного плана, говорит о Святом Духе или призраке, с которым мы не имеем возможности взаимодействовать в обычной жизни, но способны столкнуться в «переходных областях» на грани сна и пробуждения, где подобный дух может проявить себя. Святой Дух — лишь еще одно имя Шехины, женской ипостаси Бога, пребывающей между небесным и земным мирами, и жаждущей найти своего возлюбленного (и со всей уверенностью можно заявить, что Шехина проявилась и в карте Верховной Жрицы на позиции неминуемого будущего).

Я поняла, что в случае Горданы сам Дух искал пути к тому, чтобы быть ей замеченным, поскольку она позабыла свое наследие, свои традиции, столь сильные в латиноамериканских культурах. Ей требовалось вновь соприкоснуться с ними, образно говоря, вернуться в те края, где обитала ее душа.

Две стоящих рядом семерки выражали определенную завершенность, пусть не в нынешнем жизненном цикле, но по крайней мере в текущей его фазе: семерка кубков в четвертой позиции указывала на то, что Гордана позволила своим иллюзиям из прошлого следовать за ней в настоящее.

Она не только строила воздушные замки, но и охотно продолжала жить в них. Семерка пентаклей в пятой позиции потенциально возможных событий будущего говорила, что на определенном уровне присутствовало ощущение затраченных впустую усилий, когда речь шла об оценке существующих отношений и всего, что было в них вложено. Неужели все это было зря, и причины ее отчаяния и депрессии, особенно если учесть сознательную озабоченность Горданы стремлением отдавать и получать в равной мере (шестерка пентаклей в седьмой позиции, характеризующая ее мировоззрение), коренились в существующих отношениях.

Последняя, четырнадцатая карта, оказалась старшим арканом Солнце, который в чтении для Родни указывал на причину возникшей проблемной ситуации. Двойственность его природы выражала идею того, что подчинять чувства логике, как это пыталась делать Гордана, было ошибочным путем. Однако, образ Солнца также говорил о том, что усвоение его урока и прохождение через воздвигаемые им препятствия необходимо и полезно для Горданы, ведь человеку

Рис. 17

свойственно учиться на своих ошибках. В сущности, Солнце в этой позиции отсылало к приведенной Платоном в «Республике» аллегории с пещерой. В случае Горданы, она, пробужденная ото сна Святым Духом, не будет ослеплена лучами Солнца, как вышедший из пещеры узник, но сможет приспособить свое духовное «видение» к тому, чтобы интегрировать бессознательное в область сознания, и тем самым начать процесс индивидуации.

Я спросила, была ли озабоченность Горданы равноправием в существующих отношениях (шестерка пентаклей) поводом для ссор, на что получила неуверенный, но тем не менее положительный ответ. Соседство большого аркана Мир и шестерки кубков (на дополнительных одиннадцатой и двенадцатой позициях) показало, что эти ссоры идут по порочному кругу, движимые попытками Горданы создать отношения, основанные на взаимном доверии, безусловном уважении и искреннем диалоге. Карта Мир также является символом актуализованного юнгианского архетипа Самости, полной и цельной личности, находящейся в гармонии со своей жизненной позицией. Из расклада было ясно, что индивидуация Горданы проходит с большой задержкой. Карта Мира в данном случае была гласом индивидуированной Самости Горданы, пусть и присутствующей лишь потенциально, но тем не менее призывающей обратить внимание на ее бессознательное, о чем говорил и остальной расклад. Наличие рядом девятки пентаклей только утвердило Гордану в мысли о том, что ей стоит научиться уверенно, без избыточных эмоций, воспринимать собственную самодостаточность. Она была в состоянии обрести умиротворение, пусть даже ее мечты о семье и не были воплощены.

Другой старший аркан, не менее влиятельный, чем Мир, Солнце, указывал на то, что Гордана достигла крайне важной, кармической стадии жизни.

Восьмую позицию занимал Император, и вместе с Верховной Жрицей, самой сутью Шехины, стоящей на шестой позиции неизбежного будущего Горданы, он говорил о том, что в ее психике могла происходить смена ролей между мужским и женским принципами. Так, Император показывал, что юнгианский архетип Анимуса в рамках структуры психики Горданы подавлял Аниму, и ее мышление можно было охарактеризовать серьезным перевесом в сторону Логоса в ущерб Эросу. Ей недоставало женственности в глубочайшем ее понимании, но тем не менее, она все же хотела завести ребенка. Тут сама Гордана прервала меня, со злостью заявив, что ее выбор не становится так называемой «стереотипной» женщиной был вполне осознанным и базировался на требованиях современного общества. От ее сознания, однако, ускользнуло то, что мужской архетип Анимуса был глубоко интернализирован, и ее

образ мышления и действий диктовался «Законом Отца», завладевшим психикой.

Будучи ярой феминисткой, Гордана парадоксальным образом интернализировала модель предельно патриархального сознания. В стремлении управлять своими эмоциями, она попросту блокировала их, создавая видимость контроля, но они, несмотря на это, давали о себе знать и едва не довели ее до нервного срыва и депрессии (девять мечей как ядро проблемы).

Что же до отношений с родителями (поскольку Гордана проходила курс психоанализа, как ранее сказал Родни, эта проблема наверняка обсуждалась)? Каков был образ матери, оставшийся в ее памяти? «Командирша? (Император)», спросила я. И Гордана ответила утвердительно. Но ведь она не хотела быть такой же, как мать? «Да». Выходит, вытесняя детские воспоминания о жестокой матери привели к тому, что женский аспект души самой Горданы оказался заблокирован, и Анимус заполнил образовавшуюся за отсутствием Анимы пустоту. И все же Верховная Жрица, целительница, воплотившая в себе возвращенную Богиню, способную на практике применить реляционную, по своей природе женскую этику заботы (Noddings, 1984), отвечала на желание Горданы иметь ребенка, пробудить в себе женщину, Богиню, осознать собственную ценность как человеческого существа, не зависящую от того, являлась ли она доктором философии или профессором. И пробуждение было близко, если верить Смерти в итоговой десятой позиции, символизирующей начало связанного с индивидуацией трансформационного процесса.

Если и Гордана, и ее партнер продолжают «тянуть одеяло на себя» (пятерка мечей в девятой позиции) в вопросах детей и семьи, эта борьба не принесет никаких плодов, это все равно, что биться головой о стену в стремлении настоять на своем. Это принесет лишь еще больше страданий, как о том говорила карта Девяти мечей, на которой изображен персонаж с разбитой головой, и которая прекрасно подходила к ситуации Горданы, ведь в любом споре основная цель человека, склонного к пассивной агрессии — сам спор. Сам Родни, как было показано ранее, осознавал собственную склонность провоцировать конфликты со значимыми другими.

Единственной картой, обещавшей что-то хорошее для Горданы, был Паж жезлов, говоривший о том, что на новом этапе смена подхода для нее неизбежна. Трансформация, которую ей предстояло пройти, подразумевала перемены в мышлении, чувствовании и в системе ценностей — во всем, что определяло ее мировоззрение. Захочет ли она и в дальнейшем завести ребенка? И, что важно, захочет ли она завести его с текущим партнером? Задавать такие вопросы было бы преждевременно, ведь единственным, кто мог бы на них ответить, была сама Гордана, и лишь после того, как она пройдет испытание Верховной Жрицы, раскрыв свой потенциал и приняв заложенную в ней на глубинном уровне женственность. Пробуждение женщины — через смерть старой личности и рождение новой — откроет для нее пути к развитию своей женской силы, и прежде, чем родиться ребенок, сама Гордана должна будет пройти через второе рождение; таково было совокупное послание присутствовавших в раскладе Смерти и Солнца.

Заполняя анкету, Гордана отметила, что чтение отчасти помогло ей в достижении поставленных целей. О том же сообщал и сам расклад: на уровне психики обращение Горданы к проблеме материнства произошло раньше, чем того требовала ее индивидуальная динамика развития, поэтому некоторые важные стадии еще не были пройдены.

Я чувствовала, что для нее чтение было непростым, что могу сказать и о себе. Свой ответ она объяснила так: «Некоторые детали моей ситуации, продемонстрированные раскладом, мне уже были известны. Мысль же о том, что становление более женственной является необходимым для меня шагом, и впереди меня ждут серьезные внутренние изменения, кажется мне новым, и о том, насколько оно верно, еще стоит подумать». В необходимости повторной сессии она не была уверена. «Мне требуется некоторое время, чтобы понять, насколько данная информация помогла мне и насколько она была верна». Гордана также отметила, что чтение для нее стало важным и значимым, и написала следующее: «Это было интересно, и я открыта к тому, чтобы рассмотреть то, что было предложено раскладом и могло бы привести к новому пониманию проблемы».

В целом же Гордана отозвалась о чтении так: «Интересный опыт. Судить о валидности самого метода я смогу лишь увидев,

как пойдет моя личная жизнь в дальнейшем. Я запомню все, что было сказано, и посмотрю, как оно сможет помочь мне в принятии последующих решений».

15. АНИТА

Анита сказала, что зачислена в колледж Пасифик Оукс она была совсем недавно. Чернокожая женщина, обозначившая свою возрастную группу между тридцатью и сорока, основной причиной для обращения к чтению для нее стала личная проблема, или, согласно ее уточнению, финансовая ситуация в семье. Она спросила, затронет ли чтение ее мужа, поскольку о нем она беспокоилась в первую очередь. В качестве целей своего чтения она отметила обретение понимания настоящего, будущего и значимых других, рассмотрение возможных вариантов действий и просто получение поддержки. Расклад Аниты представлен на рис. 18.

И действительно, расклад оказался сосредоточен на муже Аниты, мужские энергии нашли отражение в первой же карте, большом аркане Император. Туз мечей во второй, перекрывающей первую позиции указал на непрекращающуюся борьбу, целью которой было преодоление множества существующих на данный момент препятствий. Для мужа Аниты, в своих действиях движимого архетипом Отца, который и спроецировался на карту Императора, было важно сохранять свой статус добытчика и главы семьи, что, согласно Тузу мечей, становилось для него все сложнее и сложнее. В то время, как сам он воспринимал себя всемогущим, на деле все обстояло иначе. Мужу Аниты требовалась психологическая компенсация и возможность отстоять свое положение, принимая личину Короля мечей, то есть проявляя силу характера, особенно в тех неблагоприятных условиях, о которых говорил Туз мечей. Но что привело к возникновению таких условий? Быть может, у него складывалось ощущение, что с ним обошлись несправедливо, как о том позволяла предположить семерка мечей в третьей позиции, говорящая о корнях проблемы? И Анита подтвердила, что рабочее место, на которое он рассчитывал, досталось кому-то другому. Итак, источником существующей проблемы было переживание ее мужем собственного поражения, которое, с учетом его стремления быть опорой

Рис. 18

семьи и обеспечивать ее защищенность и безопасность (десятка пентаклей в пятой позиции), стало серьезным эмоциональным потрясением. И, тогда как сам супруг пытался самостоятельно справиться с этой тяжелой ношей ответственности (десятка жезлов на одиннадцатой позиции), Анита — и говорящая об этом карта контрастировала со всеми остальными — погружалась в безнадежную и всепоглощающую тоску, как это демонстрировала десятка мечей в последней, четырнадцатой позиции расклада.

Судя по изображению на карте, она была раздавлена чувством того, что их семья рухнет, словно под действием проклятья.

Неспособная сдерживать свои негативные эмоции, она проявляла склонность к деструктивному поведению, как о том говорила пятерка мечей на четвертой позиции. Вероятно, она инициировала ссоры с мужем, обвиняя его во всех неудачах, вместо того, чтобы поддержать его в этих тяжелых обстоятельствах? И Анита подтвердила, что ссоры действительно случались, и фактически она и правда винила его в том, что на них обрушилось это проклятье. Негативная энергия, проецируемая вовне Анитой, только утяжеляла тот груз забот, с которым приходилось справляться мужу, и он становился едва выносимым (десятка жезлов), одной только соломинки не хватало, чтобы сломать ему хребет! Угрожала ли она разводом, при этом все равно оставаясь из-за детей? Рыцарь мечей (стоявший на вспомогательной позиции) говорил о поспешных суждениях и импульсивном поведении, но его хаотичные действия, однако, оставались в границах, поставленных Пажом кубков, стоящим на той же позиции и указывающем на детей в их семье.

Десятка мечей также предполагала и то, что хотя коллективному бессознательному и было известно об эмоциональном состоянии Анитой, переполненной избытком чувств, ее собственное видение ситуации никак не помогало благополучию семьи. Ей требовалось принять существующие в настоящем ограничения и всеми силами держаться за самое дорогое (четверка пентаклей в шестой позиции), а именно, за свою семью. Только сама Анита могла собрать всю свою силу воли и выбраться из сложившегося внутрисемейного конфликта.

Большой аркан Колесница на шестой позиции утверждал в мысли о том, что у нее найдется сопоставимый запас позитивной энергии, чтобы перебороть собственные негативные эмоции и выходящие из-под контроля деструктивные позывы. На данный момент в приоритете стояла концентрация на последствиях в долгосрочной перспективе, как это предлагал Маг, и Анита имела все силы для того, чтобы добиться благоприятных результатов в будущем. Маг был тем ангелом-хранителем, который защищал ее семью, несмотря на все обстоятельства настоящего. И Аните следовало прислушаться к его ненавязчивому

предложению, воспользовавшись теми инструментами с его стола, которые он ей предоставил.

Позиция неминуемых событий будущего, которую и занимал Маг, вселяла уверенность в том, что Анита безусловно обретет ощущение осмысленности всего происходящего и будет в состоянии воспользоваться силой воли, ведь управление своими эмоциями (как на то указывали вожжи в руках Колесничего, стоящего в той же позиции) позволит преодолеть возникшие препятствия и избавиться от самовнушения относительно того, что она попала в порочный круг (Мир в седьмой позиции) непрекращающихся неудач. Здесь Анита, следуя свободным ассоциациям с моим толкованием, сказала, что неприятности ее мужа начались со смертью его отца, произошедшей совсем недавно (конечно, ведь Император воплощает отцовский архетип и часто указывает на реального отца), и теперь она поняла что-то относительно истинной сути проблемы. Необходимость проявления сочувствия и оказания эмоциональной поддержки мужу, когда тот переживал сильнейший стресс — основное сообщение коллективного бессознательного, выраженное в составляющих расклад Аниты картах — нашла подтверждение в ее ассоциациях.

Здесь Анита высказала, что для нее действительно важно было услышать свой собственный голос, и в этом проявила себя терапевтическая сторона чтения. Что до позиции надежд, то она говорила о любви и благополучии. На десятке кубков была изображена картина долгой и счастливой семейной жизни, построенной на общих интересах и взаимной поддержке супругов. Десятая карта, четверка кубков, формулировала важный для Аниты совет, касающийся того, как следовало изменить свое поведение, чтобы должным образом повлиять на мужа: в отношении работы ей не следовало давить на него, увеличивая и без того высокое напряжение и тревогу, наоборот, следовало позволить всему идти своим чередом, не создавая из этой неприятности проблему, даже если в ближайшее время мужу и не поступит иных предложений. Этим она безусловно поможет облегчить лежащее на его плечах бремя забот (десятка жезлов).

Но как выбраться из того мрачного настроения, в котором находится ее ум (десятка мечей), спросила Анита. Тогда ей было предложено вытянуть карту, получив совет коллективного

бессознательного, и картой оказался Паж пентаклей. Новые идеи, начинания, сам процесс обучения должен был заполнить разум Аниты, и не только — само заведение (колледж Пасифик Оукс) могло выступить для нее как система поддержки: Паж на карте Таро бережно держал золотой пентакль новых познаний, которые Анита должна была приобрести в процессе обучения.

После Анита заполнила анкету. Она ответила утвердительно на вопрос о том, помогло ли чтение в достижении ее цели, добавив, что оно было «весьма богатым на озарения, связанные с моим поведением и чувствами в отношении супруга». Она не была уверена в необходимости повторного сеанса и указала, что чтение стало для нее важным и ценным, а также «очень позитивным». В целом же она отозвалась о нем так: «Это простое послание от Таро определенно дало мне сил».

Глава 9

КУЛЬТУРНАЯ ПЕДАГОГИКА ТАРО

Пятнадцать почти дословно описанных чтений из предыдущей главы вместе с последовавшим за ними отзывами участников о каждом конкретном чтении показали работу метода герменевтики Таро не только в теории, но и на практике. Это показывает, что символы могут быть интерпретированы на повседневном уровне, применительно к обыденной жизни, и применение метода на практике не требует обращения к эзотерической терминологии. Герменевтика Таро носит эгалитарный характер, и каждый может обратиться к ней среди суеты и неразберихи собственной актуальной жизни. Однако, как отражение столкновения с бессознательным, она безусловно «бросит вызов устоявшимся убеждениям и образу жизни» (Noddings, 2006, p. 1) силами трансформирующего обучения, уводящего от привычного образа мышления и действия.

Искусство интерпретации образов Таро требует взаимодействия развитой интуиции и аналитического мышления. Поле гностического знания шире любой конкретной правды, полученной путем дедуктивного рассуждения. Раскрытие глубинных смыслов, пребывавших в бессознательном в равной степени произошло и для каждого из участников, и для меня самой, что подтверждает наблюдение Ноддингс о том, что нам следует осознавать «уязвимость фактов — этих разрозненных утверждений, оторванных от контекста и говорящего» (Noddings, 1993a, p. 144).

Пожалуй, «Не существует иной истины, кроме творения Нового: это творчество, ведущее к неожиданному возникновению...» (Deleuze, 1989, pp. 146-147), связанному с созданием самоидентичности на основаниях экзистенциальных смыслов, вложенных в (вос)производимый на практике опыт.

Лишь когда наша мысль «получает доступ к бесконечному движению, освобождающему ее от истины как предполагаемой парадигмы, она вновь обретает имманентную творческую потенцию» (Deleuze and Guattari, 1994, p. 140). Именно при условии синхроничности или проекции, бесконечное движение, поток бессознательного, мгновенно коллапсирует, что приводит к осознанному восприятию глубинных архетипических смыслов, развернувшихся буквально перед глазами.

Бриколаж Таро и вдохновленная Делезом «методология складок» (St. Pierre, 1997a) ставят под сомнение наши предположения о том, из чего складывается получаемая информация. Симпатический подход включает одновременно и исследователя, и исследуемого, субъект и объект, сознание и бессознательное в процессе производства «складчатой субъективности» (St. Pierre, 1997a, p. 178) из противоречивых, трансгрессивных по своему характеру «едких и болезненных эмоциональных данных» (St. Pierre, 1997a, p. 181), выходящих за рамки редуктивной методологии позитивистской науки. Герменевтика Таро, таким образом, представляет собой особую технику себя, «используемую людьми для создания себя как этического субъекта собственных действий» (St. Pierre, 1997b, p. 365).

Итак, сведем воедино информацию, предоставленную участниками в форме приведенных выше протоколов и перейдем от качественных, описательных средств к количественным: 80% участников ответили утвердительно на вопрос о том, помогло ли чтение в достижении их целей (вне зависимости от того, как были обозначены существующая проблема и цель самого чтения), 7% ответили «частично» и 13% не были до конца уверены, отрицательных ответов не было. 93% ответили утвердительно на вопрос о том, стало ли чтение ценным и важным, 7% выразили свою неуверенность, отрицательных ответов дано не было.

Роль пост-формальной культурной педагогики, не сводимой к формальному научению, ценность обучения на опытах, как личных, так и коллективных, как сознательных, так и бессознательных, в той области человеческого развития, которая строится вокруг человеческого самоформирования, не должна оставаться непризнанной: герменевтика Таро создает альтернативную педагогику образов, существующих за пределами класса, и выходящих

за границы исключительно когнитивного знания. Оно расширяет пространство, в котором происходит процесс обучения до всего мира опытов с помощью символических, образных воплощений бессознательного, которые позволяют нам интегрировать его в сознание.

Считывание и интерпретация этих образов и символов в качестве проекции динамических архетипических процессов помогает людям начать обучение на собственных опытах, что выводит их на путь индивидуации. Однако, во многих из приведенных в восьмой главе случаев, индивидуальный опыт оказывался травматическим, вытесненным или даже отрицаемым и оставленным без должного внимания, но даже тогда эти образы выходили на поверхность сознания, приобретая там подтверждение. И параллельно с этим, потенциальная, будущая Самость, пребывающая в бессознательном, подтверждалась последовательной символической репрезентацией этих опытов.

Подтверждение является одним из столпов этики заботы Нэл Ноддингс в образовании. Оно проявляет себя в способности отождествлять с поступками другого лучшие из возможных мотивов, что возможно лишь в условиях отношений я-другой, отрицающих привычный подход, подразумевающий обращение к моральным агентам и переносащий на другого всю полноту ответственности за его действия. Изначально принадлежавшая Мартину Буберу, рассматривавшему ее преимущественно в онтологическом ключе, идея подтверждения отсылает к самому акту подтверждения как поощрения лучшей стороны в чужих поступках, даже если лучшее Я, Самость проявляется в них лишь потенциально.

Согласно Буберу, полностью познать человеческие ресурсы можно лишь рассмотрев конкретную ситуацию в ее полноте, как совместно переживаемое событие, объединяющее двух людей. Разумеется, в процессе герменевтики Таро ни читающий, ни тот, для кого проводится чтение, не могут заранее знать, чего им следует ожидать в итоге: бриколаж Таро просто задействует наличный материал. Подтверждение же позволяет поддержать дрящуюся связь, эти целительные отношения, возникающие как между двумя людьми, так и между человеком и превосходящим его миром. Сам факт того, что у меня отсутствовал какая-либо

заранее выработанная линия действий перед началом самого процесса интерпретации, обогатила эти отношения заботы, партнерства и сотрудничества элементами новизны и творчества.

Для Бубера достижение подлинности существования, то есть, становление целостной личностью, выходит за пределы отношений с самим собой и возможно лишь благодаря отношениям с другими.

Важно отметить, что в большинстве случаев, описанных в предыдущей главе, чтение затрагивало и «другого», прямо или косвенно, что соотносится с мнением Юнга о том, что столкновение с глубинами бессознательного «не только доносит конфликт до сознания: оно также подразумевает опыт особого рода, а именно, различие в себе чуждого «другого» (Jung, CW 13, 481). Этот «другой» обречен всегда оставаться незнакомым и непонятым чужаком, сообщение с которым практически невозможно. Договориться с ним также не представляется возможным, поскольку средства вербальной коммуникации не затрагивают коллективного бессознательного, где и пребывают архетипические ценности и смыслы, общие для всего человечества. И до тех пор, пока извечное отчуждение между собой и другим не будет преодолено и интегрировано в сознание, разрывы и провалы в процессе общения никуда не исчезнут. На материале отдельных случаев, представленном в восьмой главе, виден огромный потенциал герменевтики Таро не только для индивидуальных, но и для парных консультаций, затрагивающих вопросы отношений. Когда методы вербальной коммуникации оказываются бессильны и только мешают развитию отношений, задействование невербальных каналов спасает ситуацию, объединяя каждое «я» с каждым «другим». Принятие отношений между собой и другим в качестве начальной точки, позволяет задействовать рефлексивный, работающий в обе стороны метод познания, еще с античности отделявший подлинную педагогику от бесплодного мудрствования.

Данная глава рассматривает Таро и его функцию как инструмента пост-формальной культурной педагогики не только на уровне личностного развития, производства идентичности и смысла, но и как образовательное подспорье для культуры как таковой, благодаря которому ресимволизация Самости

становится средством к преодолению отчуждения на социальном уровне и культурных различий, залегающих среди складок культурного бессознательного. Консультирование по проблемам отношений и разрешения конфликтов, нахождение компромиссов в решении реальных проблем затрагивает индивидуумов в той же степени, что и коллективные скопления, как их назвал бы Делез, функционирующие в качестве «минимальных реальных элементов» (Deleuze, 1987, p. 51) анти-Эдипова, анти-фрейдистского шизоанализа.

Делез (Deleuze, 1987) ссылался на беседу Фрейда и Юнга, где Юнг указывал Фрейдю на важность множественных элементов, составляющих тот или иной контекст и отраженных в бессознательном. Делез также напоминает о том, что Фрейд не уделял внимания скоплениям, присутствующим в тотальности опыта широко известного случая Маленького Ганса:

Фрейд <...> не учитывает сборку (дом-улица-склад-напротив-омнибус-лошадь-лошадь-падает-лошадь-бьют!); не учитывает ситуацию (ребенку запрещалось выходить за ворота и т.д.); не учитывает поведение Маленького Ганса (становление-лошадью за неимением иных средств...). Единственное, что важно для Фрейда, что лошадь — это отец, и на этом все (Deleuze, 1987, p. 80).

Если мы ограничимся единственным общепринятым значением для образов сна или изображений Таро, они «потеряют свою силу образов и героев мифа и окажутся низведены до <...> условностей и морализаторских стереотипов» (Hillman, 1989, p. 25). При таком подходе и герменевтика Таро станет лишь повторением заранее установленных поверхностных интерпретаций, превращающих архетипическую динамику в «следование доктрине» (Hillman, 1989, p. 25). Но, как в примере Делеза со случаем Маленького Ганса, его лошадь нельзя свести к одному основному символу с заданным значением — фрейдистского образа отца; она скорее является частью целостной динамики взаимоотношений, включенной в сборку, которую составляет:

...перечень аффектов. <...> Эти аффекты циркулируют и трансформируются внутри сборки <...> Ганс также захвачен в сборке: материнская кровать, отцовский элемент, дом, кафе напротив, рядом пакгауз, улица, право выйти на улицу, завоевание

такого права, гордость от этого завоевания, но также и риск от завоевания, падение, стыд... Это не фантазии или субъективные мечты <...> Нет ли здесь к тому же еще неизвестной сборки, которая не была бы ни сборкой Ганса, ни сборкой лошади, ни сборкой становления-лошадью Ганса <...> И как бы это могло продвинуть далее проблему Ганса, в какой степени это дало бы выход тому, что прежде было заблокировано? (Deleuze and Guattari. 1987. pp. 257–258).

Предпосылки к дальнейшему движению в сторону разрешения проблемы и принятия тех или иных решений, обычно представляемые как заключения морального агента, не привязанного к определенной социокультурной среде, а потому способного представить наличные категории через и/или, в форме дуальных оппозиций, как, например, доброе и злое, верное и ложное, нельзя недооценивать. Но и анти-Эдипово, коллективное, бессознательное работает как «производящая машина <...> одновременно социальная и желающая» (Deleuze, 1995, p. 144) построено на «расах, племенах, континентах, истории и географии, всегда остается в социальном поле» (Deleuze, 1995, p. 144). Даже Фрейд, пусть делая акцент на сексуальности, определяет либидо как психическую или духовную энергию, движимую Эросом, что и есть жажда глубинного познания, внутреннего гнозиса.

Соответственно, новое, углубленное и расширенное культурное сознание должно производиться «не через детерминацию извне, но через становление, несущее с собой и сами проблемы» (Deleuze, 1995. p. 149). Становление есть аффект, как говорится в шестой главе, оно есть множественность аффектов, вроде тех, что отражены в арканах Таро, которые и производят множественные становления-другим, тем самым совершенствуя механизмы разрешения проблем в контексте общего «социального поля». Благодаря этому возможно открытие для новых способов мышления, чувствования и действия. Такова задача шизоанализа Делеза и Гваттари, который, как отмечалось во второй главе, делает бриколаж эффективным способом производства как на индивидуальном, так и на коллективном уровнях.

Подлинный бриколер, применяющий герменевтику Таро на практике, позволяет изображению служить проекцией глубинных

смыслов в контексте существующей проблемы, что рассмотрено в седьмой и восьмой главах. Согласно архетипической психологии Хиллмана, изображение в самом себе уже является «истинным иконоборцем <...> который раздражается [множеством] аллегорических смыслов, открывающих дорогу новым поразительным озарениям» (Hillman, 1989, p. 251). И именно герменевтика Таро связывает нас с Воображаемым миром Корбена, о котором говорилось в первой и третьей главах, тем миром, который проецируется в саму нашу реальность и тем самым служит виртуальным основанием для глубинного гностического знания в форме коллективных воспоминаний, приобретаемых человечеством на протяжении всей истории. Такое знание, всегда вызывающее отклик на душевном уровне, актуализуется с помощью «метода воображения» (Hillman, 1989, p. 24), всегда подразумевающего отношения заботы между «я» и «другим». Воображение, интуиция, озарение как три основных предпосылки для практики герменевтики Таро становятся также тремя обязательными компонентами альтернативной педагогической модели, которую мне хотелось бы обозначить «3I» в противовес редуктивного подхода «3R», тем самым предлагая неортодоксальные «неоспоримые основания» (Hillman, 1989). Именно отталкиваясь от этих виртуальных, и тем не менее имеющих неоспоримую реальность оснований (см. главу 6) возможно принятие этических решений и выбор возможного плана действий, не становясь изолированным моральным агентом, но находясь в гармонии с универсальной, архетипической динамикой.

Процесс принятия этических решений, имеющий относительный характер, в противовес основывающемуся на предустановленных предписаний, требует, согласно Ноддингс (Noddings, 1993a), конкретизации, а не абстрагирования. И в седьмой главе было отмечено, что метафора каббалистического Древа Жизни демонстрирует нисходящее движение от абстрактного к конкретному, которое «заканчивается» в реальности нашего материального мира, на телесном уровне, именно там, где, как сказал бы Романишин, «псюхе имеет вес <...>, что видно на примере синхронии» (Romanushyn, 2007. p. 38: курсив мой).

Так, через воплощение псюхе и достигается конкретизация. Герменевтика Таро как чтение и интерпретация образов и символов, раскрывающая значимые события человеческой

истории и культуры в форме нарратива, представляет собой искусство, способное на практике улучшить способности людей к созданию связей с миром духа и обучению на собственном опыте.

Однако, именно в *материальной* форме, с помощью карт из раскрашенной бумаги, абстрактная, виртуальная реальность архетипов становится конкретной, актуальной, что позволяет преодолеть разделение тела и духа.

Открытие на практике глубинных смыслов и ценности коллективного опыта и отдельных событий служит экзистенциальным уроком, способным преодолеть и другое разделение, между собой и другим. Но усваиваются ли такие экзистенциальные уроки? В 1942 году Европа была вовлечена в войну, которой Юнг посвятил свое вступительное слово на встрече Швейцарского психологического общества в Цюрихе (Jung, 1947). Он считал, что психопаты, стоящие у власти в Германии, не только втянули всю нацию и миллионы людей других наций в бойню, но и сама Германия в то же время стала жертвой «первого приступа ментального отчуждения» (Jung, 1947. р. 66) или «любопытного психического расстройства» (Jung, 1947. р. IX), итогом которого стали события в Европе XX века, не поддающиеся описанию, как их обозначил сам Юнг.

В равной мере неопишуемые события 11 сентября, имевшие место в начале XXI века, говорят о том, что многие уроки, вставшие перед человечеством в процессе коллективной, глобальной индивидуации так и не были усвоены. Юнг особо отметил, что процесс индивидуации, в противовес крайнему индивидуализму, естественным образом наделяет «человека осознанием своей связи с обществом, просто потому, что он привносит в сознание бессознательное, общий элемент, объединяющий все человечество» (Jung, 1947. р. 33). Но Дурак, стоящий на краю пропасти, может быть далек от идеала, к которому он стремится, выраженного в последнем аркане Мира как символа индивидуированной Самости, пребывающей в гармонии с Миром, в гармонии с Другим.

Учитывая прогресс, достигнутый новейшей психотерапией, Юнг обозначил проблему противоположностей, «проблему, являющуюся неотъемлемой характеристикой психики. Ее структура, по сути своей, столь радикально противоречива, что едва

ли можно высказать касающееся психологии утверждение, не высказав противоположного ему» (Jung, 1947, р. 37). Для Юнга коллективная психика полностью индивидуируется лишь во всей полноте охватив собственную архетипическую динамику. Конфликт противоположностей все еще имеет место быть, что было в полной мере продемонстрировано в XXI веке на примере разрушительных событий 11 Сентября и последовавшей за ними цепочке связанных происшествий по всему земному шару, не прекращающихся и по сей день.

Поскольку индивидуация означает становление «единым с самим собой, и в то же время с человечеством, так как каждый в конечном счете и есть человеческое существо» (Jung, 1947, р. 33), очевидно, что глобальная индивидуация в контексте актуализации архетипа целостности не была достигнута. Господствующий юнгианский архетип Вотана, подобный Дьяволу в колоде Таро, никуда не исчез; он все еще остается глубоко погруженным в коллективное бессознательное, изменяя лишь свое положение на географической карте.

В попытке понять события, происходившие в Германии в связи с деятельностью национал-социалистического движения, Юнг обратился к мифологии северного бога Одина или Вотана, повелителя бури и неистовства, и отметил, что Христианство превратило Вотана в Дьявола. Символический Вотан пробуждается для новых дел, когда «высвобождается <...> страсть к войне» (Jung, 1947, р. 4) и затихая в иные моменты, становясь незримым, но все еще пребывая в коллективном бессознательном и, следовательно, воздействуя на коллективную психику.

В движениях масс «всякая человеческая власть прекращается <...> когда в дело вступают архетипы» (Jung 1947, р. 13) на политической арене; человеческое же развитие не может определяться единственно личностным измерением, в рамках индивидуального роста. Символически Дьявол, как об этом упоминалось в четвертой главе, связан с юнгианской Тенью, воплощающей в себе страх, отрицание и зависимость. Характерная последовательность образов, идущих один за другим по возрастанию в колоде Таро — Дьявола, Башни и Звезды — предельно важна, особенно когда речь идет об их интерпретации на социокультурном уровне, в контексте коллективной психики.

На коллективном уровне Тень охватывает тех, кто находится за границами норм установленного порядка и социальной системы: «преступников, сумасшедших, маргиналов, козлов отпущения» (Samuels, 1985, p. 66). Дело не только в том, что они находятся как бы за границами культуры, но и, что особенно важна, сама культура оказывается неспособна принять собственную Тень. Юнг говорил о том, что вся эта организованная на рациональных началах толпа, называемая государством или нацией, [судя по всему] движима невероятной силой <...> Эта ужасная сила по большей части объясняется страхом перед соседней нацией, которую полагают одержимой злокозненным дьяволом. И поскольку никто не в состоянии распознать, насколько она сам одержим и бессознателен [относительно своего состояния], они лишь проецируют [его] на соседей, и потому становится священным долгом всякого иметь самые большие пушки и самый ядовитый газ. Самое же страшное в том, что они <...> правы. Все <...> соседи подчинены неуправляемому и не поддающемуся управлению страху, так же, как и они сами (Jung, 1947, p. 78).

Отравляющее свойство Дьявола нужно сперва распознать. Оно заключает в себе момент психологического отрицания и перехода преобладающей культуры или нации к политике козла отпущения с сопровождающим ее проецированием собственных теневых качеств на культуру, воспринимаемую в качестве «другого».

Человеческая агрессия представляет не только психологическую, но и «моральную проблему — проблему отношения с Тенью без одержимости ей» (Stevens, 1983, p. 227), которая в сущности есть проблема выбора предпринимаемых нами действий. Согласно Ноддингс, фундаментализм как таковой составляет «величайший камень преткновения в обучении разумной вере или неверию» (Noddings, 1993a, p. 140). Она отмечает, что «дьявольское <...> вырабатывается бок о бок с благом» (Noddings, 1993a, p. 32).

Психология козла отпущения связана с тем, что юнгианский психолог Эрих Нойманн определял как старую этику, то есть этический подход, являющийся центральным по отношению к архетипу Тени. В то время, как эго-сознание сосредоточено на не подлежащих сомнению фундаментальных, однозначных моральных принципах, эти самые принципы рассыпаются,

когда в дело вступает бессознательная Тень. Юнг указывал на компенсаторное значение тени по отношению к этическим обязательствам, отрицание которых влечет за собой множество губительных последствий в мировом масштабе:

Сложности, возникающие на этом этапе, более не являются эгоистическими конфликтами желаний, но затрагивают других в той же мере, в какой и себя самого. Здесь речь идет об основополагающих коллективных проблемах, приводящих в действие коллективное бессознательное, поскольку им требуется коллективная, а не персональная компенсация.

Мы <...> видим, что бессознательное приводит к возникновению содержания, значимого не только для затронутой им личности, но также и для других, фактически, для множества других людей, вероятно даже для всех (Jung, CW 7, 5).

Старая этика основывается на дуализме мышления, ограничивающемся и/или с его приверженностью идеалу совершенства и абсолютного Добра, неизбежно ведущего к возникновению его бинарной оппозиции, абсолютного Зла. Это «частичная» (Neumann, 1969, p. 74) этика, а не целостная, поскольку здесь пространство бессознательного не учитывается, либо отвергается; следовательно, любое решение остается прерогативой единственно сознательного Эго, а не полностью интегрированной Самости. Но новая, относительная этика требует распознавания собственно темной стороны и, через интеграцию Тени, осознания тьмы в самом себе.

Индивидуированная Самость возникает лишь тогда, когда противоположности существуют в гармонии, как единое целое, и ни один из полюсов не подавлен и не устранен окончательно. Постоянное присутствие Тени должно быть распознано и быть на виду, иначе она может кристаллизироваться в самых потаенных глубинах бессознательного, чтобы затем разорвать изнутри «ложное сознание», символом чего служит, как говорилось в четвертой главе, следующая карта, Башня, в некоторых колодах также называемая Разрушенной Башней или Домом Разрушения.

Разумеется, ведь противоположностью творящему Эросу, «увлекающему» за собой человеческую Психею и наполняющему ее желанием является деструктивный Танатос, сильнейшее влечение к смерти.

Гедерман (Hederman, 2003) предостерегает об опасности, которую представляет для себя и других неосознанность человека в отношении своей Тени. Если история и культура способны научить хоть чему-то, то именно тому, что в XX веке Дьявол полностью проявился как «ад на земле, ад самого человеческого существа. Ад жестокости и хаоса, проистекающий из неспособности сильных мира сего истолковать свои бессознательные мотивации» (Hederman, 2003, p. 21). И поразительный символизм Башни может быть отнесен к недавним событиям 11 сентября, отметившим начало XXI века.

Юнг указывал на то, что избыток гордости и страстей, который «возвышает человека не только над самим собой, но и над узами собственной смертности и ничтожности, в самом акте возвышения и уничтожает его» (Jung, CW 5, 171). Гром и молния в образе Башни отсылают к мифологическому гневу богов, несущему резкие и болезненные перемены на уровне коллективного бессознательного, следующие за разрушением своевольно воздвигнутого и крайне неустойчивого строения.

Однако, вынужденное бегство из Башни, лишаящее Героя всякой защиты, одновременно и освобождает его от символического заточения внутри отжившей психологической, культурной, идеологической и любой другой системы убеждений. Любая непредвиденная катастрофа, мгновенно возвращающая людей с небес на землю через уничтожение существовавших на фоне затянувшегося пребывания в рамках ценностной системы устоев и порядка вещей, характерных для той или иной культуры, также безусловным образом обеспечивает выход на новый уровень сознания.

Именно из-за того, что трансформация в процессе становления-другим происходит против воли, не по собственному желанию или через сознательное стремление, возникает столкновение с бессознательным, благодаря которому и случается созидательное становление-другим.

Согласно Делезу, «при выходе за пределы того, чем был раньше, покидая то, что казалось надежным и знакомым, сталкиваясь с необходимостью изобретать новые концепты для незнакомых территорий, претерпевая ломку моральных систем, мышление превращается в <...> „рискованное действие“, насилие, первой жертвой которого становишься сам» (Deleuze,

1995, р. 103). Сам человек и является тем, кому предстоит претерпеть символическую Смерть, как об этом говорилось в четвертой главе дабы продвинуть становление-другим.

Сбой в работе существующего порядка уже служит созданию условий для потенциального производства нового. Помимо природных катаклизмов, в культурных конфликтах архетипическая динамик проявляется в той же мере, последовательно переходя от образа Дьявола к следующей за ним Башне. Но, как было сказано в четвертой главе, последующей картой в колоде Таро, стоящей за Башней, является Звезда. Таким образом, карта Башни обозначает не просто сбой, но качественный прорыв с «семенами света, рассеянными среди хаоса» (Jung, CW 8, 388), когда тьма, воплощенная в предшествующем образе Тени-Дьявола, озаряется молнией; так на карте Звезды воцаряется сознание с божественными искрами, светящими с небес.

Делез (Deleuze, 1983) заметил, что культура часто подвергается насилию, переживаемому как шок, провоцирующий формирование мышления, что отсылает к известной платоновской метафоре пещеры: узник вынужден начать мыслить. Чтобы привести человеческую мысль в движение «нужно, чтобы некая сила *принудила ее мыслить*, бросила ее в становление-активностью» (Deleuze, 1983, р. 108; курсив Делеза). И поскольку «сама сила есть действие, акт складывания» (Deleuze, 1993, р. 18), вынужденное становления-активностью, эквивалентное становлению-другим в процессе разглаживания, где за разрушением Башни следует появление женского персонажа Звезды.

Показательно, что в снах Юнга, описанных в его *magnum opus*, Красной Книге и письмах к Вольфгангу Паули, его наставник Филемон часто появляется в сопровождении женщины, его собственной псухе или души, которая, учащей тому, как войти в соприкосновение с внутренними образами и сделать их источником творческих и целебных сил. В свою очередь, изображение на карте Звезды — обнаженная женщина, отбросившая одежду, как отбрасывают отжившие привычки и устаревшие ценности, включает в себя спектр значений, касающихся надежды, исцеления, вдохновения, творчества и реализации духовных устремлений.

Таким образом, становится понятно символическое послание «Разрушенной Башни», предвосхищающей появление Звезды,

и бывшей лишь переходным этапом в поступательной эволюции сознания и человеческого развитии. Тогда как обломки Башни рассыпались по земному шару, продолжаются войны в Ираке и Афганистане и не ослабевает угроза глобального терроризма, нам следовало бы усвоить заключенный в символах этой карты нравственный урок, связанный с конфликтом культур и их систем ценностей.

Наличие в колоде карты Звезда, следующей за Башней, символически выражает идею о том, что разрушение башни (башен) положило начало обновлению человеческого духа и созданию новых психических пространств. В образе Звезды заключено природное единство чистой (нагой) души и Природы, или потенциальное единство человеческой психики и *Anima Mandi* как воссоединения разрозненных божественных искр. Сосуды на карте красного цвета, что показывает человеческие плоть и кровь в единении с эссенцией духа, на которую указывает синий цвет воды, и вместе они выражают идею осознанности относительно потоков и волнений бессознательного.

В Звезде заключены такие понятия как надежда, вдохновение и примирение на заре новой эпохи, Эры Водолея, характеризующейся радикальной сменой ценностных ориентиров. В нынешнем культурном климате, полном самых разных верований, конфликтующих ценностей и культурных противоречий, в которых различные идеологии борются друг с другом, делая неизбежным крушение Башни, надежда оказывается первостепенной. И действительно, часто этот аркан называют Звездой Надежды, надежды на обретение осознанности и расширение человеческого сознания.

Нужно не отчужденно ждать грядущей мессианской эры, когда мы сами способны собрать воедино божественные искры в мировом масштабе. В нашей власти совершить революцию (как ее обозначил Нойманн) общественной системы ценностей, стоит лишь включиться в личную символическую эволюцию и превратить потенциальное в жизнь, проживая смыслы, преподносимые герменевтикой Таро, этой новой всеобщей культурной педагогикой.

Это предельно важно на уровне социального праксиса, в качестве ориентира для выстраивания человеческого поведения и механизмов принятия решений или выбора определенного курса действий! Юнг был уверен, что некоторые вероятные всеобщие

нормы человеческого поведения весьма плодотворны, но они никогда не определяют тех событий, которые являются поворотными точками в человеческой жизни. Как верно заметил автор [Эрих Нойманн]: «Сложная и противоречивая природа ситуации делает невозможным установление каких-либо теоретических правил нравственного поведения» <...> Сформулировать нравственные законы не только сложно, но и просто невозможно, поскольку едва ли можно помыслить хоть одно правило, обратное которому не было бы применимо при определенных обстоятельствах <...> С помощью новой этики эго-сознание смещается с его центральной позиции внутри психики, организованной по образу монархии или тоталитарного государства, и его место занимает *целостность* или *самость*, теперь воспринимаемая в качестве центра» (Jung, 1949 по Neumann, 1969, p. 13; курсив по оригиналу).

Для достижения такой целостности нам потребуется оценить реальные социальные ситуации как они предстают в рамках нашего праксиса и усвоить уроки, заключенные в архетипическом путешествии Таро по школе жизни. Только так возможно воссоединение всех божественных искр из единого расколотого сосуда и раскрытие смысла и направления наших жизней, самого нашего этоса.

Истинным ядром этической проблемы для Юнга являлась проблема достижения единства сознания и бессознательного, которое исторически «проецировалось в форме трагедии искупления» (Jung, 1949, по Neumann, 1969, p. 18). Символическая драма вновь повторяет себя не только в контексте последствий Второй мировой войны в Европе, которую Юнг воспринимал «лишь прологом» (Jung, 1947, p. 90), но на глобальном уровне в рамках настоящего момента социокультурной реальности. Однако, XXI век, когда последствия, принесенные Башней озарены светом Звезды, безусловно является той самой Новой Эрой.

Как уже упоминалось в четвертой главе, последний аркан, стоящий под номером двадцать один и носящий название Мир, представляет наш собственный образ как полностью индивидуированных Самостей, способных жить в гармонии с Другими и нести нравственную ответственность за Мир социума и природы, в которых мы существуем. Роберт Плейс (Place, 2005) упоминает

монаха двенадцатого века, Иоахима Флорского, которому было явлено видение человеческой истории, восходящей по этапам, каждый из которых был связан с одним из аспектов христианской Троицы. В Эпоху Отца был создан мир и записан Ветхий Завет. В Эпоху Сына был рожден и распят Христос, а также записан Новый Завет и установлена Церковь. Новая же эпоха, явленная Иоахиму, должна была стать царством Святого Духа.

Этот обетованный Золотой век примирения будет пронизан любовью, и, согласно видению Иоахима, в нем человечество смогло бы соприкоснуться с божественным напрямую, а не посредством Церкви, которая бы вследствие этого была упразднена. Само же божественное было бы найдено не вовне, а внутри, что близко идее хасидов о Боге, сокрытом в каждой душе. Подобным образом и божественный Эрос слился бы с человеческой Психеей в единое целое. Иудейская мифология приводит схожую историю, в которой Шехина, женский принцип и невеста Бога — символизирующего рассеянный свет — вернется из своего изгнания и соединится с возлюбленным, и тогда «священные искра преодолет разрыв» (Buber, 1963, p. 139), сделав возможной ресимволизацию коллективной Самости, что и станет «культурной трансформацией новой эпохи» (Wexler, 1996, p. 63).

Именно божественная искра Звезды «от души к душе размечает канву открытого общества, общества творцов» (Deleuze, 1991, p. 111): и символ Звезды включает в себя эту духовную творческую силу. Но эта творческая сила может полностью воплотиться лишь тогда, когда наши старые модели мышления будут преодолены в процессе становления-другим, даже если тот будет встретит сопротивление.

Архетипы, заключенные в картах Таро представляют различные аспекты индивидуальной и коллективной личности, связующей природное и культурное, ментальное и материальное, сексуальное и духовное, что есть выражение алхимической Софии, мудрости женского принципа, воплощенной в карте Верховной жрицы, проводнике Святого Духа, который пронизывает равно натуру и культуру (Semetsky and Delpech-Ramey, 2011), и играет роль посредника в конфликте противоположностей.

Присутствие Шехины, пусть лишь потенциально, в образе Верховной Жрицы, полностью реализуется в Звезде, образ

которой включает в себя и сияющие звездные искры, предвещающие грядущую трансформацию, ведущую к новому пониманию, новой эпохе и новой культуре. Помимо того, образ Звезды полон и природных символов. Так, согласно Буберу, нас «учат стихии, и воздух, и свет, и жизнь растений» (Vuber, 1971, p. 90). И задачей культурной педагогики Таро является обеспечение нас эмпирическим методом, благодаря которому мы сможем в равной мере черпать и от природы, и от культуры, учиться на своих опытах, даже несмотря на радикально трансцендентную природу этого эмпирического метода, как о том говорилось в шестой главе. Действительно, без задействования самотрансценденции и концепт обучения как таковой не имел бы никакого смысла.

До сих пор в рамках этой книги мы уделяли внимание преимущественно практическому аспекту герменевтики Таро и его роли в культурной педагогике и процессе формирования субъекта. В следующей же главе мы пристально исследуем новый подход к науке, на котором основывается функционирование всего процесса.

Глава 10

ТАРО И НОВАЯ НАУКА

У этой главы совершенно особая история. Еще в 1994 году, когда моя исследовательская работа в области поведенческих наук близилась к завершению, я все больше и больше задумывалась о такой научной парадигме, в рамках которой было бы возможно объяснение феномена Таро.

Очевидно, что механистической науки, построенной на линейных причинно-следственных связях, было недостаточно. И конечно, в седьмой главе этой книги я уже затрагивала проблему невозможности нашего языка адекватно отразить все богатство человеческих переживаний, поскольку те выходят за границы, установленные сознанием, охватывая реальность архетипов, «залегających» в коллективном бессознательном и выражающих себя через язык образов. Предпосылкой юнгианского *unus mundus*, единого мира, охватывающего тело, душу и дух, должно было стать наличие научного объяснения того, как функционируют архетипы, и в частности, как работает Таро, пусть эта практика по обыкновению и считается эзотерической, а, следовательно, ненаучной по своей сути. Мир как целое, однако, включает и само наше бытие в мире, поэтому выходит за рамки эмпирически познаваемого видимого мира.

В апреле 1996 г. мое сообщение «О природе Таро» было представлено на междисциплинарной конференции «На пути к Науке о Сознании» в Аризонском университете, Тусон, и Мэри Грир связалась со мной, чтобы обсудить вопросы, касающиеся затронутых в ней аспектов.

Полный текст этой заметки впоследствии был опубликован в журнале «Передовые Перспективы» Центра передовых научных перспектив Университета Темпл, Филадельфия за 1998 года, выпуск 7(1), сс. 58–66. Это издание спровоцировало весьма

примечательные дискуссии, в частности, с Мартином Гарднером, который затем опубликовал свои доводы в увидевшей свет в 2000 году книге «Разоблачая Псевдонауку: были ли у Адама и Евы пупки?».

В главе под названием «Что творится в Университете Темпл» Гарднер раскритиковал программу исследований Центра, уделив особое внимание выпуску журнала за осень-зиму 1998 года, где среди прочих была и моя статья. Он ссылался на переписку, последовавшую за публикацией и свой критический ответ, напечатанный в журнале «Скептический опросник». Касаемо моей статьи Гарднер писал следующее: «Инну Семецки задело то, что ее апологию толкования Таро я назвал „смешной“ без приведения причин, по которым я отвергаю подобные гадания <...> То, что этот журнал, претендуя на обсуждение „передовых“ проблем научных исследований опубликовал ее заметку <...> уже не смешно, а печально (Gardner, 2000, pp. 229–230).

Однако, что действительно печально, так это то, что общественное мнение остается верно привычке низводить герменевтику Таро до праздного гадания, и в таком ключе она априори вызывает подозрения, особенно с учетом попыток этого феномена выбраться из резервации поп-культуры, к которой его по традиции относят, и утвердиться на ниве академических исследований.

Что Гарднер упускает в своей критике, так это то, что подобный тип исследований требует понимания такого способа производства знания, как бриколаж и особой строгости (Kincheloe, 2001) в исследованиях, вместе с четкой этической позицией. Ниже представлена обновленная и дополненная версия моей статьи «О природе Таро» 1998 года.

Последние десятилетия XX века были отмечены научными открытиями, допускающими наличие единого универсального принципа, стоящего за ними. Теоретик систем Эрих Янч описывал этот основополагающий принцип как единство макро- и микроаспектов разума и эволюции, врач Дэвид Бом обогатил это понятие, выдвинув концепции скрытого порядка и квантового потенциала. Биология, химия, физика и науки об обществе также, весьма синхронично, совершили «поражительный переход», если воспользоваться формулировкой нобелевского лауреата Ильи Пригожина (введение к Laszlo, 1991), в сторону унификации

в рамках парадигмы науки о поведении сложных систем и теории динамических систем. Людвиг фон Берталанфи, первооснователь общей теории систем, признал неудовлетворительность аналитических процедур классической науки, основанной исключительно на линейных причинно-следственных связях; по его мнению, знание не сводится к отдельным фактам, но становится функцией динамических транзакций в поле «между познающим и познаваемым» (1972, р. XIX).

Это гипотетическое поле выходит за рамки четырех известных физике (гравитационное, электромагнитное, сильное и слабое ядерные). Это такое поле, которое проявляет себя во все чаще упоминаемом в последнее время воздействии на расстоянии, синхронических событиях и морфическом резонансе (Sheldrake, 1988), поле, которое предположительно и упорядочивает хаос в процессе самоорганизации. Судя по всему, оно обладает характеристиками живого, способно учиться и обучать, и к нему не применимы привычные дихотомии, оно выходит за рамки «обычных различий между <...> понятиями физического и ментального» (Naess, во введении к Laszlo, 1995).

Согласно Эрвину Ласло, специалисту по системным наукам, систематическое исследование этого поля могло бы ознаменовать новый этап в исследованиях сознания. Ласло уже определял (Laszlo, 2004/2007) это поле как информационный и концептуальный эквивалент поля *Акаши*, что на санскрите означает всепроникающее пространство, охватывающее, помимо четырех природных стихий еще и пятый элемент, квинтэссенцию. Таким образом, это пятое поле служит источником всего чувственно-воспринимаемого мира.

Герменевтика Таро, безусловно, указывает на существование такого поля. И хотя Таро часто и «возвышают» до статуса эзотерической, а значит и магической техники, лежащей за границами науки, или «опускают» до статуса гадания, Таро не является ни тем, ни другим. Фактически, процесс считывания и интерпретации символических изображений Таро обладает свойствами, указывающими на наличие некоторого общего основания, связывающее это древнее искусство и новейшую науку о комплексных самоорганизующихся (Dalenoot, 1994) многоуровневых системах. Еще в 1975 в своей классификации «внутренних»

техник, обеспечивающих доступ к знанию, Янч помещал Таро на мифологический уровень, рядом с генеалогическими методами, отмечая при этом связь этого мифологического уровня с тем уровнем, который можно определить, как «эволюционный». Янч утверждал, что именно на нем человеческий разум становится способным «настроиться на эволюционные волновые формы [и] выработать сознание, могущее соприкоснуться с четырехмерной действительностью» (Jantsch, 1975, p. 150), а не оставаться отделенным от трехмерного материального мира в качестве бесстрастного наблюдателя.

Эволюционные волновые формы подразумевают взаимопроникновению паттернов в рамках поля. Что же до непростого процесса настройки на это поле, то для него, помимо всего прочего, Янч полагал необходимым динамический «коммуникационный механизм, чья работа охватывает <...> уровни восприятия, таким образом, что, скажем „инсайт“ с эволюционного уровня может быть получен в той или иной форме на мифологическом уровне, через интуицию, сон, или качественные вибрации иного рода» (Jantsch, 1975, p. 149).

Этот коммуникационный механизм и дает метод герменевтики Таро, в котором духовный уровень универсального разума проецируется на индивидуальный разум в его ментальном и эмоциональном аспектах. Эти аспекты, в свою очередь, проявляются в материальной форме в границах геометрии расклада Таро, отдельные рисунки которого, как уже отмечалось в седьмой главе, служат частными проекциями эмоционального и ментального содержания, находящими отражение в актуальной физической реальности в своей конкретной, материальной форме. Обращая внимание на то, что организация комплексных динамических систем сопровождается процессами самоосознания и саморегуляции, Янч полагал, что «карты Таро <...> могут рассматриваться для облечения в конкретную форму и картографирования поля потенциальных человеческих реакций» (1975, p. 163). В самоорганизующемся процессе, «характеризующим систему и ее отношения с окружающим миром <...> разум <...> более не является противоположностью материи, но <...> координирует ее пространственно-временную структуру» (Jantsch, 1980, p. 14), что сближает его со вселенским Умом (νοῦς).

Лишь на новом уровне организации, словно по путям, отраженным на Древе Жизни, возникает, словно из ниоткуда и новое знание, но фактически оно исходит из Акаши, пятого поля непроявленной информации, преобразуясь и проявляясь в процессе. Таким образом, системным наукам не чуждо герметическое мировосприятие, поскольку в обоих случаях индивидуальный разум рассматривается как составная часть вселенной и природы в целом. И эта природа не мертва, но *одушевлена* динамикой самоорганизации, и архетипы, спроецированные в материальную среду, включены во взаимосвязь как с разумом, так и с самой природой. Сами же они расположены между ними, в *Воображаемом* мире Корбена. Разумеется, феномен «культурной синхроничности» требует и натуралистической интерпретации, когда речь заходит об архетипах <...> Архетипы и содержащее их коллективное бессознательное, пребывают не просто «в голове»: они «в самой сути» (Laszlo, 1995, p. 135). Глубочайший уровень *психида* представляет собой субстанциальную реальность, единство *псюхе* и *фюзиса* в *Unus Mundus*.

Юнгианская синхроничность в таком ключе будет лишь еще одним именем для нелокального современной физики. По Дэвиду Питу, акаузальная взаимосвязь может проявлять в форме нелокальных корреляций, находящихся, по-видимому, вне принятых границ пространства-времени (Peat в Rubik, 1992). Сам же Юнг также рассматривается современными пост-юнгианцами как теоретик систем, чей «системный <...> подход подразумевает, что <...> внешнее и внутреннее <...> внутриличностное и внутриспсихическое могут рассматриваться как цельное поле взаимосвязей» (Samuels, 1985, p. 266), в холистической манере объединяющих то, что иначе представлялось бы в качестве бинарных оппозиций разума и матери, познающего и познаваемого».

Нобелевский лауреат Вольфганг Паули, работавший с Юнгом над их общим трудом о синхроничности, видел дальнейшее развитие теорий бессознательного за пределами их исключительно терапевтического применения в качестве элемента естественных наук. Поле коллективного бессознательного сродни известным физике полям, однако, оно расширяет редуктивную «устаревшую и ограниченную идею каузальности до более

общих форм взаимосвязей в природе» (Pauli, 1994, p. 164). Синхроничность отвечает за те незримые взаимосвязи, которые существуют на высочайшем уровне восприятия и тот коммуникационный механизм, отражение которого Янч искал в доступной восприятию реальности расклада Таро, создающего канал, через который непроявленная информация, составляющая пятое поле может передаваться и, что особенно важно, *проявляться*.

Герметический постулат о превращении незримого в зримое, о котором говорилось в третьей главе, при таком подходе оказывается не просто мифом, он согласуется с динамикой комплексных систем, для которой характерны свойства, возникающие на иных уровнях, не связанные непосредственно с предшествующими им, но являющиеся их продолжением. Это проявляется в воздействии, транслирующемся через упомянутый канал — нелокальную связь — между этими уровнями. Герметический закон соответствий, на котором основана работа Таро, отражает, в терминах современной физики, нелинейную или циркулярную каузальность. Даже во времена Ньютона «симпатии» тем не менее брались в расчёт. Свойство же нелокальности и запутанности, характерные для пятого поля, Эрвин Лазло приравнивал к так называемому квантовому вакууму, а Дэвид Бом определял, как «нулевое поле», позволяет определенной последовательности карт оказываться на определенных позициях, составляющих, в свою очередь, поле смыслов (см. главу 7).

Итак, теория Дэвида Бома обозначает основные моменты психософской модели единого мира. Информационное поле, «залегающее глубоко под/над нашим сознанием, разворачивающееся в пространстве-времени» (von Franz в Friedman, 1986, p. 117) служит фоном для вакуума, не пустого, по сути своей, но «наполненного» виртуальными частицами. Из этого вакуума, вовне, возникает актуальная (позитивно заряженная) частица, тогда как виртуальная (негативно заряженная) остается сокрытой внутри поля. Как заметил Лазло, невидимое море Дирака (названное в честь физика Поля Дирака) виртуальных частиц — повсюду, и наблюдаемый, видимый мир лишь дрейфует на его поверхности. Так можно увидеть, что философские прозрения Делеза, относящиеся к взаимоотношениям виртуального и реального, на которые мы ссылались в шестой главе, были поистине провидческими.

Современная наука (Lucadou, 1994) говорит о том, что живые комплексные системы проявляют свойство нелокальности и на макроуровне, аналогично тому, как корреляции Белла также применимы и к микроуровню. Информация, заключенная в энергетическом поле, делокализуется и развертывается на физическом уровне системы. Информационное содержание каждой карты или их группы соотносится с конкретной констелляцией архетипов и описывает состояние сознания в определенный момент с помощью отдельных информационных блоков. Как только оно передается картами и интерпретируется читающим, возникает петля обратной связи. Таким образом, благодаря инсайту, касающемуся символического смысла определенных изображений, считываются конкретные блоки информации. Сам же инсайт провоцирует возникновение, по ассоциации, тех или иных чувств или мыслей, и человек в дальнейшем способен воспользоваться приобретенным знанием в своих последующих действиях, что создает новую петлю.

Согласно теории информации, именно присутствие схем обратной связи характеризует систему как имеющую потенциал к самоорганизации и саморегулированию. И Юнгу, без сомнения, удалось увидеть в психике такое же качество саморегуляции. Следовательно, герменевтика Таро выполняет здесь двойную функцию: изначально выступая как усилитель, делающий едва уловимые аспекты психики явными и конкретными, а затем как создатель множественных обратных связей, направляющих эти усиленные сигналы обратно в систему, расширяя ее возможности к восприятию качественно новой потенциально значимой информации. Как сказал бы Жан Гибсер, происходит *интенсификация* нашего сознания, и вся система в целом, ассимилируя приобретенное знание, *реорганизуется себя на более высоком уровне сложности*. Таков процесс человеческого развития и эволюции сознания.

Это то, что происходит в процессе архетипического путешествия, совершаемого между арканами Таро, в наполненном информацией пятом поле — так до поры известный лишь в теории концепт Лазло становится доступен в видимой форме, как живая реальность, возникающая в структуре расклада Таро и переживаемая в процессе герменевтики. И это не только опыт

эволюции прошлого, «но и опыт предвосхищаемого будущего, вибрации [которого] достигают настоящего <...> Настоящее динамической системы включает в себя не только настоящее, составленное из переживаний данного момента, горизонтальных процессов, но и прошлое <...>, включающее вертикальный эволюционный процесс, обуславливающий сложившуюся структуру данной системы, и будущее <...> связанное с возможностями дальнейшей эволюции» (Jantsch, 1980, p. 232). Мы вовлечены в активную коммуникацию с пятым полем, с нашими прошлым, настоящим и потенциальным будущим, происходящую в форме диалога, буквального и символического, проходящего по линиям делезовской *трансверсальной* коммуникации, связующей различные уровни комплексной системы.

Это и есть реальность, переживаемая на грани коммуникационного прорыва (Abraham, McKenna, Shelldrake, 1992). Посредством необратимого процесса герменевтики Таро человек проходит через актуальные опыты, соприкасаясь с полем коллективного бессознательного через его символическую репрезентацию в раскладе и обретает новую степень осведомленности, а с ней и новые степени свободы в форме гностического знания. Это не мгновенный процесс: физический мир характеризуется временной протяженностью, а потому и сам процесс разворачивается во времени. Для пятого поля сознания время — как мы его понимаем, хронологическое, линейное — есть лишь одна из его проекций, лишь аспект *вневременной* реальности архетипов.

Закон соответствий, применимый к пространству — как наверху, так и внизу — также имеет свое выражение относительно времени: что было есть то, что будет, и то, что будет есть то, что было. Руперт Шелдрейк (Shelldrake, 1988) связывал латентное состояние своих морфогенетических (формообразующих) полей с тем состоянием, которое характерно и для будущего. Юнгианский психолог Мишель Конфорти, представляя свою теорию поля архетипов (Conforti, 2003), ссылаясь на упоминаемые Юнгом структурные элементы психике, и выводил из этого подобие архетипического и морфогенетического полей. По мнению же Дэвида Бома время есть производная высшего порядка, и в этом качестве всякий отдельный момент вложен в целостность времени как такового. Выдвинутая им идея

голодвижения, стоящего за всей физической реальностью отсылает уже к другому эзотерическому закону, закону постоянства, говорящему о том, что всякое состояние универсума постоянно пребывает в серии манифестаций, циклов взаимонаправленных потоков. Сам этот «процесс [как] энергетический ток вселенной и «стоит за временем, всеми переменами и становлениями» (Abraham, McKenna, Sheldrake, 1992, p. 28) как мы воспринимаем их в нашем физическом времени.

Человеческие образы присутствуют на большинстве изображений Таро, они являются символами психики, изображаемой в серии трансформаций, пребывающей в нестабильности, в серии флуктуаций, составляющих саму человеческую жизнь и вносящих свой вклад в индивидуацию Самости. И по мере того, как психика переживает весь спектр этих флуктуаций, проходит через эволюцию и диверсификацию (Prigogine, в Laszlo, 1991), ее хаотическое состояние постепенно становится все более организованным благодаря работе принципа самоорганизации, производящего порядок через те флуктуации, что свойственны сложным многоуровневым системам. Каждый из арканов представляет собой некоторый недостающий элемент, который, будучи найден, заставляет воскликнуть «Эврика!», сопровождающее рождение новой идеи; это тот долгожданный инсайт, тот постоянно присутствующий потенциальный катализатор, запускающий трансформацию индивидуальной духовной жизни в творческий аутопоэтический процесс. Другое дело, как это отражается на физическом плане, в трехмерном пространстве и линейном времени, поскольку воздействие свободной воли способно как помешать ходу дальнейших событий, так и подействовать ему.

Самоорганизующийся процесс юнгианской индивидуации запускается лишь тогда, когда подлинные символы арканов активизируются, и субъект чтения готов к их восприятию посредством процесса герменевтики, делающего информацию, существующую до поры лишь в поле Акаши — коллективного бессознательного — доступной на уровне человеческого восприятия. Переживание людьми событий и ситуаций сопровождается энергетическим спектром, представленным в чувствах, мыслях, эмоциях и действиях. Такая динамика приводит к возникновению

моделей поведения, архетипичных по своей сути, и каждая такая модель отражается в картах, становясь средоточием психической энергии, проявляющейся в спектре материальных манифестаций (Abraham, McKenna, Sheldrake, 1992). При актуализации того или иного архетипа, он проецируется в последовательность карт расклада, тем самым приводя в действие акаузальную связь, основанную на принципе синхроничности.

Интенсифицированное и расширенное сознание, прошедшее интеграцию с бессознательным, способно преодолеть границы пространства и времени и одновременно воспринимать волны прошлого, настоящего и будущего, поскольку пятое поле обладает недифференцированной природой, и в нем они не отделены друг от друга. Разрозненные аспекты прошлого, настоящего и будущего, выступающие таковыми на нижнем, более плотном уровне спектра, приходят к единению на более высоком, тонком, разреженном уровне, достигая вершины в абсолюте *ipus mundus*. Поэтому различие уровней обуславливается частотой или интенсивностью их проявления: материя превращается в энергию, которая становится сознанием или информацией в постоянном движении к более высоким частотам, так же, как некогда и сама материя сформировалась из энергии, принявшей форму простейших водородных соединений.

В то время, как в физическом мире существующая формулировка закона сохранения энергии остается верной, относительно пятого поля она расширяется: здесь был бы уместен герметический закон о сохранении информации, или сознания. Согласно теории относительности Эйнштейна, мы скорее существуем в четырехмерном пространстве-времени, а не в трехмерном пространстве, протяженном во времени. Но современная физика на этом не останавливается: недифференцированное сознание или пятое поле включает в себя и само время. Именно поэтому при чтении расклада Таро присутствует ощущение, будто заглядываешь в будущее, из-за чего оно часто воспринимается как гадание в худшем из смыслов. Однако, и феномен дальнего действия не так давно воспринимался в таком же ключе!

Определенные позиции расклада, как уже говорилось в седьмой главе, отвечают за элементы времени, которые являются лишь проекцией пятого поля. На физическом же плане

проявления, время взаимодействует с тремя измерениями, парадоксальным образом выступая в одном раскладе в двух ипостасях. Любопытный же феномен прочтения как будущего, так и прошлого, обуславливается фактом того, что, «согласно точке зрения Бома, реальное событие вложено в сложноустроенный порядок, существующий вне времени и выделяющий его из себя лишь в нашем трехмерном мире». (Friedman, 1994, p. 74). Таким образом, прошлое, как и будущее, существуют в вечном настоящем пятого поля. Ласло (Laszlo, 2004/2007) также прокомментировал опыт астронавта с Аполлона, Эдгара Митчелла, свидетельствующего, что информация «присутствует повсюду <...> и присутствовала изначально» (Laszlo, 2004/2007, p. 67).

Под информацией здесь подразумевается «неуловимая взаимосвязь <...> между объектами, находящихся в различных точках пространства и событиях, происходящих в различные моменты времени. Такие взаимосвязи <...> — «нелокальные» в естественных науках и «трансперсональные» в исследованиях сознания». (Laszlo, 2004/2007, p. 68).

Расклад, выстраивающийся в конкретный момент времени вызывает к постоянно существующему состоянию пятого поля, Акаши, в котором содержится все, что только возможно узнать и то, что так или иначе может быть спроецировано, как прошлое, так и потенциальные события будущего, выражающие себя через определенные карты на определенных позициях. Согласно квантовой физике, то, что мы называем событием есть актуализованная возможность к проявлению тенденции, существующая лишь в потенциале: весь энергетический/информационный квантовый потенциал пятого поля, выраженный в его волновой функции и способный к манифестации. Пятое поле, в сущности, есть место действия потенциальной реальности, и все события прошлого, настоящего и будущего сосуществуют внутри него в качестве виртуальных потенциалов. Однако, какая из вероятностей станет актуальной, и какое из событий найдет свое выражение в физическом мире — это уже другой вопрос. В каждый момент времени «считывается» лишь часть целого, и тем самым «побуждается к активности» (Bohm and Hiley, 1993, p. 36). Потенциально активная информация активна повсюду, «но актуально она

активна только там и тогда, когда она способна облечь в форму <...> энергию» (Bohm and Hiley, 1993, p. 36), и такой формой в контексте герменевтики Таро являются сами карты.

Пятое поле «порождает *эффекты*, доступные к восприятию» (Laszlo, 2004/2007, p. 73; *italics mine*), буквально, нашими собственными глазами. Является ли в таком случае расклад лишь символической репрезентацией, своего рода топологией, или же предстает в качестве голографической модели информационных волновых форм поля коллективного бессознательного? Является ли психический «ток прерванным, входя в бытие во времени? [Или] обретает равновесие в бытии, замыкаясь на нем, подобно водовороту, который, замыкаясь на себе самом, тем не менее, постоянно пребывает в движении?» (Bohm по Friedman, 1994, p. 64). Является ли человеческий разум своего рода измерительным прибором, способным, благодаря своей высокой точности, фиксировать высокие частоты пятого поля, наполненного информацией?

Расклад, представляя перед нами архетипическую динамику, служит наглядной иллюстрацией разворачивания сложного, раскрытия изначально присутствующих потенциалов «Неразделенной Вселенной» (Bohm and Hiley, 1993) Дэвида Бома. Будучи развернуты, выражения содержания *разума* продолжают этот процесс уже в иной среде, на картах, на уровне тела, в самой *материи*. Утверждение Ласло о том, что формы возникают из пятого поля и информация таким образом преобразуется в материю, здесь проявляется на практике, обретает видимое выражение в форме расклада Таро. Эволюционные свойства поля информации или поля сознания и присущая ему интенциональность становятся очевидны: не проявленный еще, но пронизывающий все поле имплицитный порядок, разворачивается, становясь эксплицитным, а затем вновь сворачивается, чтобы направить самое себя в свойственной ему манере самоорганизации. Так, динамика, описываемая герменевтикой Таро, находит отклик во вселенской динамике пятого поля, в поле *трансцендентного*, и по принципу голограммы пятое поле *имманентно* присутствует в раскладе, что согласуется с принципами трансцендентного эмпиризма Делеза (см. главу 6).

Обретая *новое информационное наполнение*, материя вновь сворачивается в состояние, названное Бомом (Bohm, 1985)

нерушимой целостностью вселенной, что происходит благодаря осуществляемому в голографическом движении процессу саморегуляции. Это движение через уровни организации приводит к возникновению различных измерений, и в психологическом смысле сознание перемещается таким же образом как вовне, так и вовнутрь. *Вовнутрь* здесь значит в глубины бессознательного или в мир идей, «расположенный» среди каббалистических. *Вовне* же указывает на физическую реальность, в каббалистический мир действия. Следуя герметической традиции, атрибуты или качества бытия в процессе этого движения связываются двадцатью двумя путями, создающими сложную сеть взаимоотношений, подобно тому, как это происходит с двадцатью двумя большими арканами колоды Таро.

Архетипы, которые, согласно Юнгу, составляют саму структуру и динамику психики, аналогичным образом структурируют и информационное поле Акаши. В бомовском голодвижении не существует никаких *прямых каузальных связей*, есть лишь взаимосвязанность самих событий, универсальное поле же, согласно Бому, вплетено в целостность благодаря квантовой сети, которая и составляет те архетипические паттерны, которые на физическом уровне проявляются в виде констелляций изображений. Статическое отображение этого голодвижения, расклад Таро, представляет собой проекцию, в которой «заключена» динамика самого процесса. Биофизик Фриц-Альберт Попп предложил новаторский подход к эволюции, представленной как расширение когерентных состояний. Попп обозначил этот эволюционный принцип как способный обеспечить прогнозируемость развития, заметив, однако, что «содержание информации, передаваемой в этом развитии на основании расширения все же остается непредсказуемым» (Рорр по Rubik, 1992, p. 249). И тем не менее, сам характер герменевтики Таро делает прогнозируемой не только динамику развития, но и упомянутое информационное наполнение, пусть и в рамках так называемого детерминированного хаоса.

Значение и применимость математики сложных систем в психологии отмечались (Barton, 1994) в отношении нелинейного характера юнгианской терапии (Abraham. Abraham, Shaw. 1990). Еще в 1946 Курт Левин, один из пионеров психологии,

предположил, что поведение определяется мотивационными силами, составляющими психологическое поле. Попытка рассмотрения развития механизмов познания и деятельности с точки зрения динамических систем была предпринята в работе Телен и Смит (Thelen and Smith, 1995). Концептуально архетипы приравнивались к странным или хаотическим аттракторам, действующим в психике (Van Eenwyk, 1997), что позволило выделить «характерные модели, [которые] представляют возникновение порядка из хаоса и при верной интерпретации дают понимание состояния [бессознательных] процессов» (Van Eenwyk, 1997 р. 10). Собственно, в процессе чтения Таро предугадать возможно лишь объективную тенденцию, ведущую к возникновению того или иного события и возможное состояние системы с характерным для него информационным содержанием. Генри Стапп утверждал, что «если каузальные аномалии [каковой является герменевтика Таро] действительно имеют место быть, то можно говорить о том, происходит сдвигание завесы и нам предлагается взглянуть на реальность более глубокого уровня» (Stapp, 1993. р. 181; скобки мои).

В картах Таро воплощены аутопоэтические, самоорганизующиеся архетипические паттерны. Индивидуальные трансформации позволяют осуществить то, что в эзотерической терминологии обозначается как алхимический процесс освобождения духа от ограничений физического мира или, в контексте образования, обучение и человеческого развития — от узости мышления, обусловленной ограниченностью индивидуального сознания. Эволюция сознания реальна, и духовный поиск в этом контексте становится напрямую связан с личностным ростом, достижение состояния духовного здоровья эквивалентно обретению большего числа степеней свободы на пути развития. Степени свободы, доступные в рамках любой системе, характеризуют ее эволюционное развитие, ее уровень организации. Эзотерический же закон тождества отсылает к единому принципу, охватывающему все проявленные феномены, что не так далеко от предмета исследований современной науки о сложных системах.

Из этого закона следует, что единственное различие между этими двумя феноменами — степень их эволюционного развития в пространстве-времени. Но, что более важно, он позволяет

сделать выводы, согласующиеся с законом Кармы — цикла обусловленности — определяющего, согласно Шулеру (Schueler, 1989), особую природу эволюционного процесса для каждого объекта. Иными словами, геометрию поведения комплексных систем описывает любопытная смесь детерминизма и открытых вероятностей (Prigogine, в введении к Laszlo, 1991). Динамические процессы внутри этих систем происходят при потере баланса, то есть само состояние, в котором они существуют, далеко от состояния равновесия. Человеческая психика, в свою очередь, развивается в ходе самоорганизующегося процесса, о котором наше сознание, однако, может даже не предполагать. Как правило, такие бессознательные процессы отмечаются высокой напряженностью в ходе бифуркаций, которые являются «фундаментальной характеристикой поведения комплексных систем, подвергаемых стрессам или претерпевающих серьезные ограничения» (Laszlo, 1991, p. 4). Герменевтика Таро, как было рассмотрено в предыдущих главах, часто указывает на наличие крайне нестабильных ситуаций или состояний разума, вышедшего из равновесия, и именно эти ситуации являются поводом для внезапных бифуркаций, происходящих тогда, когда система подвергается напряжению, выходящему за границы допустимого в рамках ее нынешнего состояния.

Итоги такого «перенапряжения» неоднозначны: подобно тому, как бифуркации классифицируются по степени манифестации и тому динамическому состоянию, в которое они могут привести систему, большие арканы также символически соотносятся как с едва уловимыми (Колесо Фортуны), так и с катастрофическими (Смерть) или даже взрывными (Башня) бифуркациями. То, что описывается теорией хаоса как флуктуации, представляется в символической форме изображениями карт. Они могут выражаться в качестве незавершенных дел прошлого, разворачивающихся в настоящем конфликтов или грядущих кризисов, которые могут возникнуть в будущем. Эти характеризующиеся нестабильностью ситуации «нуклеированы» (термин Ласло) в конstellляции карт, метафорически отображая точки перехода, внезапные разрывы в непрерывном процессе или сингулярность динамического режима, формально охарактеризованного теорией катастроф (Thom, 1983).

Спонтанно возникающие петли обратной связи и составляют динамику Таро, тем самым составляя динамическую картину мира, основное место в которой уделяется взаимодействиям в рамках сети взаимосвязей, раскрывающейся в последовательных возникновениях обратной связи «включающих в себя рефлекссию и саморефлексию <...> во всех проявлениях человеческой жизни» (Jantsch, 1975, p. 149).

Способность к саморефлексии в то же время является и условием для выхода системы на иной уровень через «творческое преодоление статус-кво» (Jantsch, 1980, p. 91), в котором система учится и узнает о существовании новой информации. Обратные связи, которые Бом называл «инъекциями» (информации) содействуют трансформации самой системы. Именно благодаря им нетипичные каузальные связи выходят за рамки прямых, причинно-следственных. Юнгианская синхроничность в форме акаузальных связей таким образом представляет лишь еще один тип (не-механистичной) каузальности, что позволяет включить феномен синхронии в новую научную парадигму, основанную на принципе самоорганизации.

Фактически, «всякая каузальность «вертикальна», она идет снизу вверх (проекция), либо сверху вниз (реинъекция) <...> Так называемое предвидение должно лишь задействовать резонанс происходящего в данный момент события объяснимого порядка с тем, что произойдет позже — с точки зрения этого порядка, выстраивающего события последовательно — и также сможет быть объяснено» (Griffin, 1986, p. 129). Все сокрытые аспекты события локализуются и раскрываются буквально на глазах благодаря синхроничной, непрямой и нелокальной связи между индивидуальным разумом и универсальным полем, голографической частью которого этот разум и является. Герменевтический подход содействует человеческому развитию в области ментального, эмоционального и духовного роста и интеграции бессознательного в сознание. Ласло (Laszlo, 1991) также выражал схожую точку зрения, говоря, что человеческие существа являются активными элементами в динамике множественных флуктуаций, и способны создавать альтернативные модели поведения, изменяя ход процессов, в которых они задействованы, но лишь при том условии, что им известна природа этих процессов.

Именно благодаря герменевтике Таро данное знание становится доступным, давая человеку возможность осознать собственные эволюционные процессы! Обладая целительными и образовательными качествами процесс чтения Таро наделяет новыми смыслами те кажущиеся случайными и бессмысленными совпадения, которые наполняют человеческую жизнь.

И хотя вселенная вдохновляет нас образами эволюции и прогресса, она в то же время предостерегает о существовании тех хаотических периодов, которые должны возникать для того, чтобы творился новый порядок, так же, как перед Звездой должна появиться Башня, о чем говорилось в предыдущей главе. Развертывание эволюционного процесса проникнуто нелинейной динамикой человеческих опытов, и эта нелинейность также отражается в раскладе Таро. Символически изображение может указывать, к примеру, на период стагнации (Повешенный), потребность в осознании и проработке индивидуальной или коллективной Тени (Дьявол), необходимость научиться прислушиваться к собственной интуиции (Отшельник) или подготовиться к встрече с неожиданным кризисом в форме как мгновенного шока (Башня), так и продолжительного ментального напряжения (Луна), что было рассмотрено в четвертой главе. Изображения также могут дать надежду (Звезда) или помочь избежать крайностей (Умеренность).

Каждый отдельный расклад состоит из последовательности изображений, представляющих архетипические модели, которые, в свою очередь, отражают комбинации множества переменных, задействованных в психодинамических процессах. Сознательная осведомленность об этих моделях в процессе чтения дает возможность структурировать получаемую информацию и, потенциально, организовать ее на более высоком уровне интенсифицированного сознания. При восприятии цельного осмысленного паттерна, а не отдельных разрозненных событий, как утверждает Ласло, «существует возможность экстраполяции. Какова бы ни была природа этих паттернов, она служит словно бы ручкой, за которую можно ухватить что-либо и увидеть, как оно развернется в будущем» (Laszlo, 1991, p. 50). Герменевтика Таро обогащает наше видение не только существующего положения вещей, но и тех потенциальных состояний, которые

могут быть достигнуты в процессе становления. Информация становится доступной в процессе чтения и одновременно, следуя принципам квантовой механики, дает толчок к трансформации и углублению восприятия этой информации.

Однако, законы квантовой механики касаются квантового поля. Что же до макромира, в нем может пройти значительное время, прежде, чем материал, «прячущийся» в бессознательном достигнет уровня сознания и еще больше времени потребуется для того, чтобы он проявился в действиях. Впрочем, чем дальше зашла эволюция конкретного человека, тем меньше различаются частоты индивидуального разума и универсального Ума. Могут ли они войти в резонанс? И если да, будет ли достигнут тот уровень, когда интуиция обретает форму телепатии? Тот ли это уровень, на котором находятся мистики и пророки? Как бы то ни было, информация, исходящая изнутри, из глубин человеческой психики, делает его одновременно наблюдателем и наблюдаемым, вовлеченным в то, что в иных терминах обозначается как *participation mystique*.

На данный момент такое взаимное соучастие и преодоление дуализмов стало прерогативой науки. Она, в свою очередь, не может быть противопоставлена искусству вследствие того, что творческий элемент также является частью динамики самоорганизации. Инсайт и интуиция становятся средствами восприятия, включенными в двусторонний процесс диалоговой коммуникации, в которой «символическое выражение становится возможно, сначала в форме саморепрезентации <...> а затем как символическое воссоздание внешней реальности и ее активных принципов» (Jantsch, 1980, p. 14), существующих в согласии с нашими собственными механизмами принятия решений. Такова универсальная схема обратной связи, делающая возможной самоорганизацию сознания: человек осознает эмоциональное содержание собственного разума, буквально всматриваясь, словно внутрь себя, в прошлое, настоящее и будущее, обретающее форму прямо перед ним. Вся информация, «все это знание, и это ключевой момент, доступно и находится внутри нас» (Jantsch, 1975, p. 146), пусть до поры оно и скрывается в бессознательном, ожидая момента, когда оно будет донесено до сознательной осведомленности.

Но здесь встает вопрос, как именно воспринимать информацию, открывающуюся в результате осуществления герменевтики Таро? Этика заботы Нэл Ноддингс и подход «мягкого воздействия» (по Rubik, 1992) Дэвида Пита указывают на те экстраординарные качества человеческого разума, которые составляют забота, любовь и уважение, выступающие как необходимость. И судя по всему, величайшая цель разумной вселенной состоит в достижении этих качеств разума и интенсификации индивидуального сознания до высочайшего уровня восприятия таким образом, чтобы индивидуальное сознание резонировало со универсальным Умом во взаимной гармонии, чтобы человеческая душа возвратилась в родную *Anima Mundi* — такова цель человеческого развития и обучения в школе жизни.

Приложение

АНКЕТА (ОПРОСНИК)

1. Ваш пол:

- А) Муж.
- Б) Жен.

2. Ваш возраст:

- А) До 20 лет
- Б) Между 20 и 30 годами
- В) Между 30 и 40 годами
- Г) Больше 40 лет

3. По какой причине вы обратились за Чтением Таро (возможно несколько вариантов ответа):

- А) Проблемы личного характера
 - Б) Проблемы профессионального характера
 - В) Проблемы во взаимоотношениях с людьми
 - Г) Никаких проблем
 - Д) Другое (поясните):
-

4. Какой цели вы хотели добиться от Чтения:

Получить информацию о:

- А) Прошлом
- Б) Настоящем
- В) Будущем
- Г) Обо мне
- Д) Значимых Других
- Е) Другое (поясните):

КЛУБ КАСТАЛИЯ ПРИГЛАШАЕТ

ПСИХОТЕРАПИЯ

**Только для жителей
Москвы.**

- Для тех кто желает пройти Юнгианский анализ.
- Для тех кто заинтересован в путешествии в глубины себя.
- Для тех кто желает познать законы внутреннего мира и научиться понимать язык сновидений.

Юнгианский анализ

Олег ТЕЛЕМСКИЙ, автор множества книг и руководитель юнгианского просветительского проекта Касталия, предлагает **личный анализ**.

Стоимость одного часа 1500 р. (цены на момент март 2016г).

Для переводчиков Касталии — бесплатно.

По всем вопросам пишите **aton93@yandex.ru**